

IV.

. О МѢРАХЪ КЪ ОБЕЗПЕЧЕНІЮ НАРОДНАГО ПРОДОВОЛЬСТВІЯ НА КРАЙНЕМЪ СѢВЕРѢ РОССИИ.

1869.

Часто повторяющіеся на крайнемъ сѣверѣ Европейской Россіи неурожаи (на десятилѣтіе, среднимъ числомъ, приходится три неурожайныхъ года) и, въ особенности, полный неурожай 1867 года, заставили Министерство Внутреннихъ Дѣлъ обратить особенное вниманіе на обезпеченіе народнаго продовольствія жителей сѣвера, и преимущественно Архангельской губерніи. Министерство не нашло возможнымъ остановиться въ этомъ отношеніи на мѣрахъ служащихъ къ обезпеченію народнаго продовольствія только во время голода, считая такія мѣры, при всей безотложной ихъ необходимости въ это время, только временными и палліативными, и рѣшилось идти далѣе, т. е. изслѣдовать коренныя условія экономическаго благосостоянія жителей крайняго сѣвера, и заботиться о развитіи этого благосостоянія въ той мѣрѣ, чтобы само населеніе не имѣло слишкомъ большой надобности въ непосредственной помощи государства на случай столь часто повторяющихся неурожаяевъ.

Поставить жителей крайняго сѣвера Россіи въ такія условія представлялось Министерству тѣмъ болѣе возможнымъ, что, при климатическихъ условіяхъ Архангельской губерніи, жители ея занимаются не исключительно земледѣліемъ, а прибѣгаютъ для обезпеченія своего благосостоянія къ разнаго рода промысламъ, даю-

щимъ имъ возможность приобрѣтать покупкою количество хлѣба, въ значительныхъ размѣрахъ недостающее для мѣстнаго потребленія даже и въ урожайные годы (количество хлѣба, недостающаго для мѣстнаго потребленія Архангельской губерніи, простирается въ обыкновенные годы до 1.000.000 пуд. въ годъ, а въ неурожайные—можетъ возрасти до 1.800.000 пуд.). Такимъ образомъ, обезпеченіе народнаго продовольствія Архангельской губерніи зависитъ не столько отъ урожая, сколько отъ соразмѣрности выгодъ, получаемыхъ жителями отъ промысловъ, съ цѣною привознаго хлѣба.

Вслѣдствіе сего, правительственная задача по отношенію къ жителямъ крайняго сѣвера Россіи заключается въ томъ, чтобы, изслѣдовавъ въ подробности экономическія условія края, съ одной стороны, устранить препятствія къ развитію всѣхъ тѣхъ промысловъ, которые нынѣ обезпечиваютъ благосостояніе жителей, и способствовать развитію тѣхъ, которые, будучи возможны по физическимъ условіямъ страны, находятся еще въ неразвитіи или упадкѣ, а съ другой стороны — удешевить цѣны на привозимый изъ болѣе хлѣбородныхъ мѣстностей хлѣбъ, безъ котораго крайній сѣверъ Россіи ни въ какомъ случаѣ обойтись не можетъ.

Имѣя въ виду выполненіе такой задачи, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ обратилось къ Министерству Государственныхъ Имуществъ, въ вѣдѣніи коего находятся не только лѣса и пусто-порожнія земли Архангельской губерніи, но и къ предмету вѣдомства коего относятся заботы объ улучшеніи земледѣлія и рыболовства, и, по соглашеніи съ симъ Министерствомъ, былъ командированъ въ Архангельскую губернію служащій въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, инспекторъ сельскаго хозяйства и рыболовства, дѣйствительный статскій совѣтникъ Данилевскій, столь извѣстный своими изслѣдованіями о рыболовствѣ Бѣлаго моря и Сѣвернаго океана. Задача, поставленная дѣйствительному статскому совѣтнику Данилевскому, заключалась въ опредѣленіи, при помощи мѣстныхъ властей и совершенныхъ уже по инициативѣ начальника губерніи мѣстныхъ изслѣдованій, нынѣшняго экономическаго положенія жителей Архангельской губерніи, и тѣхъ мѣръ, коими правительство можетъ содѣйствовать развитію мѣстныхъ промысловъ въ губерніи, обезпечивающихъ благосостояніе населенія, и уменьшенію цѣны на хлѣбъ, привозимый ежегодно въ губернію въ весьма значительныхъ размѣрахъ.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Данилевскій возвратился

въ Петербургъ въ январѣ 1869 года, и представилъ нынѣ отчетъ свой гг. Министрамъ Государственныхъ Имуществъ и Внутреннихъ Дѣлъ. Такъ какъ отчетъ этотъ выясняетъ вопросъ объ экономическомъ положеніи жителей крайняго сѣвера Россіи со всѣхъ сторонъ, то „Правительственный Вѣстникъ“ представляетъ извлеченіе изъ этого отчета, съ изложеніемъ различныхъ предположеній, какъ Данилевскаго, такъ и мѣстнаго начальства Архангельской губерніи, которыя въ непродолжительномъ времени предположено разсмотрѣть въ особой имѣющей для сего учредиться коммисіи.

Въ началѣ своего отчета, прежде нежели приступить къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ предметовъ, касающихся до народнаго хозяйства жителей Архангельской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Данилевскій старается установить нѣсколько общихъ точекъ зрѣнія на предметъ, и прежде всего отвѣчаетъ на вопросъ: должно ли считать Архангельскую губернію, по ея естественнымъ средствамъ, краемъ богатымъ или бѣднымъ? Поводомъ къ постановкѣ подобнаго вопроса служить то, что въ литературѣ нерѣдко встрѣчаются указанія на естественныя богатства края вообще, или нѣкоторыхъ частей его, которымъ недостаетъ только инициативы правительства и частныхъ капиталистовъ или компаній для своего развитія, которое въ скоромъ времени обратило бы Архангельскую губернію въ одинъ изъ богатѣйшихъ краевъ нашего отечества. Нѣкоторые даже видятъ процвѣтаніе края въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошедшемъ, кто—въ прошедшемъ столѣтіи, кто—въ первой четверти настоящаго, кто—даже не далѣе какъ въ сороковыхъ годахъ; по мнѣнію же Данилевскаго, стоитъ только обратить вниманіе на медленное возрастаніе народонаселенія Архангельской губерніи, чтобы убѣдиться, что средства ея не могутъ быть велики. Уже болѣе 700 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ русская колонизація устремилась въ Двинскій и Поморскій край и все еще населеніе Архангельской губерніи не превышаетъ 270.000 душъ, между тѣмъ какъ позже начавшая заселяться и въ пять разъ меньшая по пространству, Вятская губернія достигла въ восемь разъ большаго населенія. Къ тому же заключенію придетъ, если обратимъ вниманіе на движеніе народонаселенія въ Архангельской губерніи за тѣ годы, когда уже стали вести до извѣстной степени аккуратный счетъ народонаселенію, какъ показываетъ слѣдующая табличка:

	Годы.	Число душъ.	Общая прибыль или убыль.	Средняя годовая прибыль или убыль.
По 4-й ревизіи	. 1782	183.627	— 111	— 8
„ 5-й „	. 1796	183.516	— 399	— 25
„ 6-й „	. 1812	183.117	— 6.114	— 1.528
„ 7-й „	. 1816	177.003	+29.213	+1.623
„ 8-й „	. 1834	206.216	+19.585	+1.152
„ 9-й „	. 1851	225.801	+20.969	+2.867
„ 10-й „	. 1858	245.870	+ 7.130	+1.019
„ переписи 1865 *)	около	253.000.		

Слѣдовательно, въ теченіе первыхъ 30 лѣтъ, населеніе стояло неподвижно; въ слѣдующіе четыре года убыло тысячъ на шесть и затѣмъ только стало медленно прибывать, именно—въ 50 лѣтъ на 76.000 или почти на 44⁰%, между тѣмъ какъ, если бы населеніе увеличивалось на 1⁰% въ годъ, то въ 50 лѣтъ оно бы должно было увеличиться на 64⁰% т. е. на 113.000.

Истинное значеніе богатствъ Архангельскаго края уясняется изъ сравненія цѣнностей главнѣйшихъ продуктовъ его между собою, и съ однородными продуктами другихъ мѣстностей Россіи. Рыба и лѣсъ—вотъ главные произведенія Архангельскаго края. Ежегодные уловы—Мурманскій, Бѣломорскій и Печорскій составляютъ цѣнность не болѣе какъ въ 1.000.000 рублей, тогда какъ Астраханская губернія, которую, однако, все еще нельзя назвать богатымъ краемъ, доставляетъ рыбы не менѣе какъ на 10.000.000 руб. Цѣнность вывозимаго изъ Архангельска лѣса и лѣсныхъ продуктовъ не можетъ быть опредѣлена болѣе какъ въ 1.400.000 или 1.500.000 руб., но только половина этой цѣнности доставляется Архангельскою губерніею, какъ видно изъ слѣдующаго приближительнаго разсчета. Въ послѣдніе годы вывозилось изъ Архангельскаго порта около 160.000 нормальныхъ дюжинъ досокъ (standart dozen), чтб, кладя по 5 рублей дюжину, не считая фрахта, даетъ

*) Собственно, наличное податное народонаселеніе по этой переписи составляло 243.218 душъ, но, такъ какъ, при ревизіяхъ, исчислялось не наличное, а приписное народонаселеніе, то для полученія чиселъ подлежащихъ сравненію, надо причислить къ наличному населенію 1865 года около 10.000 душъ, находившихся въ отлучкѣ по паспортамъ.

800.000 руб; но только менѣ половины этого количества доставляется Архангельскою губерніею, другая же, бѣльшая половина идетъ изъ Вологодской губерніи. Изъ Онежскаго порта вывозится около 100.000 бревенъ т. е. на 300.000 или 350.000 руб., но изъ нихъ не болѣе 20.000 бревенъ изъ Архангельской губерніи, прочее же количество идетъ изъ Олонецкой и, частію, Вологодской губерніи, такъ что отпускаемый за границу строевой лѣсъ, вырубаемый въ предѣлахъ Архангельской губерніи, составляетъ цѣнность не выше 450.000 или 500.000 рублей. Произведенія смолокурения не могутъ быть опредѣлены, въ настоящее время, выше 300.000 рублей, что составить около 750.000 или 800.000 руб. Въ этой суммѣ заключается доходъ казны, плата рабочимъ, фабричныя издержки на пилку лѣса, проценты на капиталъ, и барыши предпринимателей и торговцевъ. И такъ, два главныхъ богатства Архангельскаго края доставляютъ не болѣе какъ на 1.750.000 или 1.800.000 руб. въ годъ. Между тѣмъ, хлѣбопашество Архангельской губерніи доставляетъ въ годъ хорошаго средняго урожая около 1.850.000 пудовъ хлѣба, какъ видно изъ слѣдующаго разсчета: въ 1867 году посѣяно яроваго до 57.303 четвертей, озимаго—до 14.613: принимая средній урожай въ самъ-пять для озимаго, самъ-четыре — для яроваго, и отсчитывая по одному зерну для посѣва, четверть же ржи считая въ 9, а ячменя—въ 7 пудовъ 30 фунтовъ—получимъ 1.332.000 пудовъ ячменя и 528.000 пудовъ ржи, итого 1.860.000 пудовъ хлѣба, могущаго идти на продовольствіе населенія. Принимая дешевую для Архангельской губерніи цѣну въ 80 коп. за пудъ, все же цѣнность хорошаго средняго годоваго урожая опредѣлится не менѣе какъ въ 1.500.000 руб. Слѣдовательно, хлѣбопашество Архангельской губерніи, которое по справедливости считается совершенно ничтожнымъ—ибо даже въ годы особенно урожайныя, какъ на примѣръ настоящій 1868 годъ, оно не можетъ прокормить губерніи,—составляетъ тѣмъ не менѣе главную отрасль ея промышленности, цѣнность продуктовъ которой, въ годы средняго хорошаго урожая, доходитъ до $\frac{6}{7}$ цѣнности произведеній лѣсныхъ и рыбныхъ промысловъ, вмѣстѣ взятыхъ. Это значеніе хлѣбопашества возрастетъ еще болѣе, если принять во вниманіе, что доходъ отъ земледѣлія распределяется между лично занимающимися имъ, безъ всякаго участія постороннихъ лицъ, тогда какъ доходъ отъ лѣсныхъ промысловъ значительною долею остается въ рукахъ немногихъ владѣльцевъ лѣсопильныхъ заводовъ и загра-

ничныхъ отправителей; да и значительная часть дохода отъ рыболовства идетъ въ пользу хозяевъ морскихъ судовъ, лодокъ и снастей. Изъ прочихъ промышленностей Архангельскаго края, торговля Архангельскаго порта представляетъ собою цѣнность гораздо высшую, нежели земледѣліе, рыболовство и лѣсные промыслы, вмѣстѣ взятые; но не должно забывать, что значительное большинство предметовъ этой торговли суть произведенія Вятской и Вологодской губерній, и что, по этому, торговля ими, по отношенію, къ Архангельской губерніи, имѣетъ какъ бы транзитный характеръ. Прочія отрасли промышленности Архангельской губерніи, сравнительно съ торговлею, земледѣліемъ, рыболовными и лѣсными промыслами, должны быть названы ничтожными; такъ, напримѣръ: охота за бѣлкою и дичью, круглымъ числомъ, доставляетъ населенію не болѣе 100.000 руб. въ годъ, кожевенный промыселъ—около 65.000, канатный—до 45.000, солеваренный, въ настоящее время—менѣе 20.000 руб., хотя сей послѣдній можетъ быть еще значительно развитъ.

Если обратиться непосредственно къ естественнымъ условіямъ Архангельской губерніи, къ ея климату, почвѣ и произведеніямъ, то нельзя не прійти къ тому же результату, на который указываютъ слабое движеніе ея народонаселенія и сравнительный взглядъ на ея промыслы. Въ самомъ дѣлѣ, почва Архангельской губерніи, хотя и можетъ давать хорошіе урожаи, но не иначе какъ при усиленномъ удобреніи и самой тщательной обработкѣ, почему, въ короткій періодъ сѣвернаго лѣта, жителямъ нельзя обрабатывать значительнаго количества земли. Климатъ позволяетъ произрастать самымъ малоцѣннымъ хлѣбамъ—ржи и ячменю: ни ленъ, ни пенька, ни прочія мануфактурныя, ни маслянистыя, ни красильныя растенія, произрастать въ губерніи не могутъ. Самые рожь и ячмень часто побиваются морозами. Лѣсъ составляетъ дѣйствительно запасъ неистощимый, но хотя извлеченіе изъ него выгодъ можетъ быть значительно усилено, все же громаднѣйшая доля его останется на многіе и многіе годы мертвымъ капиталомъ, такъ что, при необходимости заросшихъ лѣсомъ пространствъ, онъ составляетъ теперь, и долго еще будетъ составлять, не богатство только, но и сильное препятствіе къ развитію культуры. Рыбные промыслы далеко не такъ богаты, какъ обыкновенно себѣ это представляютъ, и притомъ не многіе изъ нихъ подлежатъ дальнѣйшему развитію. Изъ рыбныхъ промысловъ значительно усилиться могутъ только:

1) сельдяной ловъ въ Кандалацкой губѣ, чрезъ введеніе лова ставными сѣтями, совмѣстно съ нынѣ исключительно употребляемыми неводами. При ставныхъ сѣтяхъ рыбаки будутъ въ состояніи сами отыскивать сельдей на глубинѣ, не ожидая непременно прихода ихъ въ мелкія мѣста побережья, куда они не всегда приходятъ; 2) Мурманскій тресковый промыселъ, если произведеніямъ его будетъ открытъ болѣе обширный сбытъ въ Вятскую губернію, гдѣ онъ можетъ соперничать съ произведеніями Каспійскаго рыболовства. Море и соляные источники доставляютъ сами по себѣ неисчерпаемый источникъ соли, но соль, добываемая вываркою изъ этихъ рассоловъ, опять таки можетъ, при наибольшемъ развитіи солянаго промысла, удовлетворять только мѣстнымъ потребностямъ губерніи, ибо, по дальности провоза и относительной дороговизнѣ производства, Архангельская соль не можетъ вступить въ соперничество, внѣ предѣловъ губерніи, съ почти даровою солью, доставляемою соляными озерами Астраханской губерніи, и съ богатыми Пермскими соляными источниками.

Представленныхъ данныхъ достаточно для доказательства, что Архангельская губернія очень бѣдна естественными средствами, такъ что составляетъ едва ли не самую бѣдную губернію Европейской Россіи. Отсюда, разумѣется, не слѣдуетъ, что и населеніе Архангельской губерніи, по необходимости, по самой сущности вещей, должно быть непременно бѣднымъ; отсюда слѣдуетъ только что естественныя богатства края, такъ сказать, розлиты весьма тонкимъ слоемъ по его поверхности, и что, слѣдовательно, для безбѣднаго существованія населенія, надо собирать ихъ съ большаго пространства; а для этого необходимо предоставить населенію, по возможности, полную свободу пользованія естественными средствами края, ограничивая ее только существенно необходимымъ, для охраненія самаго источника богатства, а не общими отвлеченными началами, или требованіями единообразія и симметріи съ другими мѣстностями Россіи. То, что своевременно, крайне полезно и необходимо въ средней Россіи — совершенно рановременно и вредно въ Архангельской губерніи, которая, по степени населенности и характеру расселенія жителей, слѣдующему теченію большихъ рѣкъ—Ваги, Двины, Пинеги, Онеги, Мезени и проч., соответствуетъ еще тому состоянію, въ которомъ находился бассейнъ Верхней Волги столѣтій семь тому назадъ. Свободное передвиженіе русскаго народа, бродячій характеръ его приобрѣлъ

Россіи Двинскую область, Вятку, Пермь, и самую Сибирь. Когда свобода передвиженія была приостановлена изъ за государственныхъ цѣлей, то закрѣпленіе это несомнѣнно принесло огромную пользу въ центральной части Россіи, но весьма было бы вредно, если бы оно могло было быть строго проведено и по отношенію къ ея окраинамъ. По счастію, оставалось два главныхъ пути, которыми Русскій народъ продолжалъ расселяться по привольнымъ степямъ восточной и южной Россіи: путь легальный—переселеніе крестьянъ помѣщиками, посредствомъ котораго преимущественно заселился Оренбургскій край, и путь незаконный—бродяжничества и бѣговъ, которымъ преимущественно заселилась Новороссія. Внутри Архангельской губерніи произошло также своего рода закрѣпленіе населенія, хотя, конечно, по совершенно инымъ побужденіямъ, и иными способами. Именно, съ одной стороны, ради полицейскаго благоустройства, былъ затрудненъ выходъ отдѣльныхъ лицъ изъ одной общины или волости и причисленіе въ другую; съ другой же, проведена рѣзкая граница между землею, находящеюся въ непосредственномъ пользованіи крестьянъ, и необозримымъ лѣснымъ моремъ—спеціальною собственностію казны, въ которой, слѣдовательно, крестьянинъ, безъ особаго разрѣшенія и извѣстной платы, не только не можетъ расчищать мѣстъ подъ пашни, луга и пастбища, но изъ которой не имѣетъ онъ права даже вырубить нужное ему бревно, жердь или охапку дровъ. Между тѣмъ, это право собственности казны надъ Архангельскимъ лѣснымъ моремъ, неоспоримое въ теоріи, въ дѣйствительности есть не болѣе, какъ юридическая фикція; единственнымъ же настоящимъ владѣльцемъ этого лѣса остаются разрушительныя силы природы: бури, пожары и тлѣніе, такъ какъ только они одни имѣютъ возможность потреблять этотъ лѣсъ. При такихъ условіяхъ, только два соображенія практическаго характера могли бы вынудить Правительство къ стѣсненію населенія въ пользованіи лѣсомъ, а именно, забота: 1) объ охраненіи лѣсовъ отъ истребленія, и 2) объ извлеченіи изъ лѣса государственныхъ доходовъ. Что касается до охраненія лѣса, разумѣя въ дальнѣйшихъ соображеніяхъ собственно дровяной лѣсъ (ибо только въ немъ и могутъ имѣть крестьяне нужду въ сколько нибудь значительномъ количествѣ, какъ для подсѣкъ, такъ и для смолокуренія), то, при настоящей степени населенности Архангельской губерніи, лѣса эти никакими усиліями населенія неистребимы, и даже неуменьшими

въ сколько нибудь чувствительной степени, а, слѣдовательно, и всякое охраненіе ихъ излишне. Что они неистребимы, это доказывается слѣдующимъ примѣрнымъ расчетомъ, который, несмотря на то, что онъ примѣрный, имѣетъ совершенно такую же доказательную силу, какъ и основанный на самыхъ точнѣйшихъ измѣреніяхъ и вычисленіяхъ, потому что всѣ данныя его до крайности преувеличены въ сторону противную доказываемому здѣсь положенію.

Въ Архангельской губерніи считается, круглымъ числомъ, до 31.000.000 десятинъ лѣсу (за исключеніемъ тундръ, болотъ и вообще неудобной земли). Видѣвшій Архангельскіе дровяные лѣса (отъ 4 вершковъ въ діаметрѣ и ниже) согласится, что, принимая по одному дереву на квадратную сажень, густота Архангельскихъ лѣсовъ опредѣлится въ два или три раза ниже дѣйствительности, потому что, по болѣе части, они составляютъ непролазную чащу. Но примемъ для круглаго счета только 2.000 деревьевъ на десятину *). Съ другой стороны, мужское сельское населеніе Архангельской губерніи составляетъ 115.000 человекъ; изъ нихъ половина дѣтей, стариковъ, больныхъ. Изъ 57.000 взрослыхъ, отбросимъ хоть 7.000 на занимающихся постоянно рыболовствомъ, звѣринными промыслами, стрѣляніемъ пушныхъ звѣрей и птицъ, фабричными производствами, извозомъ, почтовою и обывательскою гоньбою, на живущихъ въ тундрѣ, какъ, напр. Пустозеровъ, однимъ словомъ на тѣхъ, которые не могутъ имѣть прикосновенія собственно къ лѣсу. Остающіеся 50.000 должны въ лѣтнее и осеннее время заниматься хлѣбопашествомъ, уборкою хлѣба и молотбою. Откинувъ праздники, дни съ вьюгами и мятежью, получается не болѣе 150 дней въ году, которые могли бы быть посвящены этими пятидесятью тысячами на лѣсоистребленіе. Предположимъ, что въ эти 150 дней всѣ 50.000 рубятъ лѣсъ безъ жалости, безъ милосердія, даже безъ цѣли, а какъ одержимые какимъ-то лѣсоненавидѣніемъ, сильвофобіей. Такъ какъ болѣе часть этихъ 150 дней падаетъ на зиму, съ ея короткими 4-хъ часовыми днями, то болѣе

*) По таксаціямъ, произведеннымъ въ Пинежскомъ уѣздѣ, на десятину приходится кругомъ около 26 куб. саж. дровъ; на кубическую же сажень идетъ около 150 деревьевъ въ 3 саж. вышиною и 2½ вершка средняго діаметра, что составитъ 3.900 деревьевъ на десятину, т. е. почти вдвое больше, чѣмъ принято.

100 деревьевъ, или 15.000 въ годъ, т. е. по нашему разсчету, $7\frac{1}{2}$ десятинъ, человѣку не вырубить. При 30.000.000 десятинъ лѣсу на долю каждаго пришлось бы кругомъ по 600 десятинъ; такъ что и при этихъ нелѣпыхъ преувеличеніяхъ вырубалась бы въ годъ только $\frac{1}{80}$ часть лѣса; но лѣсъ до 3 или 4 вершковъ толщины, даже при медленномъ ростѣ его на сѣверѣ, все-таки вырастаетъ въ 60 лѣтъ. Слѣдовательно, лѣсопотребители не могли бы справиться съ ежегоднымъ подростомъ, и лѣсъ выросталъ бы у нихъ, такъ сказать, подъ ногами, по мѣрѣ того, какъ они бы его рубили. Поэтому, истребить, или даже уменьшить въ чувствительномъ размѣрѣ, лѣса Архангельской губерніи, для теперешняго его населенія, дѣло неисполнимое—это все равно, что наполнить бочку Данаидъ. На это можно возразить, что во многихъ весьма лѣсистыхъ мѣстахъ лѣсъ былъ однако-же въ значительной степени истребленъ, какъ напримѣръ около металлическихъ заводовъ Пермской губерніи. Несмотря на то, что населеніе Пермской губерніи въ восемь разъ превосходитъ населеніе Архангельской, и что пространство Пермской губерніи въ $2\frac{1}{2}$ раза меньше, можно было бы принять въ уваженіе это возраженіе, если бы не особенность условій, въ которыхъ находятся лѣса этихъ двухъ губерній. Въ Пермской губерніи дровяной лѣсъ рубится для доставки его на заводы, которые не могутъ перемѣнить своего мѣста; слѣдовательно, неудивительно, что въ окрестностяхъ ихъ лѣсъ можетъ быть истребленъ; а подвозъ его издали слишкомъ увеличиваетъ его цѣнность. Напротивъ того, въ Архангельской губерніи лѣсъ можетъ быть рубимъ только съ двойною цѣлью, или для подсѣкъ, или для смолокуренія; а для этихъ двухъ промысловъ лѣсъ не доставляется къ какому нибудь опредѣленному пункту, а желающій употребить его въ дѣло отправляется туда, гдѣ онъ растетъ въ изобиліи, и употребляетъ на мѣстѣ, въ первомъ случаѣ обращая тутъ же золу въ удобреніе, а во второмъ, доставляя къ мѣстамъ сбыта не лѣсъ, а смолу, которая отъ семи до десяти разъ меньше вѣсомъ и въ нѣсколько разъ цѣннѣе употребленныхъ для добыванія ея дровъ, а потому, при прочихъ благопріятныхъ условіяхъ, можетъ выдержать перевозку отвсюду, гдѣ по близости есть небольшая рѣчка, по которой въ весеннее время можно сплавить плотъ. Изъ этого слѣдуетъ, что рубка лѣса въ Архангельской губерніи не можетъ сосредоточиваться, въ значительныхъ размѣрахъ, въ окрестностяхъ одного какого-либо мѣста, а должна по необходимости распредѣляться,

съ нѣкоторою равномѣрностью, по всему необозримому лѣсному пространству.

Невозможность истребленія лѣса наличными силами населенія, ни въ Архангельской губерніи вообще, ниже въ какомъ-либо изъ уѣздовъ ея, можетъ быть доказана и положительными цифрами отношеній числа взрослого мужескаго населенія къ пространству лѣса, представляемыми слѣдующею табличкою.

Приходится десятинъ лѣсу на взрослого мужчину въ уѣздахъ

Мезенскомъ	1.588	} Выше средней нормы.
Пинежскомъ	766	
Кемскомъ	608	
Онежскомъ	346	
Архангельскомъ	210	} Ниже средней нормы.
Холмогорскомъ	188	
Шенкурскомъ	146	

Такъ какъ весьма трудно предположить, не прибѣгая къ безсмысленной и безцѣльной страсти къ истребленію лѣса, чтобы человѣкъ могъ вырубить съ какимъ-либо разумнымъ основаніемъ и двѣ десятины въ годъ, то должно придти къ заключенію, что уменьшеніе лѣса невозможно и надолго еще останется невозможнымъ, безъ всякихъ особыхъ охранительныхъ мѣръ, даже и въ самомъ населенномъ уѣздѣ Шенкурскомъ, тѣмъ болѣе, что по южнѣйшему мѣстоположенію его, прирость лѣса совершается тамъ быстрѣе, чѣмъ въ сѣверныхъ частяхъ губерніи.

Что касается до дохода казны отъ дровяного лѣса, то тутъ надобно отличать два вида его употребленія: смолокуреніе и подсѣки. Такъ какъ первое есть промыслъ, дающій непосредственный доходъ занимающимся имъ, то ничего нѣтъ справедливѣе обложенія его пошлиною, соразмѣрною съ цѣнностію товара; но далѣе, при специальномъ разсмотрѣніи вопроса о смолокурении, будутъ изложены соображенія о томъ, что уменьшеніе пошлины и другія облегчительныя мѣры должны въ непродолжительномъ времени усилить доходъ казны отъ этой статьи. Что же касается до лѣсныхъ подсѣкъ, то на нихъ должно смотрѣть въ Архангельской губерніи не какъ на доходный промыслъ, а какъ на устраненіе естественнаго препятствія къ распространенію культуры,—естественнаго препятствія, которое усиливается еще искусственно взиманіемъ пошлины

за срубленный лѣсъ, и другими ограничительными мѣрами. Смѣло можно утверждать, что, если бы за нѣсколько столѣтій тому назадъ, вырубка лѣсовъ въ средней Россіи была обставлена такими же затрудненіями, какъ нынѣ въ Архангельской губерніи, то до сихъ поръ населеніе тянулось бы лишь вдоль Волги, Оки, Клязьмы и подобныхъ значительнѣйшихъ рѣкъ, узкими полосами, раздѣленными вѣковыми сузами или тайболами, какъ въ Архангельской губерніи называютъ ея лѣсныя пустыни. Правда, при такомъ взглядѣ на этотъ предметъ, казна ничего не будетъ получать съ срубаемаго и сжигаемаго для этой цѣли лѣса, но вѣдь и теперь она ничего или почти ничего съ этого не получаетъ, такъ какъ, при существующихъ правилахъ, подсѣкъ почти не дѣлаютъ. Но съ разрѣшеніемъ ихъ, если казна и не получитъ прямыхъ выгодъ, то получитъ весьма значительныя косвенныя, ибо, съ увеличеніемъ количества распахиваемой земли, уменьшится надобность въ прикупкѣ хлѣба, по крайней мѣрѣ въ южной, болѣе благопріятствуемой климатомъ части губерніи, и, слѣдовательно, уменьшатся недоимки и увеличатся косвенные доходы отъ потребленія.

И такъ, при бѣдности Архангельской губерніи, народонаселеніе ея можетъ быть зажиточно, при условіи болѣе свободнаго обращенія съ ея скудными и распредѣленными на обширныхъ пространствахъ богатствами, въ особенности съ лѣсами. Въ какомъ же состояніи находится нынѣ народонаселеніе губерніи по отношенію къ зажиточности? На этотъ вопросъ, какъ и вообще на большую часть вопросовъ, относящихся къ сложнымъ предметамъ общественной жизни, нельзя отвѣчать однимъ отвѣтомъ. Во-первыхъ, нельзя не замѣтить, что въ Архангельской губерніи пропорція зажиточныхъ и даже богатыхъ, обладающихъ нѣкоторымъ капиталомъ крестьянъ значительнѣе, чѣмъ въ большей части другихъ губерній. Особенно относится это къ поморью, окрестностямъ Архангельска и къ Печорскому краю. Такое явленіе весьма естественно тамъ, гдѣ крестьянское населеніе живетъ не однимъ земледѣліемъ, а разнаго рода промыслами. Умъ, искусство, настойчивость, оборотливость, бережливость, счастье, скоро выдѣляютъ въ такомъ случаѣ изъ общаго уровня нѣкоторое число семей, въ которыхъ разъ пріобрѣтенная зажиточность обыкновенно передается и усиливается отъ поколѣнія къ поколѣнію, между тѣмъ какъ, при исключительномъ занятіи земледѣліемъ, всѣ условія такъ уравнены, что весьма немногимъ позволяютъ обстоятельства выдѣлиться изъ общаго уровня. Но

самая эта зажиточность крестьянъ Архангельской губерніи показываетъ, что гораздо большее число лицъ могутъ достигнуть ея, при усиленіи развитія промысловъ. Впрочемъ, масса народонаселенія, повидимому, пользуется въ Архангельской губерніи большею степенью благосостоянія, чѣмъ въ большей части внутреннихъ губерній; но это, отчасти, одна только видимость, отчасти же, благосостояніе здѣсь особаго, весьма ненадежнаго и шаткаго свойства. Кажущаяся лучшая обстановка Архангельскаго крестьянина зависитъ отъ большихъ чистыхъ избъ, или скорѣе домовъ, въ которыхъ онъ живетъ. Обыкновенно дома эти имѣютъ 5, нерѣдко же 6, 7 и 8 оконъ на улицу, при соотвѣтственной боковой длинѣ; однимъ словомъ, относительно помѣщенія, Архангельскій крестьянинъ пользуется дѣйствительно такими удобствами, о которыхъ въ другихъ мѣстностяхъ и помышлять нельзя. Но это результатъ не особаго довольства Архангельцевъ, а изобилія почти дароваго, превосходнаго строеваго лѣса; такъ что большой помѣстительный домъ Архангельскаго крестьянина стоитъ ему гораздо меньшихъ издержекъ, чѣмъ избушка Курскаго, Орловскаго или Тамбовскаго крестьянина. Не только жилище, но и пища Архангельскаго крестьянина въ урожайные годы вообще разнообразнѣе и лучше пищи крестьянъ земледѣльческихъ губерній. Между тѣмъ какъ, въ сихъ послѣднихъ губерніяхъ, пища крестьянина состоитъ главнѣйше изъ хлѣба, гречневой или пшенной каши, капусты и небольшого количества молока, къ которымъ лишь очень рѣдко присоединяется мясо, или соленая рыба, Архангельскій крестьянинъ пользуется дешевою соленою морскою рыбою: сайдою, пикшею, низшимъ сортомъ трески, стоящимъ отъ 30 до 40 коп. пудъ; рыбою изъ почти повсюду разсѣянныхъ озеръ, которую крестьянинъ или самъ себѣ добываетъ, или дешево покупаетъ; крупною и малоцѣнною дичью, глухарями и бѣлыми куропатками, которыхъ въ иные годы налавливаютъ на Печорѣ по 3.000 и по 4.000 штукъ на семейство, и которые въ продажу нейдутъ; большимъ изобиліемъ грибовъ и ягодъ (брусники, черники, голубики, морошки, клюквы); дешевою олениною и, наконецъ, молочною пищею, которой, при довольно развитомъ скотоводствѣ и хорошихъ породахъ скота, бываетъ почти вездѣ достаточно. Конечно, есть мѣстности, какъ напримѣръ Корела, гдѣ бѣдность постоянная, хлѣбъ всегда съ примѣсью толченой коры, и, при недостаточномъ скотоводствѣ, мало и молока. Но и вообще, въ Архангельской губерніи неурожайный годъ измѣняетъ всю эту

обстановку. Какимъ образомъ неурожай дѣйствуетъ на благосостояніе Архангельскаго крестьянина, лучше всякихъ разсужденій покажетъ слѣдующій примѣръ. Одинъ зажиточный крестьянинъ Холмогорскаго уѣзда, съ 10-ю душами семейства и работниковъ, долженъ былъ прикупить, въ концѣ 1867 и началѣ 1868 г., 120 пудовъ муки, платя отъ 1 руб. 20 коп. до 1 руб. 70 коп. за пудъ, кругомъ же по 1 руб. 50 коп., слѣдовательно издержалъ 180 руб., чтобы прокормить себя съ семействомъ. Въ годъ средняго урожая этому крестьянину приходилось прикупать не болѣе 60 пудовъ хлѣба по 80 коп., т. е. на 48 руб.; слѣдовательно, неурожай увеличилъ его расходъ на 132 руб., т. е. въ одинъ годъ пришлось издержать на покупку хлѣба столько, сколько хватило бы на три года. Зная денежныя средства нашихъ крестьянъ, легко себѣ представить, въ какое положеніе должно быть поставлено крестьянское семейство такимъ увеличеніемъ расходовъ; и хотя тотъ крестьянинъ, который мнѣ это про себя рассказывалъ, принадлежитъ къ числу зажиточнѣйшихъ, однако и онъ не могъ вынести ихъ, не продавъ части своего скота. А такъ какъ неурожай прежде 1867 года повторялись еще въ 1865, 1862, 1857 и 1856 годахъ, то неудивительно, что они должны были сильно разорить крестьянскія хозяйства *). При этомъ невольно рождается вопросъ: какимъ же образомъ еще выдерживали крестьяне этотъ рядъ неурожавъ? Своими средствами они и не могли вынести ихъ, и задолжали казнѣ съ 1855 года 960.000 руб. за хлѣбъ, выдававшійся имъ въ ссуду, да кромѣ того изъ запасныхъ магазиновъ взяли въ долгъ съ 1840 года до 135.000 четвертей хлѣба.

Изъ этого слѣдуетъ, что, хотя въ урожайные годы обстановка крестьянина въ Архангельской губерніи и лучше, чѣмъ въ болѣе-шей части другихъ губерній, но это положеніе ихъ очень шатко, и неурожай, которые по климатическимъ причинамъ случаются тамъ часто, грозятъ ему разореніемъ. При этомъ надо принять во вниманіе и то, что запасовъ изъ своихъ урожаевъ, даже въ хорошіе годы, Архангельскіе крестьяне дѣлать не могутъ, потому

*) О степени этихъ неурожавъ можно заключить изъ того, что, по свѣдѣніямъ бывшей Палаты Государственныхъ Имуществъ, въ четыре урожайныхъ года съ 1858 года по 1861 было собрано государственными крестьянами 170.000, 206.000, 292.000 и 270.000 четвертей хлѣба; между тѣмъ какъ въ 1856 году было собрано только 103.000, а въ 1857 г. всего 64.500 четвертей.

что и въ эти годы ихъ хватаетъ лишь въ немногихъ мѣстностяхъ на годичное продовольствіе.

И такъ, чтобы обезпечить въ будущемъ населеніе Архангельской губерніи, необходимо совокупное дѣйствіе нѣсколькихъ родовъ мѣръ: 1) надо доставить населенію возможность добывать большее количество хлѣба, въ тѣхъ, по крайней мѣрѣ, частяхъ губерніи, гдѣ по климатическимъ условіямъ это возможно, т. е. надо увеличить крестьянскія запашки. Такъ какъ, все-таки, нельзя надѣяться, чтобы и при такомъ увеличеніи хватило собственнаго хлѣба, не говорю уже въ неурожайные, а и въ урожайные годы, то 2) надо дать жителямъ средства прикупать необходимое для ихъ продовольствія количество хлѣба, т. е. развить по возможности тѣ промыслы, которые подлежатъ развитію. Такъ какъ, далѣе, прикупка хлѣба, которую должны дѣлать жители Архангельской губерніи, бываетъ весьма значительна, да и другія неотлагательныя нужды могутъ быть удовлетворяемы не иначе, какъ доходами съ этихъ же промысловъ, то 3) необходимо удешивить привозимый въ Архангельскую губернію хлѣбъ, т. е. провести такіе пути сообщенія, которыми хлѣбъ могъ бы, въ случаѣ нужды, своевременно и дешево доставляться къ Архангельску, и притомъ изъ такой мѣстности, гдѣ онъ дешевле. Разнаго рода мѣры двухъ послѣднихъ категорій были уже предложены г. Архангельскимъ губернаторомъ, въ цѣломъ рядѣ его ходатайствъ о нуждахъ Архангельской губерніи. Съ своей стороны, дѣйствительный статскій совѣтникъ Данилевскій совершенно согласенъ съ большинствомъ изъ нихъ, и если взглядъ его въ чемъ-либо оказывается различнымъ отъ взгляда мѣстнаго губернскаго начальства, то, по большей части, только въ той относительной важности, которую слѣдуетъ придавать той или другой мѣрѣ. Что же касается до мѣръ первой категоріи, то и онѣ займутъ не послѣднее мѣсто въ ряду прочихъ, такъ какъ нельзя считать Архангельскую губернію чисто промысловою, ибо, какъ показано было выше, хлѣбопашество все-таки составляетъ въ ней самую важную отрасль народной промышленности.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію отдѣльных мѣръ, предстоитъ еще рѣшить вопросъ: упала-ли прошленность Архангельской губерніи вообще, или только нѣкоторые виды ея,—и если упала, то отъ какихъ причинъ,—для того, чтобы имѣть возможность опредѣлить, на что именно должно быть направлено преимущественное вниманіе правительства? Желая основать свой взглядъ на данныхъ,

по возможности точныхъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Данилевскій собралъ за возможно-длинный періодъ времени свѣдѣнія объ отпускѣ товаровъ изъ Архангельскаго порта, основанныя на выпискахъ, которыя торговыя конторы составляютъ для самихъ себя. Данныя эти доходятъ до 1807 года, и могутъ служить безошибочнымъ указаніемъ на ходъ развитія не только торговли Архангельскаго порта вообще, но и тѣхъ отдѣльныхъ статей отпуски, которыя составляютъ продукты промысловой дѣятельности самой Архангельской губерніи.

Главнѣйшіе изъ предметовъ, отправляемыхъ за границу и, въ то же время, составляющихъ произведенія Архангельской губерніи, суть: ворванный жиръ, щипаное перо, смола, пекъ и строевой лѣсъ.

Тюлений жиръ отправлялся за границу ежегодно, за исключеніемъ 1812, 1813 и 1855 годовъ. Соединяя количества вывозимаго жира по десятилѣтіямъ, получимъ слѣдующія среднія числа:

Съ 1807 по 1818 *) годъ	17.238
» 1819 » 1828 »	17.528
» 1829 » 1838 »	18.395
» 1839 » 1848 »	36.149
» 1849 » 1859 »	34.816
» 1860 » 1868 »	31.877

Изъ этой таблицы видно, что промыслъ морскихъ звѣрей въ Архангельской губерніи постоянно развивался. Слабое уменьшеніе замѣченное въ два послѣдніе періода сравнительно съ четвертымъ могло зависѣть, какъ отъ преобладанія относныхъ, т. е. восточныхъ вѣтровъ, неблагопріятныхъ для промысла, такъ и отъ того, что, въ послѣдній періодъ, промышленники стали отчасти продавать тюлений жиръ непосредственно въ Норвегію. Посему вѣроятно, что замѣчаемое за послѣднее время уменьшеніе — только кажущееся, зависящее отъ отправки части жира мимо Архангельскаго порта. Вообще же, по характеру Бѣломорскаго тюленьяго промысла онъ быстро развиваться не можетъ. Количество звѣрей здѣсь очень, велико, и убивать ихъ можно бы въ нѣсколько разъ болѣе, не опа-

*) 1812 и 1813 годы, за которые вывозъ не обозначенъ, совершенно опущены.

саясь за оскудѣніе источника промысла; но такъ какъ бой тюленя производится на льдинахъ, то можно убивать звѣря лишь столько, сколько шкуръ съ саломъ въ состояніи промышленникъ тащить за собою сверхъ лодокъ на полозьяхъ, которыя они также должны за собою тянуть.

Относительно числа поморскихъ судовъ, отправлявшихся въ Норвегію, надо замѣтить, что оно увеличивалось и уменьшалось не равномѣрно, а какъ бы скачками, причины которыхъ легко отыскать въ измѣненіяхъ тѣхъ условій, которымъ эта торговля подвергалась. Поэтому, для обзорѣнія хода этой торговли, мы примемъ вмѣсто равнодлинныхъ періодовъ, періоды различной продолжительности, отграничиваемые другъ отъ друга сильнымъ увеличеніемъ или уменьшеніемъ числа судовъ, отправлявшихся въ Норвегію.

Годы.	Среднее число су- довъ.	Крайнія числа между которыми колебалось число судовъ.
1806—1811	47	отъ 24 (1806) до 77 (1808)
1812—1829	въ Норвегію Поморы почти не ходили.	
1830—1836	41	отъ 18 (1831) до 60 (1835)
1837—1842	84	„ 72 (1840) „ 94 (1839)
1843—1851	111	„ 83 (1848) „ 126 (1844)
1852—1858 *)	91	„ 72 (1852) „ 106 (1854)
1859—1868	196	„ 165 (1862) „ 218 (1859)

Изъ этого опять видно несомнѣнное сильное развитіе каботажной торговли съ Норвегіей; частыя-же, довольно крутыя, измѣненія въ ея ходѣ совершенно удовлетворительно объясняются слѣдующимъ образомъ. До 1812 года Поморы производили торгъ съ Норвегіею по старому обычаю, начавшемуся еще съ половины прошедшаго столѣтія. Въ 1812 и 1813 годахъ торговля съ Даніей, которой тогда принадлежала Норвегія, была, конечно, затруднена войною съ Франціей, съ которою она была въ союзѣ, а съ 1814 года вступила Норвегія въ соединеніе съ Швеціей, и старинная привелегія города Бергена снабжать Финмаркенъ хлѣбомъ возымѣла свое дѣйствіе, къ величайшему вреду самого Финмаркена, пока 13-го сентября 1830 года не состоялся въ Норвегіи законъ, доз-

*) 1850 г. не принять во вниманіе.

волявшій Русскимъ, съ 1-го іюня по 15-е августа новаго стиля промѣнивать на рыбу жителямъ Финмаркена, безъ Норвежскихъ купцовъ, слѣдующіе 10 сортовъ товаровъ: рыбачью снасть, пеньку, желѣзо, хлѣбъ въ зернѣ, муку, крупу, парусину, смолу, канаты и лѣсъ, и притомъ въ произвольномъ количествѣ,—и, кромѣ того, въ какое-бы то ни было время года, продавать съ своихъ судовъ привезенные ими товары (безъ всякаго ограниченія въ количествѣ) не только мѣстнымъ жителямъ, но и Норвежскимъ судамъ: въ городахъ—въ теченіи 4-хъ недѣль, а въ прочихъ гаваняхъ—въ теченіи 2-хъ недѣль со времени прибытія судна въ портъ. Съ 1830 года возобновляется, поэтому, старинная торговля Поморовъ съ Норвегією и усиливается къ 1832 году (съ 18 и 20 судовъ до 48), когда это постановленіе сдѣлалось общеизвѣстнымъ между Поморами, и они успѣли приготовиться къ расширенію своей торговли. Но нѣкоторые пункты этой привелегіи весьма непріятны Норвежскимъ купцамъ, нежелающимъ, чтобы Поморы вели торгъ на деньги съ мѣстными жителями безъ ихъ посредства, и посему этотъ законъ оказалъ еще сильнѣйшее вліяніе на развитіе нашей Норвежской торговли, когда 11-го іюня 1834 г. эта привелегія, данная Русскимъ—Норвежскимъ закономъ, была утверждена торговою конвенцією между Россією и Норвегією, и когда эта выгодная для обѣихъ сторонъ конвенція получила общую извѣстность между Поморами, и они успѣли увеличить число своихъ кораблей. Новый періодъ усиленія Норвежской торговли начинается съ 1843 года, и этому опять предшествовала правительственная мѣра со стороны Норвегіи, дозволившей, § 21-мъ закона 8-го августа 1842 года, всѣмъ иностраннымъ кораблямъ продавать, прямо съ судовъ, мѣстнымъ жителямъ разные товары, въ количествахъ, минимумъ которыхъ опредѣленъ, но безъ ограниченія срока. Къ этому обстоятельству присоединилось еще то, что, послѣ необыкновенно хорошихъ улововъ рыбы съ 1837 по 1842 годъ, послѣдовалъ рядъ неурожайныхъ годовъ съ 1843 по 1851 годъ, во время котораго рыбу, необходимую для продовольствія Архангельской губерніи, приходилось добывать преимущественно мѣною въ Норвегіи, а не собственно ловомъ. За 1851 годомъ послѣдовалъ опять рядъ годовъ съ блистательными уловами, продолжавшимися до 1859 года, что побудило значительное число Поморовъ обратиться къ Мурманскому лову, дававшему большія выгоды. Въ 1859, 1860 и 1861 годахъ, уловы опять были посредственные, что обратило многихъ къ торговлѣ

съ Норвегію, усиленію которой содѣйствовали еще въ болѣе значительной мѣрѣ новыя права, дарованныя Поморскимъ жителямъ Русскимъ Правительствомъ, и состоявшія въ томъ, что имъ дозволено наравнѣ съ купцами вывозить въ Норвегію всякаго рода товары, тогда какъ прежде они могли вывозить только муку и крупу, все-же прочее возили они отъ имени купцовъ, будто бы зафрахтовавшихъ ихъ суда. Такимъ образомъ, вліяніе правъ, которыя Поморы получали то отъ Норвежскаго, то отъ Русскаго Правительства, въ соединеніи съ періодическими измѣненіями изобилія рыбы на Мурманскомъ берегу, совершенно удовлетворительно разъясняютъ измѣненія въ ходѣ поморской торговли съ Норвегіей, общимъ результатомъ которыхъ было увеличеніе числа занимавшихся ею судовъ въ $4\frac{1}{2}$ раза въ теченіи послѣднихъ 60 лѣтъ.

Тоже самое подтверждается и вывозомъ ржаной муки и крупы, идущихъ исключительно въ Финмаркенъ. Этотъ вывозъ составлялъ по пятилѣтіямъ:

годы.		ржаной муки.	крупы.
Съ 1836 *)	по 1839	202.662	—
„ 1840	„ 1844	222.317	—
„ 1845	„ 1849	275.419	22.647
„ 1850	„ 1854	329.019	22.994
„ 1855	„ 1859	386.103	24.042
„ 1860	„ 1864	403.582	37.765
„ 1865	„ 1868	465.510	47.267

Въ Архангельской губерніи стрѣляется много дичи, часть которой, именно глухари и бѣлыя куропатки, употребляется самими жителями. Кромѣ того, убивается много дикихъ гусей. Перо и пухъ этихъ птицъ шли за границу въ слѣдующихъ количествахъ:

Съ 1845	по 1849	средн.	числ.	по 754 п. въ годъ.
„ 1850	„ 1854	„	„	„ 1.889 „ „ „
„ 1855	„ 1859	„	„	„ 2.021 „ „ „
„ 1860	„ 1864	„	„	„ 4.461 „ „ „
„ 1865	„ 1866	„	„	„ 776 „ „ „

*) Въ этомъ пятилѣтіи взяты 1832 г. вмѣсто 1835, въ которомъ вывозъ необозначенъ.

Изъ этого видно, что и этотъ промыселъ до послѣдняго времени постоянно возрасталъ, не потому, конечно, чтобы стали все болѣе и болѣе убивать этихъ птицъ, а потому, что перо и пухъ, которые прежде бросали, стали все въ болѣе степени собираться и отправляться на ярманки и за границу. Уменьшеніе въ послѣдніе годы зависитъ, вѣроятно, отъ временнаго уменьшенія количества этой дичи, появленіе которой всегда бываетъ періодическое.

Хотя данныя, собранныя Данилевскимъ, не даютъ еще средствъ судить о ходѣ развитія рыболовства, однако-же, по мнѣнію его, и въ этой отрасли промышленности нельзя замѣтить признаковъ упадка, какъ потому, что число промышленниковъ на Мурманскомъ берегу увеличивается, такъ и потому, что цѣна на треску не только не возвышается, но постоянно падаетъ, когда, съ увеличеніемъ народонаселенія и съ развитіемъ двинскаго пароходства, потребление ея хотя медленно, но все таки усиливается. Конечно, это послѣднее обстоятельство можетъ быть объяснено и увеличеніемъ мѣны съ Норвегіею. Но эта мѣна вообще то возрастаетъ, то падаетъ, смотря по уменьшенію или увеличенію количества рыбы у нашихъ береговъ. Поэтому, по временному усиленію торговли съ Норвегіей, которому въ нѣкоторой степени соотвѣтствуетъ ослабленіе нашего Мурманскаго рыболовства, нельзя заключать о паденіи этого послѣдняго. Обѣ эти промышленности составляютъ какъ бы дополненіе одна другой. Такъ, на примѣръ, въ 1867 и 1868 годахъ, уловъ на Мурманскомъ берегу былъ изобильный; но въ 1867 году много промышленниковъ ходило однако въ Норвегію, и, такъ какъ торгъ былъ, по разнымъ причинамъ — какъ-то: по небольшому улову рыбы, большому привозу русскихъ товаровъ и банкротству многихъ Норвежскихъ домовъ, не удаченъ — то уже въ 1868 году замѣчено, что многіе обратились отъ Норвежской торговли къ Мурманскому рыболовству.

Обратимся теперь къ промысламъ другаго рода. Отпускъ строеваго лѣса въ доскахъ составляетъ изстари значительную статью торговли Архангельска. Эти доски бываютъ различной длины, ширины и толщины. Для единообразія приводятся онѣ къ общей мѣрѣ, извѣстной подъ именемъ нормальной дюжины (standart dozen), каковою должно считать рядъ досокъ въ 72 фута длины, 11 дюймовъ ширины и 3 дюйма толщины (или, при толщинѣ въ $1\frac{1}{2}$ дюйма, 144 фута длины). Такъ какъ въ дѣйствительности большая часть досокъ имѣетъ, при означенныхъ ширинѣ и тол-

пинѣ, 20 футъ длины, то я и принялъ за единицу не нормальныя дюжины, а эти, такъ сказать, нормальныя доски, коихъ приходится на дюжину 3,6.

Количество отпускаемыхъ досокъ измѣнялось не случайно, а въ извѣстные годы замѣтно внезапное сильное уменьшеніе, или увеличеніе, которыми и характеризуется цѣлый рядъ годовъ, послѣдовавшій за этими поворотными годами. Поэтому, я принялъ въ основаніе дѣленія эти поворотные годы, и такимъ образомъ все время, за которое имѣются данныя, раздѣлилось на 5 восьмилѣтнихъ, 1 шестилѣтній и 1 семилѣтній періоды, причемъ 1855 годъ вовсе оставленъ безъ вниманія, такъ какъ блокады довели отпускъ въ этомъ году до совершенно ничтожныхъ размѣровъ. Такимъ образомъ получается гораздо болѣе ясное и вѣрное представленіе о перемѣнахъ, которымъ подвергалась эта торговля, нежели при дѣленіи по десятилѣтіямъ, или вообще по періодамъ равной продолжительности. Средній годовой отпускъ былъ:

Съ 1815	по 1822 г.	(8 лѣтъ)	139.000	норм. досокъ.
» 1823	» 1830	» (— »)	363.321	» »
» 1831	» 1838	» (— »)	351.292	» »
» 1839	» 1846	» (— »)	134.389	» »
» 1847	» 1854	» (— »)	136.073	» »
» 1856	» 1861	» (6 »)	226.237	» »
» 1862	» 1868	» (7 »)	532.924	» »

Эта таблица показываетъ, что къ началу двадцатыхъ годовъ отпускъ лѣса изъ Архангельска увеличился въ $2\frac{1}{2}$ раза сравнительно съ предъидущимъ восьмилѣтіемъ, и что этотъ размѣръ отпуска продолжался до конца тридцатыхъ годовъ. Принимая во вниманіе, что въ оба восьмилѣтія этого періода, средній годовой отпускъ былъ почти одинаковъ, можно прійти къ заключенію, что онъ вполне соответствовалъ тогдашней потребности иностранныхъ рынковъ и производительнымъ силамъ края, или, другими словами, что это былъ нормальный отпускъ,—такъ какъ малая величина колебаній составляетъ вѣрный признакъ равномерности и постоянства силы, производящей явленіе. Это заключеніе подтверждается еще тѣмъ, во-первыхъ, что раздѣленіе этихъ 16 лѣтъ, вмѣсто двухъ, на три періода, на два въ 5 и одинъ въ 6 лѣтъ, почти не измѣнитъ этой равномерности, ибо мы получимъ для перваго пятилѣтія 354.507, для втораго 338.248, и для послѣдняго шестилѣтія

375.502; во-вторыхъ, что годъ наибольшаго отпуска 1830 (511.767) превосходитъ годъ наименьшаго отпуска 1832 (270.664) менѣе, чѣмъ вдвое, тогда какъ колебаніе въ слѣдующее 16-ти лѣтіе доходило отъ 63.878 (въ 1841 г.) до 206.028 (въ 1844 г.), гдѣ maximum слишкомъ въ $3\frac{1}{2}$ раза превышаетъ minimum. Въ слѣдующее за 1839 годомъ 16-ти лѣтіе отпускъ упадетъ въ $2\frac{2}{3}$ раза и составляетъ даже нѣсколько менѣе, чѣмъ въ осьмилѣтіе отъ 1815 по 1822 годъ. Упавши такимъ образомъ, отпускъ остается почти одинаковымъ въ первую и во вторую половину періода, что также заставляетъ предполагать постоянство въ причинѣ, произведшей это уменьшеніе отпуска. Но весьма было бы ошибочно принимать за такую уменьшеніе средствъ края, или ослабленіе въ заграничной потребности на Архангельскій лѣсъ. Постоянная причина, въ такой сильной степени уменьшившая отпускъ, заключалась, на этотъ разъ, въ болѣе строгомъ и точномъ исполненіи существовавшихъ, и доселѣ еще, въ законодательномъ порядкѣ, не отмѣненныхъ, постановленій объ отпускѣ лѣса за границу, которое необходимо должно было послѣдовать, послѣ учрежденія Палаты Государственныхъ Имуществъ. Послѣ Восточной войны, или собственно съ 1858 года, взглядъ этотъ начинаетъ измѣняться, и въ 1858 году отпускъ (256.381) превосходитъ уже почти вдвое средній отпускъ за предшествовавшія 19 лѣтъ, и такой размѣръ сохраняетъ средній отпускъ до 1861 года, все еще далеко не достигая размѣровъ отпуска съ 1823 по 1839 годъ. Наконецъ, въ послѣднее семилѣтіе, отпускъ еще увеличивается почти въ $2\frac{1}{2}$ раза и превосходитъ въ полтора раза отпускъ съ 1823 по 1839 годъ. На это измѣненіе взгляда правительства имѣло между прочимъ вліяніе—уничтоженіе Архангельскаго порта. Беречь корабельные лѣса оказалось ненужнымъ, и рубка была разрѣшена даже въ корабельныхъ рощахъ.

Общимъ результатомъ хода развитія отпуска строеваго лѣса изъ Архангельскаго порта, за послѣдніе 53 года, будетъ слѣдовательно то, что эта важная отрасль промышленности, упавши до совершенно-незначительныхъ размѣровъ въ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятихъ годовъ, теперь только начинаетъ оправляться. Безъ стѣснительныхъ мѣръ, внушенныхъ напраснымъ страхомъ за скуднѣніе лѣсовъ въ Архангельской губерніи еще съ 1798 года, и проводимыхъ болѣе строгимъ образомъ съ 1839 по 1862 годъ, можно бы было безъ сомнѣнія ожидать, что въ теченіе этого 22 лѣтняго періода цифра вывоза постепенно возрастала бы отъ

357.000 (средній вывозъ за 16-ти-лѣтіе съ 1823 по 1838 годъ) до 532.000, и что, слѣдовательно, средній вывозъ за это время составилъ бы около 447.000 нормальныхъ досокъ или 186.000 бревенъ вмѣсто 57.000, вывозившихся съ 1839 по 1854 годъ, и 20.000 съ 1856 по 1861, что въ совокупности составило бы избытокъ вывоза въ 2.860.000 бревенъ, который доставилъ бы жителямъ Архангельской и Вологодской губерній одними излишними заработками по срубкѣ и сплаву лѣса около 1.700.000 руб., или слишкомъ по 70.000 руб. въ годъ.

Отпускъ смолы и пека, въ среднихъ числахъ, по десятилѣтіямъ представленъ въ слѣдующей таблицѣ:

Г о д ы.	Смола.	Пекъ.	Количество смолы по приведеніи пека въ смолу.
Съ 1807 по 1818 *)	86.975 (93.626)	13.835 (15.035)	116.622 (125.844)
„ 1819 „ 1828	66.879	11.300	91.093
„ 1829 „ 1838	72.223	13.065	100.220
„ 1839 „ 1848	78.681	12.534	105.538
„ 1849 „ 1858 **)	82.486 (74.409)	9.161 (8.245)	102.117 (92.077)
„ 1859 „ 1868 ***)	91.208 (80.986)	12.545	118.090 (112.992)

Изъ данныхъ таблицы видно, что смолокурение и пековарение рѣшительно никакихъ успѣховъ не сдѣлали въ теченіе послѣднихъ 60 лѣтъ, и если въ послѣднее десятилѣтіе отпускъ смолы нѣсколько увеличился, сравнительно съ первымъ десятилѣтіемъ, то лишь потому, что въ первое десятилѣтіе входитъ 1812 годъ, когда, по военнымъ обстоятельствамъ отпускъ былъ совершенно ничто-

*) 1808 и 1809 годы пропущены, потому что блокада препятствовала отпуску. Цифра въ скобкахъ означаетъ средній отпускъ за 9 лѣтъ, исключая 1812 годъ, въ которомъ отпускъ былъ самый ничтожный.

**) Цифры въ скобкахъ означаютъ средній отпускъ за все 10-ти-лѣтіе, считая и 1855 г., когда отпуска совершенно не было.

***) Цифры въ скобкахъ означаютъ среднія числа за 7 лѣтъ, по исключеніи 1861, 1862 и 1863 годовъ, когда Американская война усилила, исключительнымъ образомъ, нашъ отпускъ смолы.

женъ. Съ другой же стороны, въ послѣднее десятилѣтіе, смоляное дѣло получило временное и случайное возбужденіе вслѣдствіе Американской междоусобной войны, заставившей обратиться за смолой почти исключительно къ намъ. Ежели же устранить не только оба эти обстоятельства, но одно какое либо изъ нихъ, увидимъ, что и послѣднее десятилѣтіе уступаетъ первому въ количествѣ отпущенной смолы; количество же пека — меньше чѣмъ 60 лѣтъ тому назадъ, даже если и не обращать вниманія на указанная обстоятельства. Эти выводы не измѣняются, если пеку обратиться съ смолу, изъ которой онъ выдѣлывается, какъ это сдѣлано въ послѣдней графѣ таблицы, считая бочку пека въ 15 пудовъ, и 8 пудовъ смолы на 7 пудовъ пеку. Изъ сравненія данныхъ заграничнаго отпуска тѣхъ товаровъ, которые суть мѣстные продукты промышленности Архангельской губерніи, ясно слѣдуетъ, что морскіе и вообще всѣ тѣ промыслы, которые не подвергались ограничительнымъ правительственнымъ распоряженіямъ, постоянно развивались, хотя развитіе это, по условіямъ сбыта, и по нѣкоторымъ особенностямъ самаго производства, должно было происходить довольно медленно. Напротивъ того, лѣсные промыслы были, до послѣдняго времени, задерживаемы въ своемъ развитіи, главнымъ образомъ, мѣрами внушенными правительству опасеніемъ истощенія лѣсовъ.

Обращаясь далѣе къ общему ходу торговли Архангельска, можно заключить, что, собственно говоря, и здѣсь скорѣе замѣчается постепенное развитіе, хотя и далеко не столь быстрое какъ въ прочихъ портахъ Россіи; такъ что можно принять только относительный (сравнительно съ общимъ ходомъ развитія торговли въ Государствѣ), а не абсолютный упадокъ торговли Архангельска.

Слѣдующая табличка представляетъ среднія цифры годичнаго отпуска и числа отходившихъ кораблей по десятилѣтіямъ:

Годы.	Цѣнность отпуска. *)	Число отшедшихъ судовъ.
1724—1730—	289.642 р. (351.259 р.)	31
1731—1740—	343.867 „	54
1741—1750—	326.610 „	46
1751—1760—	368.963 „	49

*) Числа въ скобкахъ означаютъ средній вывозъ, за исключеніемъ слѣдующихъ годовъ:

1761—1770 г.	699.505 р.	64 суд.
1771—1780 „	1.467.795 „	147
1781—1790 „	1.572.445 „	120
1791—1807 „	1.970.782 „	142
1801—1810 „	2.745.851 „ (2.914.110 р.)	214 (224)
1811—1820 „	2.810.268 „ (2.237.773 р.)	235
1821—1830 „	1.839.196 „	292
1831—1840 „	2.790.102 „	388
1841—1850 „	3.676.520 „	492
1851—1860 „	4.854.072 „ (5.370.050 р.)	643 (708)
1861—1868 „	6.626.492 „	678

Разсматривая ходъ развитія Архангельской торговли по этой таблицѣ, можно замѣтить, что торговля Архангельска во второй четверти прошедшаго столѣтія была совершенно ничтожна, тогда какъ извѣстно, что въ концѣ XVII вѣка и началѣ XVIII Архангельскъ былъ единственнымъ русскимъ портомъ. Когда Петръ Великій старался поднять Бѣломорскую торговлю, оборотъ ея простирался до 1.500.000 р. Этотъ упадокъ произошелъ отъ того, что съ открытіемъ Петербургскаго порта, Петръ сталъ всѣми мѣрами стѣснять Архангельскую торговлю; сначала наложеніемъ пошлины на привозные и отпускные товары, затѣмъ постановленіемъ, чтобы только $\frac{1}{3}$ отпускныхъ товаровъ возили къ Архангельску, а $\frac{2}{3}$ къ Петербургу, и наконецъ, въ 1722 году, совершеннымъ запрещеніемъ привозить товары въ Архангельскъ для заграничнаго отпуска. Въ это время, слѣдовательно, изъ Архангельска отпускались лишь мѣстные произведенія, и за два послѣднихъ года того періода, за который имѣются свѣдѣнія, отпускъ составлялъ лишь 164.117 и 110.076 р. Затѣмъ, послѣ смерти Петра, стѣснительныя правила для Архангельской торговли исполнялись вѣроятно очень слабо, и сумма отпуска возрасла до 350.000 р. и на этомъ оставалась въ теченіе слишкомъ 30 лѣтъ, до времени Екатерины II, когда въ 1762 году были отмѣнены правила, стѣснявшія Архангельскую

Для періода съ 1724—1730—1724 и 1725 годовъ.

„ „ „ 1801—1810—блокаднаго 1808 года.

„ „ „ 1811—1820—1817 и 1818, годовъ неурожая въ Западной Европѣ.

„ „ „ 1851—1860—блокаднаго 1855 г.

торговлю. Въ теченіе первыхъ 20 лѣтъ царствованія Екатерины, Архангельская торговля такъ быстро возрастаетъ, что отпускъ учетверился, и затѣмъ, достигнувъ, такъ сказать, своего настоящаго уровня, соотвѣтствовавшаго производительнымъ силамъ страны и потребностямъ заграничныхъ рынковъ въ товарахъ, отпускавшихся изъ Архангельска, уже медленнѣе возрастаетъ до начала текущаго столѣтія, сообразно общему ходу промышленнаго развитія. Но въ первое десятилѣтіе XIX вѣка Архангельскій отпускъ получаетъ опять сильный толчекъ, такъ какъ, въ періодъ господства континентальной системы, Архангельскъ сдѣлался временно тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ концѣ XVII столѣтія, т. е. единственнымъ портомъ, чрезъ посредство котораго Россія могла вести заграничную торговлю. Но и въ это десятилѣтіе былъ одинъ годъ, именно 1803, когда, вслѣдствіе Англійской блокады, отпускъ былъ весьма незначителенъ. Это положеніе продолжалось и въ слѣдующемъ десятилѣтіи, когда общее замиреніе въ 1815 году и затѣмъ неурожайные въ Западной Европѣ годы 1817 и 1818 тоже необыкновенно усилили отпускъ изъ Архангельска, какъ и вообще изъ всѣхъ портовъ Россіи. Но это сильное торговое развитіе Архангельска зависѣло, такъ сказать, отъ случайнаго и искусственнаго возбужденія, и потому, въ третье десятилѣтіе текущаго столѣтія, Архангельскій отпускъ упадаетъ ниже, чѣмъ 30 лѣтъ тому назадъ. Этому упадку должно было содѣйствовать и то, что значительный отпускъ товаровъ, въ концѣ прошедшаго десятилѣтія, долженъ былъ произвести въ Европѣ большіе запасы русскихъ произведеній. Только въ слѣдующее десятилѣтіе отпускъ сравнивается съ тѣмъ, который былъ въ первомъ десятилѣтіи, что уже можно приписать естественному развитію промышленныхъ силъ страны, которое продолжается до настоящаго времени въ три послѣдующія десятилѣтія.

Однако, въ дѣйствительности это развитіе Архангельской торговли не было столь сильно, какъ показываетъ таможенная опѣнка отпуска, ибо увеличеніе цѣнности отпуска не соотвѣтствуетъ увеличенію количества отпускаемыхъ товаровъ. Чтобы прійти къ положительному заключенію, зависитъ ли усиленіе цѣнности отпуска единственно отъ вздорожанія цѣнъ на отпускные товары, такъ что его должно считать лишь мнимымъ, или же увеличеніе отпуска самыхъ дорогихъ товаровъ пересилило уменьшеніе отпуска товаровъ менѣе цѣнныхъ, количество отпускавшихся каждый годъ то-

варовъ было помножено на однѣ и тѣже постоянныя цѣны, извлеченныя изъ маклерскихъ отчетовъ за послѣдніе четыре года. Группировка этихъ результатовъ, по десятилѣтіямъ, начиная съ 1809 года, представлена въ слѣдующей табличкѣ:

Съ 1809 по 1818 годъ . . .	5.360.156	руб.
„ 1819 „ 1828 „ . . .	3.713.469	„
„ 1829 „ 1838 „ . . .	5.450.742	„
„ 1839 „ 1848 „ . . .	6.030.845	„
„ 1849 „ 1858 „ . . .	7.825.536	„
„ 1859 „ 1868 „ . . .	7.331.836	„

Въ цѣломъ, результаты этой таблицы мало разнятся отъ тѣхъ, которые представляетъ таблица составленная на основаніи таможенной оцѣнки по измѣнявшимся цѣнамъ. Въ обѣихъ таблицахъ замѣчается сильный упадокъ отпуска въ двадцатыхъ годахъ, достиженіе имъ въ тридцатыхъ годахъ той же величины какъ во второмъ десятилѣтіи, а также и общее постепенное увеличеніе архангельскаго отпуска; изъ чего должно заключить, что увеличеніе это не мнимое, зависящее единственно отъ вздорожанія товаровъ, но дѣйствительное. Однако же, обѣ таблицы представляютъ и немаловажныя разницы. 1) Если исключить вліяніе вздорожанія товаровъ, какъ это сдѣлано во второй таблицѣ, то усиленіе отпуска за послѣднее время окажется далеко не такимъ сильнымъ, какъ по первой таблицѣ. По первой—наибольшій отпускъ въ послѣднее восьмилѣтіе превосходитъ наименьшій въ десятилѣтіе отъ 1821 по 1830 годъ въ $3\frac{2}{3}$ раза; тогда какъ по второй таблицѣ, наибольшій отпускъ превосходитъ наименьшій всего только въ $2\frac{1}{2}$ раза. Слѣдовательно, развитіе архангельской торговли было гораздо менѣе значительно, чѣмъ показываетъ таможенная оцѣнка, и если не совершенно, то въ значительной степени зависѣло именно отъ вздорожанія товаровъ. 2) Между тѣмъ какъ цѣнность отпуска, по таможенной оцѣнкѣ, представляетъ непрерывное возвышеніе съ двадцатыхъ годовъ по настоящее время—цѣнность отпуска, вычисленная по постояннымъ цѣнамъ, достигаетъ наибольшей величины въ пятидесятихъ годахъ; въ послѣднее же десятилѣтіе уменьшилась среднимъ числомъ на полмилліона рублей въ годъ. Изъ сего слѣдуетъ, что именно въ это время произошло наисильнѣйшее вздорожаніе товаровъ, которое замаскировало дѣйствительное уменьшеніе отпуска. Если принять далѣе во вниманіе, что въ послѣднее

десятилѣтіе чрезвычайно усилился отпускъ изъ Архангельска строеваго лѣса, то окажется, что количество доставляемыхъ къ Архангельскому порту прочихъ товаровъ, не мѣстнаго происхожденія, значительно уменьшилось. Если спеціальнѣе разсмотрѣть главныя статьи отпуска, то окажется, что отпускъ льна и льняной пакли въ два послѣднія десятилѣтія почти вовсе не измѣнился (647.000 и 645.000 пуд.), отпускъ овса нѣсколько увеличился—съ 235.000 на 290.000 четвертей, отпускъ ржи уменьшился слишкомъ втрое—съ 213.000 на 62.000 четвертей, отпускъ пшеницы уменьшился слишкомъ впятеро—съ 18.000 на 3.500 четвертей, отпускъ льнянаго сѣмени уменьшился въ $1\frac{1}{2}$ раза—съ 143.000 на 97.000 четвертей, отпускъ ржаной муки увеличился въ $1\frac{1}{4}$ раза, отпускъ овсяной крупы увеличился съ 23.000 на 40.000, т. е. почти вдвое. Обративъ вниманіе на происхожденіе этихъ товаровъ, на цѣнность и на спеціальное назначеніе ихъ, можно найти и причину этихъ явленій. Ленъ и льняная пакля идутъ преимущественно изъ восточной части Вологодской губерніи, откуда сбытъ въ Архангельскъ очень удобенъ, и откуда, съ другой стороны, сбытъ въ Петербургъ весьма затруднителенъ. Хотя около $\frac{2}{5}$ количества этихъ товаровъ доставляется изъ Вятской губерніи, но они такъ цѣнны, что весьма легко могутъ переносить неудобства доставки до Лузскихъ пристаней и сплава по Лузѣ, Югу и Двинѣ. Овесъ также въ значительной мѣрѣ доставляется изъ Вологодской губерніи, и хотя большая часть, именно около $\frac{2}{3}$, идетъ и изъ Вятской, но изъ сѣверной части ея, такъ что, дабы быть отправленнымъ въ Петербургъ, надо ему спуститься около 500 верстъ по рѣкѣ Вяткѣ. Что касается до ржаной муки и крупы, то онѣ спеціально требуются для сѣверной Норвегіи, въ которую ни откуда не могутъ быть доставлены дешевле, чѣмъ изъ Архангельска Поморами. Относительно прочихъ товаровъ, отпускъ которыхъ уменьшился, нельзя принять ни уменьшенія потребности на нихъ за границею, такъ какъ изъ другихъ портовъ отпускъ ихъ усилился, ни уменьшенія ихъ производительности въ тѣхъ мѣстностяхъ, откуда они идутъ въ Архангельскъ. Поэтому, надо искать причину уменьшенія Архангельскаго отпуска въ томъ, что эти товары нашли себѣ въ послѣднее время другой, болѣе выгодный, путь сбыта. Въ самомъ дѣлѣ, рожь въ зернѣ доставляется почти вся, за исключеніемъ развѣ $\frac{1}{5}$ доли, изъ Вятской губерніи, и притомъ преимущественно изъ Яранскаго уѣзда; пшеница и льняное сѣмя съ

мѣсть еще болѣе южныхъ; слѣдовательно, этимъ товарамъ, съ развитіемъ Волжскаго и Камскаго пароходства, съ проведеніемъ новаго Ладожскаго канала, открылся болѣе удобный и дешевый путь къ Петербургу, нежели къ Архангельску, и надо ожидать, что съ устройствомъ Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги, когда эти удобства еще увеличатся, товары эти все болѣе и болѣе будутъ оставлять Архангельскъ, ежели не будетъ проведена желѣзная дорога между Вяткою и Двиною, которая возвратитъ Архангельску его естественное преимущество для сбыта вятскихъ товаровъ. Такимъ образомъ, одностороннее улучшеніе средствъ сообщенія, по направленію къ Петербургу, можетъ произвести, и отчасти уже произвело, тѣ же слѣдствія, которыя имѣли для архангельской торговли стѣснительныя мѣры Петра I-го.

Обращаясь далѣе назадъ, видно, что нѣкоторые товары покинули путь къ Архангельску еще прежде. Таковы: поташъ, котораго съ 1843 года ни одного пуда изъ Архангельска не вывозится, хотя прежде его отпускалось до 30.000 и болѣе пудовъ въ годъ; говяжье сало, отпускъ котораго съ 200.000 пудовъ упалъ до 3.000 или 4.000 пудовъ; и пенька, отпускъ которой въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ превышалъ 60.000 пудовъ, а въ послѣдніе годы или вовсе прекратился, или колебался между нѣсколькими сотнями или нѣсколькими тысячами пудовъ. Къ этому надо еще присовокупить, что отпускъ пшеницы въ пятидесятыхъ годахъ уменьшился уже въ 5 и даже въ 6 разъ, сравнительно съ отпускомъ ея въ концѣ двадцатыхъ и въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Всѣ эти товары, какъ идущіе съ Камы или съ средней Волги, еще ранѣе приняли, вмѣсто Архангельска, направленіе на Петербургъ. Изъ всего этого должно заключить, что, хотя архангельскій отпускъ, говоря вообще, увеличился сравнительно съ прошедшимъ временемъ, но увеличеніе это было несравненно слабѣе, чѣмъ бы можно было ожидать, если бы пути сообщенія, ведущіе къ нему изъ того края, который преимущественно питаетъ его торговлю, не такъ сильно бы отстали отъ ведущихъ къ Петербургу.

Возвращаясь къ той точкѣ зрѣнія, съ которой выше разсматривался ходъ развитія какъ отдѣльныхъ отраслей промышленности Архангельской губерніи, такъ и торговли Архангельскаго порта, можно и относительно торговли прійти къ тому же общему заключенію, что нѣтъ основанія принимать упадка въ торговлѣ Архангельской губерніи, и что, хотя она и не такъ быстро развивалась, какъ

бы можно было ожидать и надѣяться, все же это не даетъ права видѣть причину обѣдненія населенія Архангельской губерніи въ упадѣ ея промышленной и торговой дѣятельности. Причина эта заключается въ несоразмѣрности развитія промышленныхъ силъ ея съ тѣми новыми тягостями, которыя въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ легли на народонаселеніе, какъ вслѣдствіе увеличенія правительственныхъ нуждъ, выразившагося въ усиленіи податей и повинностей, такъ и отъ вздорожанія главныхъ предметовъ потребленія, преимущественно же хлѣба, который въ значительной мѣрѣ долженъ приобрѣтаться Архангельскою губерніею извнѣ.

Это не трудно доказать слѣдующимъ расчетомъ. По порученію г. архангельскаго губернатора, была составлена записка о ходѣ увеличенія податей, сборовъ и повинностей съ 1839 года по настоящее время. Изъ нея видно, что въ 1839 году государственные крестьяне платили всякаго рода денежныхъ сборовъ 3 р. 85½ коп.; въ 1867-же съ нихъ сходило среднимъ числомъ по 8 руб. 8 коп. Число государственныхъ крестьянъ по 10-й ревизіи считается 84.856 душъ, слѣдовательно сумма взимаемыхъ съ нихъ сборовъ — 685.636 р. 48 коп. Не имѣя подъ руками данныхъ о числѣ государственныхъ крестьянъ въ 1839 г., можно принять, что съ этого времени число ихъ увеличилось въ той же пропорціи, какъ и податныхъ сословій вообще. Такъ какъ эти послѣдніе возрасли съ 97.083 до 116.775 душъ, то, безъ чувствительной ошибки, можно принять число государственныхъ крестьянъ по 8-й ревизіи въ 70.547 душъ. Слѣдовательно, вся сумма сходящихся съ нихъ сборовъ составляла 271.958 руб. 68½ к.; поэтому, съ государственныхъ крестьянъ сходить въ настоящее время 413.677 р. 79½ коп., болѣе, чѣмъ 30 лѣтъ тому назадъ. Удѣльныхъ крестьянъ по 10-й ревизіи считается 24.487 душъ мужскаго пола, а по 8-й приблизительно было 20.358; съ нихъ сходить нынѣ по 4 руб. разныхъ сборовъ, не считая поземельнаго сбора, а тогда сходило только по 2 руб. 55 коп., такъ что теперь платятъ они 97.948 р. вмѣсто 52.012 руб. 90 коп., которыя платили 30 лѣтъ тому назадъ, т. е. съ нихъ сходить теперь 45.935 рублями больше. Вмѣстѣ же, оба разряда крестьянъ уплачиваютъ теперь разныхъ податей и сборовъ на 459.613 р. болѣе, чѣмъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ. По приблизительному, самому умѣренному расчету, на 273.000 душъ дѣйствительнаго народонаселенія Архангельской губерніи, среднимъ числомъ прикупается до 1.000.000 пудовъ муки

сверхъ той, которая производится внутри губерніи. Считая 90 коп. среднюю цѣною пуда ржаной муки въ Архангельской губерніи, выходитъ, что этотъ неизбѣжный расходъ составляетъ до 900.000 руб. въ годъ. Въ 1839 году на населеніе въ 220.000 душъ требовалось, по этой же пропорціи, не болѣе 800.000 пудовъ, а такъ какъ средняя цѣна въ то время не превосходила 50 коп. за пудъ, то населеніе должно было уплачивать, за необходимую для него добавочную муку, только около 400.000 руб. И такъ за покупкой хлѣба переплачиваетъ Архангельская губернія теперь до 500.000 руб. Слѣдовательно, на необходимыя издержки, которыхъ невозможно сократить никакою экономіею, Архангельская губернія должна уплачивать въ настоящее время на 959.000 руб. болѣе, чѣмъ платила 30 лѣтъ тому назадъ, что составляетъ по 7 р. 30 коп. на мужскую душу, а на взрослою, могущаго зарабатывать свой хлѣбъ, почти по 15 руб. Очевидно, что слабое развитіе промысловъ съ этого времени ни какою образомъ не могло доставить народу такого излишка въ доходахъ, который бы уравнивалъ этотъ обязательный миллионъ лишняго расхода. Причина народнаго обѣдненія очевидна, и надо еще удивляться, что она выразилась только въ 800.000 рублей долга за данный въ ссуду хлѣбъ, и недоимкою въ 430.000 рублей. При опредѣленіи количества платимыхъ податей, еще не приняты во вниманіе ни натуральныя повинности, изъ коихъ однѣ дорожныя и подводныя оцѣниваются въ 154.000 руб., потому, что не имѣется данныхъ насколько онѣ возрасли съ 1839 года, когда, безъ сомнѣнія, онѣ были гораздо легче; ни косвенныя подати, ибо уплата ихъ, не будучи обязательною, такъ сказать, предоставлена произволу каждаго.

Послѣ этого общаго взгляда на средства Архангельской губерніи, на тѣ условія, при которыхъ народонаселеніе могло бы пользоваться извѣстнымъ благосостояніемъ, несмотря на скудость этихъ средствъ, на ходъ развитія главнѣйшихъ отраслей промышленности и торговли Архангельскаго края, и, наконецъ, на существенную причину обѣдненія его, Данилевскій переходитъ къ разсмотрѣнію, въ частности, тѣхъ мѣръ, которыми благосостояніе Архангельскаго края могло бы быть поднято. Эти мѣры раздѣляются на три класса, смотря по той ближайшей цѣли, которая ими достигается,—на мѣры, служащія: къ непосредственному усиленію производства хлѣба, къ усиленію средствъ для пріобрѣтенія его покупкою, и къ удешевленію цѣны хлѣба; т. е. на мѣры къ

развитію земледѣлія, къ развитію промышленности и къ улучшенію путей сообщенія. Четыре предложенія имѣютъ, по мнѣнію Данилевскаго, первостепенную важность, именно: по первому разряду — увеличеніе пространства крестьянскихъ полей расширеніемъ и облегченіемъ возможности дѣлать подсѣвки, по второму — развитіе смолокуренія, и усиленіе отпуска строеваго лѣса за границу въ видѣ досокъ, и по третьему — проведеніе Вятско-Двинской желѣзной дороги. Всѣ прочія мѣры или далеко уступаютъ этимъ четыремъ по своему значенію, или, хотя и весьма важны сами по себѣ, но могутъ лишь весьма медленно выказать свое полезное дѣйствіе, или, наконецъ, по свойствамъ своимъ, таковы, что правительство можетъ имѣть на ихъ успѣхъ лишь весьма косвенное вліяніе.

1. Смолокуреніе.

Ограниченіе смолокурнаго промысла послѣдовало въ первый разъ въ 1798 году. Въ изданной тогда оберъ-форстмейстерской инструкции *) между прочимъ было постановлено: „§ 35. Казеннымъ поселянамъ, окромѣ какъ изъ пней и изъ деревъ, вѣтромъ сложенныхъ или сваленныхъ, сидѣніе смолы и дегтю не производить, подѣ взысканіемъ пени, сколько сходъ сельскій приговорить. § 38. Запрещается въ казенныхъ лѣсахъ, принадлежащихъ казеннымъ селеніямъ, дѣлать насѣчки на деревьяхъ для добыванія смолы, или сдиранія кожи для сидѣнія дегтя, кромѣ лѣсосѣкъ, кои на настоящій и на два будущіе года для годовой рубки назначены, подѣ взысканіемъ пени вдвое противъ учиненнаго вреда и убытка“.

Въ этомъ же году послѣдовало ограниченіе лѣснаго промысла и въ другихъ отношеніяхъ, что принесло бы большое стѣсненіе для народа, если бы въ строгости соблюдалось. Но подсѣчка продолжала тайно производиться, и въ дѣлахъ того времени часто встрѣчаются конфискаціи смолы и смолья, несмотря на которые въ то время добывалось въ Архангельской губерніи, сплавлялось по Двинѣ и отправлялось за границу болѣе 112.500 бочекъ въ годъ, конечно, не изъ однихъ пней и валежника. Въ началѣ царствованія Императора Александра I-го, правительство взгля-

*) Полное собраніе законовъ, годъ 1798. Указъ 12-го марта, № 18.429.

нуло другими глазами на это дѣло, и, по представленію тогдашняго Министра Финансовъ, графа Васильева, послѣдовалъ указъ 19-го февраля 1804 года, коимъ опредѣлено: „§ II. По Архангельской губерніи, въ уѣздахъ Шенкурскомъ, Холмогорскомъ и Пинежскомъ, чрезъ которые протекаетъ рѣка Двина, и въ коихъ какъ для флота лѣсъ, такъ и смола въ заморскій отпускъ готовится при тѣхъ только селеніяхъ, которыя смолокурение производятъ, сверхъ листовичныхъ деревьевъ, кои повсюду запрещены въ пользу флота, отдѣлить для того жъ изъ сосновыхъ лучшіе также и для строенія коммерческихъ судовъ, въ разстояніи отъ судоходной рѣки Двины сосновые въ 50-ти верстахъ, а отъ малыхъ рѣкъ, въ судоходную впадающихъ, съ сторонъ на 25 верстъ. § III. Всѣ достальные сосновые лѣса, не имѣющіе такого качества, чтобы могли достигать по свойству грунта въ годные на корабельное строеніе, ни на доски, а только способные на крестьянское строеніе, на дрова и смолу, т. е. малорослые, низкосучные, раностарѣющіеся, оставлять на употребленіе поселянамъ на ихъ промыслы. § IV. Отдѣленные корабельные и особо для строенія коммерческихъ судовъ лѣса, для лучшаго присмотра и различенія, отграничить отъ тѣхъ, кои оставлены будутъ поселянамъ, гдѣ нѣтъ живыхъ урочищъ, просѣками и ложниками. § V. Оставленные на промыслы крестьянскіе лѣса нынѣ не предполагается дѣлить на лѣсосѣлки, по неудобности и затрудненію. § VI. Хотя извѣстно, что смолокурение производится изъ сосноваго валежника, сухаго подстоя, пней и корней, и изъ растущаго—низкосучныхъ и малорослыхъ деревьевъ, а по 38-му пункту оберъ-форстмейстерской инструкціи запрещено въ лѣсахъ дѣлать насѣчки на деревьяхъ, для добыванія смолы; но въ Архангельской губерніи, по изобилію лѣсовъ, полагается дозволить и подсочку деревьевъ на смолокурение, съ тѣмъ только, чтобы подсачиваемы не были толще семи вершковъ въ поперечникѣ, считая отъ земли на шести футахъ, ибо таковыя годятся на хорошее строеніе“.

Для приведенія въ исполненіе этого указа была назначена особая Коммисія, которая весьма успѣшно и скоро окончила свое дѣло, потому, что смотрѣла на него съ самой простой и практической точки зрѣнія. Она отдѣлила только однѣ строевыя рощи, назначенныя для кораблестроенія, а все остальное пространство, безъ раздѣленія на участки, сообразно тому, какъ было сказано въ указѣ, предоставила крестьянамъ.

Коммисія начала свои дѣйствія съ Холмогорскаго уѣзда, гдѣ, выдѣливъ 4.457 десятинъ въ корабельныя рощи, 819.750 десятинъ предоставила на употребленіе крестьянамъ. Это еще не весь лѣсъ Холмогорскаго уѣзда, ибо въ немъ считается его слишкомъ 1.300.000 десятинъ, а только часть, прилежащая къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ смолокурение производилось. Въ Шенкурскомъ уѣздѣ предоставлено было подъ смолокурение болѣе 1.000.000 десятинъ, остальной же (всего лѣсу въ этомъ уѣздѣ 2.059.000 десятинъ) не былъ осмотрѣнъ Коммисіей. Тогда же повелѣно было всю конфискованную смолу и смолье крестьянамъ возвратить. Послѣ указа 1804 года послѣдовали самыя сильныя отпуска смолы, доходившіе въ 1810 году до 163.166 бочекъ смолы и 29.784 бочекъ пеку, которыя соотвѣтствуютъ 63.823 бочкамъ смолы, такъ что весь отпускъ составлялъ 226.989 бочекъ смолы; въ 1811 году отправлено было 181.701 бочка, а въ 1815 году 238.804 бочки, что составитъ наибольшее количество, когда-либо отпущенное за границу. Самыя сильныя отпуска въ послѣдующее время не достигали даже отпуска 1811 года, именно въ 1840 году было отпущено въ видѣ смолы и пека 162.234 бочки, а въ 1863—151.535 бочекъ.

Изъ дѣлъ видно, что тогдашнее Лѣсное Управленіе не могло скоро свынуться съ свободою смолокурения, и продолжало запрещать вырубку подсоченнаго лѣса, такъ что нужны были неоднократныя подтвержденія Лѣснаго Департамента—не препятствовать вырубкѣ этого лѣса. Но наконецъ взглядъ мѣстнаго управленія получилъ перевѣсъ и въ центральномъ управленіи. 15-го августа 1830 года Архангельская Казенная Палата донесла Министерству Финансовъ о необходимости ограничить смолокурение. Графъ Канкринъ потребовалъ свѣдѣній отъ военнаго губернатора, который подтвердилъ донесеніе Казенной Палаты, взваливъ всю вину на Коммисію 1804 года, отъ образа дѣйствій которой будто бы неминуемо должно было послѣдовать настоящее истощеніе лѣсовъ. Но эта фраза, которая потомъ непрестанно повторялась, не только была совершенно голословна, но прямо опровергалась тѣми положительными данными о состояніи лѣсовъ, которыя были доставлены Министру Финансовъ самою Казенною Палатою, на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ мѣстными лѣсничими. Эти свѣдѣнія могли быть окончательно собраны не ранѣе сентября 1837 года. Изъ нихъ видно, что въ Шенкурскомъ уѣздѣ на 1.180.311 десятинъ лѣса тѣхъ мѣстностей, гдѣ смолокурение производилось, про-

странство подсоченнаго лѣса составляло только 36.005 десятинъ, изъ коего въ то время выкуривалось 51.227 бочекъ смолы, и что изъ 40 дачъ, въ которыя входятъ эти 36.005 десятинъ, 9 находятся въ изобильномъ состояніи, 21 въ посредственномъ и только 10 въ скудномъ. Въ Холмогорскомъ же уѣздѣ, изъ 767.191 десятины лѣса, подсочено только 2.880 десятинъ, изъ коихъ выкуривалось 6.763 бочки смолы, и изъ 12 дачъ 9 находились въ изобильномъ состояніи и только 3 въ посредственномъ. Изъ этихъ свѣдѣній видно также, что въ Шенкурскомъ уѣздѣ крестьяне подсачивали лѣсъ даже до 25 верстъ отъ своихъ селеній, и что, слѣдовательно, нечего было опасаться оскудѣнія даже ближайшихъ къ селенію дачъ; и, хотя они подсачивали деревья не въ такихъ только дачахъ, гдѣ сплошь растетъ нискосучный и малорослый лѣсъ, ибо онъ почти вездѣ растетъ совмѣстно съ хорошими деревьями, но таковыхъ однако же крестьяне не трогали. Несмотря на это, еще до полученія этихъ свѣдѣній, 23-го октября 1835 г. послѣдовало распоряженіе Министра Финансовъ, сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ: 1) изъ лѣсовъ Шенкурскаго уѣзда, приблизительно въ 1.000.000 десятинъ, выдѣлить лучшія сосновыя дачи, особенно въблизи рѣкъ, 700.000 десятинъ, приблизительно; 2) затѣмъ весь остающійся, для смолокуренія, лѣсъ раздѣлить, по суровости климата, на 100 частей; 3) каждый годъ употреблять только одинъ участокъ и затѣмъ запускать; 4) во избѣжаніе проволочекъ, отдѣлить для каждаго селенія по два годовыхъ участка, а затѣмъ отдѣлять по одному каждый годъ не позже 1-го августа, участки же отграничивать по глазомѣру просѣками; 5) по неимѣнію свѣдѣній о прочихъ уѣздахъ, гдѣ производилось смолокуреніе, составить и для нихъ правила сообразно вышеизложенному; 6) до приведенія же всего этого въ исполненіе, оставить выкурку смолы на прежнемъ основаніи.

На семъ основаніи, Казенная Палата запретила тогда же съ 1836 года дальнѣйшую подсочку деревьевъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ, дозволивъ смолокуреніе только изъ подсоченнаго уже лѣса, до тѣхъ поръ, пока не будутъ выдѣлены годовые участки. Относительно же Холмогорскаго уѣзда, Палата приступила къ собиранію свѣдѣній, главные выводы изъ которыхъ сообщены выше. По полученіи этихъ свѣдѣній, Палата заключила, что въ Холмогорскомъ уѣздѣ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакого основанія принимать какія-либо ограничительныя мѣры и просила разрѣшенія Департамента Го-

сударственныхъ Имуществъ оставить смолокурение въ Холмогорскомъ уѣздѣ на прежнихъ основаніяхъ. Но Департаментъ не уважилъ представленія Палаты, и отъ 18-го сентября 1836 года предписалъ ей немедленно исполнить приказаніе Министра Финансовъ, т. е. ввести тѣже ограниченія, что и для Шенкурскаго уѣзда. На этомъ основаніи, въ той части Холмогорскаго уѣзда, гдѣ занимались смолокурениемъ, изъ 885.411 десятинъ положено было 311.020 десятинъ причислить къ корабельнымъ рощамъ; для смолокурения же собственно оставить только 75.000 десятинъ, раздѣливъ ихъ также на 100 участковъ, и въ одномъ лишь участкѣ въ 750 десятинъ позволять каждый годъ смолокурение. До введенія же сихъ участковъ, „дабы удержать крестьянъ Холмогорскаго уѣзда отъ истребленія лѣсовъ, предписать всѣмъ Волостнымъ Правленіямъ внушить крестьянамъ, чтобы они смолокурение производили въ мѣстахъ, гдѣ отъ мѣстнаго лѣснаго начальства указано будетъ, а вновь лѣсовъ отнюдь не подсачивали подъ страхомъ преданія суду“. Временной Совѣтъ для Управленія Государственными Имуществами, найдя распоряженія Казенной Палаты правильными и согласными съ предписаніемъ Министра Финансовъ, разрѣшилъ 11-го февраля 1837 года привести ихъ въ исполненіе и въ Холмогорскомъ уѣздѣ. Этимъ распоряженіемъ нанесенъ былъ смолокурению въ Холмогорскомъ уѣздѣ смертельный ударъ. Оно продолжалось еще нѣсколько лѣтъ изъ прежде подсоченныхъ деревьевъ; но, такъ какъ предполагавшіеся участки выдѣлены никогда не были, оно давно уже совершенно прекратилось. Между тѣмъ, въ Холмогорскомъ уѣздѣ выкуривалось еще въ 1834 г. 8.697 бочекъ смолы, что, по средней цѣнѣ въ 3 р. 60 к., составитъ слишкомъ 31.000 руб., а за исключеніемъ тогдашней пошрины въ 33 коп. съ бочки—28.000 руб. ежегоднаго дохода, котораго лишены были жители.

Въ началѣ не разсчитывали, конечно, на такой окончательный результатъ, и старались приступить, какъ можно скорѣе, къ выдѣлу участковъ. Но нужные землемѣры для этого не находились, и только 11-го мая 1838 г. были командированы три партіи ихъ изъ Петербурга. Въ инструкціи, данной имъ уже отъ вновь образовавшагося тогда Министерства Государственныхъ Имуществъ, опять повторяется, что крестьяне, пользуясь даннымъ имъ въ 1804 году правомъ, истощили во многихъ мѣстахъ лѣсныя дачи, выкуривая въ годъ до 50.000 бочекъ смолы и подсачивая для сего

деревья въ количествѣ, превышающемъ ежегодную пропорцію подраста. Между тѣмъ, по предписанію Министра Финансовъ, разбивъ смолокурные лѣса на 100 участковъ въ Шенкурскомъ и Холмогорскомъ уѣздахъ, предоставлялось крестьянамъ по 7.750 десятинъ въ годъ. Считая по 20 кубическихъ сажень дровъ на десятинѣ и по 4 бочки смолы съ сажени смолья, это пространство соотвѣтствовало бы 620.000 бочкамъ, тогда какъ въ дѣйствительности, въ тѣ годы, отправлялось за границу не болѣе 100.000 бочекъ смолы, считая въ томъ числѣ и выдѣлываемый изъ нея пекъ. Несмотря на это, страхъ истребленія неистребимыхъ лѣсовъ заставилъ принять нескончаемую работу выдѣленія участковъ, которые приблизительно должны были равняться $\frac{1}{100}$ доли всего количества лѣса, и каждый долженъ былъ быть окруженъ саженною просѣкою и имѣть, по возможности, форму квадратовъ и прямоугольниковъ.

Чтобы не заставить крестьянъ слишкомъ долго ожидать, сначала должно было выдѣлить участки на два года, сообразно съ тѣмъ, что было предположено въ предписаніи Министра Финансовъ отъ 23-го октября 1835 года. Работы начаты были съ Шенкурскаго уѣзда, и въ теченіе лѣта 1838 г. надѣлено 5.364 души; а такъ какъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ считалось въ то время слишкомъ 21.000 душъ, то въ годъ надѣлили $\frac{1}{4}$ крестьянъ участками на два года; слѣдовательно, продолжая такимъ образомъ, на третій годъ, когда приступили бы къ надѣленію третьей четверти, первая уже вырубилъ бы свои участки и требовала бы новаго надѣленія. Но до этого не дошло; въ слѣдующемъ же году это дѣло было оставлено, а вмѣсто того землемѣрамъ поручено приступить къ надѣленію крестьянъ 15-ти-десятинною пропорціею земли, во исполненіе Высочайшаго указа 1804 года, и дабы возможно было размежевать удѣльныхъ крестьянъ отъ государственныхъ. Но и эта мѣра не скоро могла быть приведена къ окончанію, а такъ какъ до тѣхъ поръ никакія мѣры, относительно смолокурения, не могли быть установлены, подсочка же съ 1836 г. была пріостановлена, то Архангельская Удѣльная Контора, 6-го февраля 1842 года, вошла въ сношеніе съ Архангельскою Палатою Государственныхъ Имуществъ о дозволеніи подсачиванія лѣсовъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ, прежде надѣленія удѣльныхъ крестьянъ узаконенною пропорціею земли, которое, по отзыву начальника землемѣрныхъ партій, раньше восьми лѣтъ не могло быть приведено

къ окончанію. Удѣльная Контора подтверждала свою просьбу тѣми соображеніями, что въ Шенкурскомъ уѣздѣ смолокурение—главный промыселъ жителей, что значительная часть тамошнихъ лѣсовъ ни на какое другое употребленіе не годна, и что, при бдительномъ надзорѣ лѣснаго начальства и удѣльнаго вѣдомства, можно уберечь надежные лѣса отъ подсочекъ, и предлагала слѣдующія мѣры къ охраненію лѣсовъ: 1) чтобы нуждающіеся въ подсочкѣ объявляли на мірскомъ сходѣ, сколько кому нужно деревьевъ и въ какихъ мѣстахъ; 2) чтобы мѣста эти свидѣтельствовались старшинами, командироваемыми Удѣльными Приказами; 3) чтобы Приказъ, удостоившись, что указанные мѣста ни на что болѣе, кромѣ подсочки, негодны, доводилъ о томъ до свѣдѣнія лѣснаго начальства; 4) чтобы мѣстный лѣсничій разрѣшалъ новую подсочку, удостоившись въ справедливости донесенія Удѣльнаго Приказа. Эти предложенія нашли полное сочувствіе въ Архангельской Палатѣ Государственныхъ Имуществъ, которая считала полезнымъ не только разрѣшить на этихъ основаніяхъ подсочку въ Шенкурскомъ уѣздѣ, но распространить эту мѣру и на Холмогорскій уѣздъ, и въ такомъ смыслѣ доносила въ первый Департаментъ Государственныхъ Имуществъ. Но Департаментъ, проникшись лѣсоохранительными идеями, первоначально возникшими у мѣстнаго управленія, вмѣсто разрѣшенія этихъ мѣръ, потребовалъ отъ Палаты Государственныхъ Имуществъ, 13-го марта 1843 г., свѣдѣній, дѣйствительно ли ненадѣленные еще крестьяне имѣютъ недостатокъ въ подсоченномъ лѣсѣ, и въ какой мѣрѣ можно допустить новую подсочку, безъ истощенія дачъ. Свѣдѣнія эти могли быть собраны только къ августу 1846 года. Изъ нихъ оказалось, что въ Шенкурскомъ уѣздѣ среднимъ числомъ было еще подсоченнаго лѣса на $12\frac{2}{3}$ года на 1.983 хозяина. Такъ какъ этотъ расчетъ могъ быть сдѣланъ только по произвольному предположенію, что каждый хозяинъ будетъ курить ежегодно извѣстную опредѣленную пропорцію, именно по одной ямѣ въ годъ, то, собственно говоря, это означало, что подсоченнаго лѣса было еще на 24.523 ямы. Но и яма мѣра неопредѣленная. Въ нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ показано, что на яму считается 10 кубическихъ сажень смолья, въ другихъ же только четыре кубическія сажени, а въ большей части вовсе ничего не показано. Принявъ высшую пропорцію, и считая по 20 кубическихъ сажень дровъ на десятину, окажется, что подсоченнаго лѣса оставалось 12,260 десятинъ, т. е. на годъ по 1.000 десятинъ, что

даетъ менѣе $\frac{1}{2}$ десятины на хозяина смолокура, т. е. гораздо меньше, чѣмъ по скольку намѣревались нарѣзывать въ смолокурные участки. Еще новое доказательство, что все дѣло было поднато по пустому, что вся тревога объ истощеніи лѣсовъ была фальшивая. Ежели же лѣсъ былъ подсоченъ на много лѣтъ впередъ, то это было тѣмъ выгоднѣе, потому что, чѣмъ долѣе подсоченное дерево стоитъ на корню, тѣмъ смолистѣе оно становится. Но, ежели такъ много подсоченнаго лѣса въ тѣхъ дачахъ Шенкурскаго уѣзда, въ которыхъ смолокуреніемъ занимались удѣльные крестьяне, то въ дачахъ государственныхъ крестьянъ какъ Шенкурскаго, такъ и Холмогорскаго уѣздовъ, такія прежде подсоченныя деревья уже приходили къ концу; именно, ихъ хватило только на 1—4 года для 748 лицъ, занимавшихся смолокуреніемъ. Весь запасъ заключался въ 1.040 ямахъ или въ 520 десятинахъ подсоченнаго лѣса, что даетъ 7.429 кубическихъ сажень смолы въ годъ. Это количество осмолу соотвѣтствовало, вмѣстѣ у удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ, 109.465 бочкамъ ежегодной выкурки, чѣмъ и подтверждается вѣрность всего разчета, такъ какъ въ сороковыхъ годахъ среднее количество отпускавшихся за границу смолы и пеку, приведеннаго въ смолу, составляло 105.000 бочекъ.

Кромѣ этихъ данныхъ о количествѣ подсоченнаго лѣса, доставленныхъ въ Палату, а Палатою въ Департаментъ, были собраны свѣдѣнія о томъ, сколько удѣльные и государственные крестьяне желали подсчитать деревья для поддержанія своихъ оскудѣвавшихъ запасовъ. Удѣльные крестьяне объявили, что имъ нужно подсчитать 2.388.355 деревъ, что соотвѣтствуетъ, принимая 150 деревъ на кубическую сажень и 4 бочки смолы изъ кубической сажени — 15.926 куб. саженьямъ осмолу и 63.704 бочкамъ смолы. Такъ какъ это просилось на время отъ пяти до десяти лѣтъ, или среднимъ числомъ на семь лѣтъ, то на годъ выходило только 9.100 бочекъ смолы, что, при обильномъ запасѣ подсоченнаго лѣса, могло быть достаточнымъ. Государственные же крестьяне просили дозволить имъ подсчитать 1.608.120 деревъ въ Холмогорскомъ и 534.800 деревъ въ Шенкурскомъ уѣздахъ; всего же 2.142.920 деревъ. Это количество просилось для 5.056 ямъ и 748 хозяевамъ, т. е., принимая по ямѣ на годъ, среднимъ числомъ на 6—8 лѣтъ, или, по вышеприведенному разсчету, по 2.101 куб. сажени на годъ, которыя могли дать 8.400 бочекъ смолы, т. е. именно то количество,

которое выкуривалось и прежде государственными крестьянами. Относительно большее количество деревь, просимыхъ государственными крестьянами, объясняется значительно бѣльшимъ оскудѣніемъ ихъ запасовъ подсоченнаго лѣса, чѣмъ у удѣльныхъ крестьянъ. Собираніе всѣхъ этихъ свѣдѣній, однако же, не имѣло еще результатовъ, и въ Холмогорскомъ уѣздѣ подсочка деревьевъ остается до сихъ поръ запрещенною, допускаясь лишь въ видѣ исключенія нѣкоторымъ липамъ, которымъ отводится для сего опредѣленное пространство. Только въ удѣльныхъ имѣніяхъ подсочка возобновилась, потому что тамошніе лѣса были, сообразно первоначальному плану графа Канкринъ, разбиты на участки, или такъ называемые кварталы, которые отводятся не погодно, а на десять лѣтъ.

Такъ какъ государственные крестьяне не могли быть надѣлены 15-ти-десятиною пропорціею земли, по обширности пространства и многодѣльности этого надѣленія, то и прочіе лѣса, которые оставались бы внѣ надѣла, не могли быть разбиты на участки. Поэтому, предположены были Архангельскою Палатою Государственныхъ Имуществъ другія мѣры для спасенія лѣсовъ отъ истребленія излишнимъ смолокурениемъ. Еще въ отвѣтѣ своемъ отъ 22-го мая 1842 года на предложеніе Удѣльной Конторы допустить вновь подсочку деревьевъ, подъ извѣстными условіями, Архангельская Палата совершенно справедливо замѣтила, что всѣ предложенія для охраненія лѣсовъ на вѣчныя времена, какъ-то: обращеніе поселанъ къ другимъ промысламъ, надѣлъ крестьянъ узаконенною пропорціею земли, раздѣленіе лѣсовъ на участки и т. д., лишены практическаго характера, и что, поэтому, надо изыскать легчайшій способъ къ охраненію лѣсовъ отъ совершеннаго истребленія. Этотъ способъ и изложенъ ею въ отвѣтѣ отъ 30 сентября 1846 г., на предписаніе Лѣснаго Департамента, отъ 13 марта 1843 г., доставить какъ свѣдѣнія о количествѣ имѣющагося еще подсоченнаго лѣса, такъ и свои соображенія о томъ, на какихъ основаніяхъ новая подсочка могла бы быть допущена. Это мнѣніе Палаты было впослѣдствіи повторено, какъ предложеніе инспектора межеванія казенныхъ земель, генералъ-маіора Венцеля, обозрѣвавшаго въ 1846 г. межевыя дѣйствія въ Архангельской губерніи, составленное имъ по взаимному соглашенію съ управляющими Удѣльною Конторою и Архангельскою Палатою Государственныхъ Имуществъ и съ начальникомъ съемки. Мнѣніе это, кажется, само по себѣ весьма основательнымъ, и если бы въ приложенной къ оному таб-

лицѣ не вкрасились самыя странныя ошибки, оно должно бы было до очевидности ясно показать, что смолокуренію въ Архангельской губерніи можетъ быть предоставлена полнѣйшая свобода, безъ малѣйшаго опасенія за истощеніе лѣсовъ. Оно заключалось въ слѣдующемъ: По надѣленіи крестьянъ 15-ти-десятинною пропорціею, приступить къ приблизительной таксировкѣ остальныхъ частей дачъ; по окончаніи же оной, въ каждой дачѣ сдѣлать нѣсколько опытовъ, для опредѣленія средняго количества деревь, приходящихся на кубическую сажень смольника, чѣмъ опредѣлится то количество смолы, которое можно будетъ въ каждой дачѣ ежегодно выкуривать. Слѣдовательно, если строго наблюдать за тѣмъ, чтобы болѣе сего количества не сплавлялось, то и не будетъ предстоять надобности приступать къ обременительной работѣ выдѣла ежегодныхъ или даже пятилѣтнихъ участковъ. Крестьяне сами собою прекратятъ излишнюю подсочку деревь, потому что она будетъ для нихъ совершенно бесполезна, когда они не будутъ имѣть права сплавлять болѣе назначеннаго по смѣтѣ количества смолы. Но, такъ какъ надѣленіе крестьянъ и отаксированіе лѣсовъ можетъ продолжаться неопредѣленное время, а если до того времени запретить подсочку, то запасъ подсоченнаго лѣса можетъ истощиться и, съ прекращеніемъ смолокуренія, крестьяне должны будутъ лишиться средствъ къ пропитанію,—посему допустить новую подсочку, какъ только приведется въ извѣстность количество имѣющагося въ запасѣ подсоченнаго лѣса, съ слѣдующими ограниченіями: составить для каждой дачи приблизительную смѣту того количества смолы, которое можетъ быть выкуриваемо безъ истощенія ея, принимая въ руководство, при исчисленіи вырубки деревь, циркулярное предписаніе Товарища Министра Государственныхъ Имуществъ отъ 27 марта 1843 года, которымъ дозволяется ежегодно рубить съ десяти десятинъ до четырехъ строевыхъ деревь и четыре кубическія сажени дровъ, полагая на каждую сажень разнороднаго дровянаго лѣса до 20 деревь и въ томъ числѣ только $\frac{1}{6}$ часть сосновыхъ. Слѣдовательно, по этому вычисленію выходитъ, что можно срубить съ десятины по 1,4 сосноваго дерева, или по 14-ти сосновыхъ дровяныхъ деревь съ 10-ти десятинъ. Для опредѣленія же количества выкуриваемой смолы принять въ основаніе свѣдѣнія, доставленныя Удѣльною Конторою. На сихъ основаніяхъ была составлена таблица того количества смолы, которое можно дозволить выкуривать въ каждой дачѣ, не опасаясь истощенія лѣсовъ.

Основанія для составленія этой таблицы приняты, очевидно, самыя умѣренныя—съ 10-ти десятинъ по 14-ти сосновыхъ деревьевъ—и однако мы увидимъ, къ какимъ неожиданнымъ результатамъ это насъ приведетъ, если будемъ вычислять правильно. Для ясности, приводятся итоги таблицы по Шенкурскому и Холмогорскому уѣздамъ.

Пространство дачъ	1.695.801
Число деревъ, которое можетъ быть ежегодно вырубается	2.374.121
Число деревъ, назначенныхъ крестьянамъ на домашнія потребности	186.840
Число деревъ, остающихся на смолокурение	2.187.281
Количество смолы, могущее выкуриваться изъ назначеннаго числа деревъ	58.708

Дѣйствительно, если бы ежегодно можно было выкуривать не болѣе 58.708 бочекъ смолы, между тѣмъ какъ ее выкуривалось въ теченіи послѣднихъ 60 лѣтъ среднимъ числомъ до 106.000 въ годъ, т. е. почти вдвое, и въ томъ же, по крайней мѣрѣ, размѣрѣ выкуривалось и прежде, то дѣйствительно пришлось бы позадуматься надъ участію Архангельскихъ лѣсовъ и удивляться, какъ до сихъ поръ еще такъ много лѣса даже въ тѣхъ мѣстностяхъ Шенкурскаго и Холмогорскаго уѣздовъ, гдѣ курится и курилась смола. Но изумленіе приметъ совершенно противоположное направленіе, если убѣдимся, что смѣтное количество смолы уменьшено въ 34 раза, частію по неосновательности, съ которою таблица составлена, частію по ошибочности примѣненія къ Шенкурскому и Холмогорскому уѣздамъ основаній, изложенныхъ въ предписаніи товарища Министра 1843 года. Въ самомъ дѣлѣ, вторая графа составлена на основаніи предположенія, что кубическая сажень дровъ выходитъ изъ 20 деревьевъ, а графа пятая— по свѣдѣніямъ, доставленнымъ Удѣльною Конторою, что на кубическую сажень дающую 4 бочки смолы, требуется 150 деревъ. Слѣдовательно, очевидно, что каждое дерево, которое дозволяется вырубать, сообразно второй графѣ, содержитъ въ себѣ $7\frac{1}{2}$ тѣхъ деревъ, изъ которыхъ накалывается смола для выкурки смолы, или, другими словами, что изъ 2.187.281 дерева, коихъ приходится по 20 на сажень, будетъ выкуриваться не 58.708 а 410.952 бочки, и это совершенно независимо отъ того, ошибалась или нѣтъ Удѣльная Контора, опредѣливъ, что кубическая сажень дровъ выходитъ изъ 150 деревьевъ. Этого перечисленія сажень на деревья вовсе не зачѣмъ было дѣ-

дать, такъ какъ вѣдь и контролировать предполагалось не число вырубаемыхъ или подсачиваемыхъ деревьевъ, а количество выдѣлываемой смолы, и если можно вырубать въ годъ $\frac{1}{15}$ куб. сажени сосновыхъ дровъ, среднимъ числомъ, съ десятины, какъ назначено въ циркулярѣ товарища Министра, и если изъ кубической сажени этихъ дровъ выходить 4 бочки смолы (что дѣйствительно можно принять за норму для ямной выкурки), то количество смолы, которое можно ежегодно выкуривать будетъ $\frac{1.695.801 \times 4}{15} = 452.213,6$

бочекъ (разница съ вышеприведеннымъ числомъ происходитъ отъ того, что здѣсь не исключены тѣ деревья, которыя должны бы идти на домашніи нужды крестьянъ). Этой огромной ошибкѣ составители таблицы могли бы и не дѣлать; но другая ошибка была, для нихъ, такъ сказать, обязательна, хотя они могли и даже должны бы были ее оговорить. Въ циркулярѣ товарища Министра принято, что сосна составляетъ $\frac{1}{6}$ смѣшанныхъ лѣсонасажденій. Можетъ быть для другихъ мѣстностей Россіи это и справедливо, но никакъ не для Холмогорскаго, Шенкурскаго и Пинежскаго уѣздовъ Архангельской губерніи. По таксаціи старшаго таксатора Цигры, въ Пошехонской дачѣ Пинежскаго уѣзда, оказывается, что среднимъ числомъ изъ 5 пробныхъ площадей на одну десятину приходится на десятинѣ 26,61 куб. сажень дровъ и, въ томъ числѣ, не сосновыхъ—только 787 куб. сажень; изъ чего слѣдуетъ, что сосновыя дрова составляютъ не $\frac{1}{6}$, а $\frac{7}{10}$, т. е. почти $\frac{3}{4}$ здѣшнихъ лѣсовъ, или въ 4,22 раза больше, чѣмъ принимаетъ инструкція Товарища Министра. Увеличивъ во столько разъ полученное выше число (410.952 бочки), мы найдемъ, что количество смолы, которое можно бы было добывать изъ дачъ Шенкурскаго и Холмогорскаго уѣздовъ, составитъ 1.734.217 бочекъ въ годъ, а такъ какъ наибольшій отпускъ смолы составлять только 238.804 бочки, т. е. слишкомъ въ семь разъ меньше, средній-же выкуръ слишкомъ въ 16 разъ меньше, то всякая забота объ огражденіи лѣсовъ отъ истребленія ихъ смолокурениемъ должна быть устранена, и смолокуренію можетъ быть данъ полнѣйшій просторъ. Если бы истинные результаты такой приблизительной таксаціи выяснились, какъ для Палаты, такъ и для Министерства, то должно полагать, что всякая мысль, какъ о таксаціи, такъ и о раздѣленіи лѣсовъ на участки, какъ о дѣйствіяхъ по крайней мѣрѣ совершенно бесполезныхъ, была бы оставлена, и дѣло возвращено къ тому положенію, въ которое оно было по-

ставлено указомъ и дѣйствіями Коммисіи 1804 года, и изъ котораго его вывело донесеніе Казенной Палаты отъ 15-го августа 1830 года.

Такимъ образомъ, результатомъ всего этого изслѣдованія выходитъ, что не только лѣса Архангельской губерніи вообще, но даже и въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ смолокурение производится, оскудѣть никакимъ образомъ не могутъ. Къ этому же выводу можно было бы дойти и гораздо проще. Такъ какъ въ годъ отпускается, среднимъ числомъ, съ небольшимъ 100.000 бочекъ смолы и пеку, а кубическая сажень смольника даетъ 4 бочки, то это количество добывается изъ 25.000 куб. сажень дровъ (при печномъ смолокурении даже изъ 20.000 только). Принявъ, что съ десятины среднимъ числомъ нарубається не болѣе 12½ кубическихъ сажень сосновыхъ дровъ (вмѣсто 18 сажень, какъ выходитъ по таксаціи), въ годъ истребится только до 2.000 десятинъ лѣсу, а какъ его болѣе 1.600.000 въ тѣхъ дачахъ двухъ уѣздовъ, гдѣ производится смолокурение, то если бы лѣсъ не подросталъ, то и тогда могъ бы онъ быть истребленъ не ранѣе 800 лѣтъ; а такъ какъ въ 100 лѣтъ онъ уже во всякомъ случаѣ вырастаетъ до той степени, чтобы годиться на смолье, то на смолокурение употреблялось ежегодно не болѣе одной восьмой части годоваго подроста.

Но для развитія смолокурнаго промысла въ Архангельской губерніи еще недостаточно устраненія тѣхъ мѣръ, которыя стѣсняли его условнымъ или безусловнымъ запрещеніемъ подсочекъ. Отпускъ смолы изъ Архангельска ограничивается соперничествомъ съ нами Америки и Швеціи, такъ что и то количество, которое нынче выкуривается, въ иной годъ нельзя сбыть за границу по самымъ дешевымъ цѣнамъ, какъ напримѣръ въ нынѣшнемъ и прошедшемъ годахъ, когда цѣна на смолу составляла отъ 2 руб. 55 коп. до 2 80 коп. за бочку, а на пекъ 47 коп. за пудъ. На это пониженіе цѣны на смолу и ограниченіе ея отпуска имѣли вліяніе слѣдующія обстоятельства: 1) еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, значительное количество смолы употреблялось въ Шотландіи для обмыванія овецъ, чѣмъ тамъ предохраняли ихъ отъ какихъ-то болѣзней: теперь-же, по причинѣ ли худшаго качества смолы, слишкомъ густой, или по причинѣ нѣсколько лѣтъ продолжавшейся дороговизны, стали для сего употреблять смолу, получаемую изъ каменнаго угля, при добываніи свѣтильнаго газа; 2) какъ причину уменьшенія въ потребности на смолу выставляютъ еще значитель-

ное количество строящихся въ настоящее время желѣзныхъ кораблей, которые не надо смолить, и замѣнъ пеньковыхъ канатовъ и веревокъ цѣпями и проволочными снастями. Я думаю однакоже, что мореплаваніе, которое главнымъ образомъ производится все-таки на деревянныхъ корабляхъ, такъ сильно возрастаетъ, что, несмотря на эти причины, уменьшающія потребность въ смолѣ, въ настоящее время все-таки гораздо болѣе требуется смолы, чѣмъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія; 3) главную причину, ограничивающую отпускъ смолы изъ Архангельска, составляетъ, безъ сомнѣнія, соперничество Америки и Швеціи. Въ Америкѣ смола добывается преимущественно изъ породы сосны, растущей въ Сѣверной Каролинѣ, и потому во время американской междоусобной войны отпускъ ея прекратился. Въ эти четыре года, съ 1861 по 1864, отпускъ нашей смолы возросъ до 108.917 бочекъ въ годъ (вмѣсто 79.407 бочекъ, отправленныхъ въ остальные 6 лѣтъ послѣдняго десятилѣтія); къ тому же, цѣны за бочку смолы доходили до 7 р. Если бы подсачиваніе деревьевъ продолжалось по прежнему въ Холмогорскомъ уѣздѣ, мы могли бы отпустить гораздо болѣе; теперь же всей потребности должны были удовлетворять однѣ удѣльные дачи Шенкурскаго уѣзда. Но не мы одни воспользовались закрытіемъ американскихъ рынковъ и вздорожаніемъ смолы. Швеція стала также въ большихъ размѣрахъ приготавливать и вывозить смолу, и по окончаніи американскаго междоусобія, конкуренція стала сильнѣе прежней, и не только уменьшился отпускъ, но и цѣны на смолу упали до такой степени, что, при значительности пошлины, несоотвѣтствовавшей выручаемой за смолу цѣнѣ, промыселъ этотъ, въ два послѣдніе года, почти пересталъ давать какія-либо выгоды. Въ этомъ не трудно убѣдиться изъ слѣдующаго разсчета:

Пошлины за ямную смолу	1 р. 30	к.
„ „ бочку, куда наливаютъ смолу	— „ 10	„
„ „ дрова на выкурку бочки смолы	— „ 5	„
„ „ плотъ или видило, на которомъ смолу сплавляютъ, на каждую бочку	— „ 5	„
Расходы на смолу, идущую на доливку, считая 5 бочекъ на 100	— „ 8 ¹ / ₂	„
Цѣна бочки	— „ 20	„
Приплавъ до Архангельска	— „ 20	„
Разнаго рода побочныхъ расходовъ	— „ 11 ¹ / ₂	„
	2 р. 10	к.
Цѣна въ Архангельскѣ	2 р. 80	к.

Слѣдовательно, съ бочки приходится всего только 70 коп. или 9 коп. съ ведра барыша, и то въ томъ случаѣ, если бы крестьяне сами сплавляли смолу; а то еще изъ этого значительная часть попадаетъ въ руки перекупщиковъ, такъ какъ крестьяне принуждены продавать смолу на мѣстахъ, для оплаты ея пошлиною и въ избѣжаніе другихъ расходовъ, которые имъ не подѣ силу. При этомъ еще надо принять въ расчетъ, что крестьянамъ выдаются билеты на вырубку извѣстнаго количества осмола, по опредѣленной нормѣ выхода смолы изъ осмола, именно по 5 бочекъ изъ кубической сажени, не взирая на то, выкуривалось ли столько, или нѣтъ. Если-же вышелъ бы перекуръ, то это нейдетъ въ пользу смолокура, и онъ у него отбирается и продается съ аукціона, ибо предполагается, что перекуръ можетъ происходить лишь отъ тайно, верхъ назначеннаго количества, нарубленнаго лѣса. Наконецъ, къ расходамъ крестьянъ, продающимъ смолу въ Архангельскѣ, надо еще присчитать расходы на проживаніе тамъ и на обратный путь. Много ли послѣ этого ему останется?

Выкурка печной смолы нѣсколько выгоднѣе, именно пошлина за нее 80 коп. съ бочки; прочіе расходы тѣ же, что и на ямную 80 коп., итого 1 руб. 60 коп. Печная смола продавалась по 2 р. 55 коп. за бочку, такъ что тутъ барыша остается 95 коп. Поэтому теперь и стали, къ великому вреду для торговли смолой почти исключительно курить печную смолу; настоящей же ямной, доставляется не болѣе 5.000 бочекъ въ годъ. Пошлина, собираемая съ удѣльныхъ крестьянъ и съ государственныхъ, по 1-му Шенкурскому и 2-му Холмогорскому лѣсничествамъ еще 20 копѣйками выше, какъ съ ямной, такъ и съ печной смолы.

Изъ всего вышеизложеннаго вытекаютъ, какъ необходимыя слѣдствія, два заключенія: во первыхъ, должно оставить всякое опасеніе о возможности истребленія или даже оскудѣнія лѣсовъ чрезъ смолокурение изъ подсоченнаго лѣса; во вторыхъ, должно употребить всѣ старанія къ тому, чтобы побѣдить соперничество Швеціи и Америки, и чрезъ это овладѣть смоляными рынками, чтò, по естественнымъ условіямъ Архангельской губерніи, представляется весьма возможнымъ, если она будетъ доставлять смолу возможно лучшаго качества, по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Для этого представляются слѣдующія средства:

1. По примѣру коммисіи 1804 года, выдѣлить какъ строевые лѣса, такъ и тѣ, на которые можно надѣяться, что они совреме-

немъ сдѣлаются строевыми; во всѣхъ же остальныхъ допустить совершенно свободную и безконтрольную подсочку, ибо опытъ достаточно показалъ, что излишняго количества крестьяне подсаживать не станутъ; а чѣмъ долѣе стоитъ подсоченный лѣсъ, тѣмъ дастъ онъ при выкуркѣ большую пропорцію смолы.

2. Такъ какъ крестьяне прямораствующихъ, большерослыхъ деревьевъ сами подсаживать не станутъ, то выдѣленіе запасныхъ строевыхъ рощъ можетъ быть полезнымъ въ тѣхъ только видахъ, чтобы дать лѣсу, въ настоящее время еще мелкому, но растущему при благопріятныхъ условіяхъ, безпрепятственно достигнуть современемъ большихъ размѣровъ. Поэтому, не предстоить никакой надобности ожидать выдѣла этихъ запасныхъ строевыхъ рощъ, для разрѣшенія свободной подсочки деревьевъ: она можетъ и должна быть допущена немедленно. При изобиліи лѣса, даже и послѣ многихъ лѣтъ подсочки, всегда найдутся дачи нисколько подсочкою не поврежденные, которыя и можно будетъ запустить.

3. Раздѣленіе лѣсовъ на участки, или такъ называемые кварталы, прекратить, какъ не только совершенно бесполезное, но даже вредное. При полной свободѣ подсаживанія, крестьяне, конечно, выберутъ для сего тѣ именно деревья, которыя вступили въ надлежащій для сего возрастъ, и, такимъ же точно образомъ, станутъ вырубать тѣ подсоченныя деревья, которыя вполне успѣли осмолиться. При такой выборочной рубкѣ, совершенное оголеніе сколько нибудь значительнаго участка становится немислимымъ; поэтому, безъ всякой особой заботливости, такіе участки будутъ мало по малу сами собою обсаживаться. При раздѣленіи же лѣсовъ на кварталы, назначаемые подъ вырубку на извѣстное число лѣтъ, очевидно, что въ послѣдніе годы крестьяне будутъ стараться вырубать все до тла, что въ Шенкурскомъ и Вельскомъ уѣздахъ и дѣлается. Дачи такія, значительной величины, пространства не оголялись совершенно, надо принимать искусственныя мѣры для того, чтобы оставлялось на каждой десятинѣ по нѣскольку деревьевъ, для обсаженія, за чѣмъ услѣдить, конечно, очень трудно. Кромѣ этого, вредъ отъ раздѣленія на кварталы истекаетъ и изъ того, что въ послѣдніе годы крестьяне станутъ курить смолу изъ лѣса слишкомъ молодаго и, слѣдовательно, нарубить лѣсу больше, чѣмъ бы нужно было для выкурки извѣстнаго количества смолы. Выборочная рубка составляетъ уже, сама по себѣ, правильное очередowanіе, основанное на возрастѣ деревьевъ; къ чему же вводить еще

другое чередованіе по кварталамъ, очевидно менѣе совершенное, ибо въ кварталахъ будетъ вырубаться лѣсъ всякихъ возрастовъ, и притомъ совершенно оголяться большія пространства?

4. Покровительство печной смолѣ передъ ямною, наложеніемъ на сію послѣднюю высшей пошлыны, должно быть прекращено; ибо, вопреки установившемуся мнѣнію, ямная выкурка во всѣхъ отношеніяхъ предпочтительнѣе печной, какъ это весьма нетрудно доказать.

а) Ямная жидкая смола, по качествамъ своимъ, гораздо выше густой печной, и оплачивается 25 коп. дороже. При браковкѣ раздѣляютъ смолу въ Архангельскѣ на 5 сортовъ, которые обозначаютъ насѣчками или рубежами, дѣлаемыми на бочкахъ. Ямная смола составляетъ высшій сортъ — однорубежку, которой теперь почти вовсе нѣтъ; печная-же составляетъ дву, трехъ, четырехъ и пяти-рубежку. Слава, которую заслужила себѣ въ прежнее время архангельская смола, зависѣла именно отъ того, что тогда производилась исключительно ямная выкурка. Достоинство ямной смолы видно изъ того, что она собственно составляетъ ту приманку, изъ-за которой покупается и болѣе густая печная смола. Такъ, отъ смолы, идущей въ Англію, требуется, чтобы по крайней мѣрѣ третью часть партіи составляла жидкая ямная смола; одной густой вовсе не покупаютъ, и, за неимѣніемъ настоящей ямной, эту роль исполняютъ теперь дву и трехъ-рубежка; въ Голландію же только и берутъ что ямную смолу однорубежку. Уменьшеніе доставки смолы въ Голландію, въ послѣднее время, поразительно. Между тѣмъ какъ въ десятилѣтіе съ 1816 по 1825 годъ отпускъ въ Голландію составлялъ болѣе 16⁰/₁₀₀ всего отпуска, въ десятилѣтіе съ 1858 по 1867 годъ онъ составлялъ менѣе 4⁰/₁₀₀. Неохота, съ которою иностранцы берутъ печную смолу, увеличивается еще тѣмъ, что, по причинѣ густоты, браковка ея невозможна, и въ нее кладутъ, для увеличенія вѣса, камни и песокъ, за что въ послѣдствіи архангельскимъ купцамъ приходится платить, когда дѣло раскроется, такъ называемое одобреніе, т. е. возвращать деньги за эту подмѣшанную смолу. Очевидно, что ежели Архангельскъ будетъ отпускать болѣею частію лучшую ямную смолу не дороже, чѣмъ теперь отпускаетъ печную, что весьма возможно при уменьшеніи пошлыны, то весьма вѣроятно, что наша смола получитъ въ торговлѣ значительный перевѣсъ надъ шведскою и американскою и, слѣдовательно, нашъ отпускъ смолы сильно возрастетъ.

б) Пекъ, вываренный изъ ямной смолы, извѣстный въ торговлѣ подъ именемъ зеркальнаго—*Spiegel-resch*—блестящій, плотный, безъ ноздрей внутри, также цѣнится выше приготовляемаго изъ печной смолы. Но выгоды ямной выкурки не ограничиваются только лучшими качествами ея продуктовъ.

в) Ямная выкурка не требуетъ никакихъ инструментовъ, кромѣ топора да лопаты, и потому можетъ быть произведена всякимъ самобѣднѣйшимъ крестьяниномъ, тогда какъ устройство печи требуетъ затраты рублей 40 капитала, что для инаго крестьянина очень много. Да такъ дешево стоитъ печь, гдѣ подъ руками глина и кирпичъ дешевъ; тамъ-же, куда нужно кирпичъ возить издалека, цѣна эта значительно увеличивается.

г) Когда печка разъ устроена, то, конечно, подсачиваніе деревьевъ и рубка смолы можетъ производиться только въ небольшомъ разстояніи отъ печки: иначе подвозъ смолы будетъ затруднителенъ; а такъ какъ устройство печи въ новомъ мѣстѣ, хотя бы изъ стараго матеріала, будетъ стоить денегъ, то, во избѣжаніе этихъ издержекъ, хозяинъ будетъ вырубать до тла лѣсъ въ окрестностяхъ печи. Слѣдовательно, печная выкурка содѣйствуетъ оголенію значительныхъ лѣсныхъ пространствъ, чего именно должно стараться избѣгать. Напротивъ того, ямная выкурка можетъ производиться повсемѣстно.

На всѣ эти существенныя преимущества, ямная выкурка представляетъ только одну невыгоду: изъ кубической сажени столбника, одинаковаго качества, выходитъ, при ямной выкуркѣ, нѣсколько меньше смолы, чѣмъ при печной. Это собственно и побудило наложить на ямную смолу 50 коп. лишней пошлины на бочку, и, кромѣ того, назначить ту же норму выкуриваемаго количества смолы для печной и ямной гонки. Но выше было уже объяснено, какъ неосновательны опасенія объ истощеніи лѣса смолокурениемъ; а при изобиліи, можно даже сказать, при неистерпаемости лѣснаго матеріала,—покровительствовать, ради его сбереженія, способу, дающему худшій продуктъ, едва-ли рационально. Поощрять печную выкурку передъ ямною то же самое, что заботиться, на примѣръ, о введеніи такого способа солеваренія изъ морской воды, которымъ доставлялась бы соль худшаго качества, но за то въ нѣсколько большемъ количествѣ, ради сбереженія морской воды.

5. Уравненіе пошлинъ съ ямной и печной смолы непремѣнно улучшить качество Архангельской смолы; для удешевленія-же ея

необходимо вообще уменьшить эту пошлину, такъ какъ она составляетъ теперь $56\frac{1}{2}\%$ продажной цѣны для ямной и $42\frac{1}{2}\%$ для печной смолы, причемъ, конечно, очень затруднительно конкурировать съ иностранною смолою. Г. Данилевскій полагаетъ, что вмѣсто разнообразныхъ пошлинъ: за смолу, за дрова, употребленные на ея выкурку, за лѣсъ на плотъ для ея сплава, за бочку, въ которую она наливается, надо назначить одну пошлину съ продажнаго продукта, т. е. съ самой смолы: по 60 коп. съ бочки, какъ ямной, такъ и печной. Въ такомъ случаѣ, если бы ямная смола стала продаваться вмѣсто 2 р. 80 к. дешевле нынѣшней печной по 2 р. 50 к., то все-же выгоды смолокура были бы на 68 коп. съ каждой бочки больше, чѣмъ сколько онъ нынче получаетъ, т. е. почти вдвое. Совмѣстные улучшенія продукта, удешевленіе его и увеличеніе выгодъ промышленниковъ не могли бы не увеличить въ значительной мѣрѣ сбыта, такъ что, вѣроятно, чрезъ нѣкоторое время, собираемая со смолы пошлина составила бы не меньшую сумму, чѣмъ нынѣ.

6. Однообразная пошлина и устраненіе мысли объ истребленіи лѣсовыхъ смолокурениемъ дозволяютъ отмѣнить всякій учетъ количества вырубленного смольника и всякую норму для выкурки смолы. Пошлина собиралась бы у Архангельской заставы, послѣ приплава смолы къ Архангельску, что, опять-таки, чрезвычайно бы облегчило крестьянъ, и дало бы возможность всякому смолокуру, или нѣсколькимъ вмѣстѣ сложившимся, самимъ доставлять свои продукты въ Архангельскъ и избавило бы ихъ отъ перекупщиковъ. Лѣсное же начальство было бы освобождено отъ совершенно напрасныхъ хлопотъ отводить участки, выдавать билеты на вырубку, и отъ тому подобныхъ, ни къ чему не ведущихъ, формальностей и стѣсненій. Нельзя, къ сожалѣнію, совершенно уничтожить билетовъ на сплавъ, ибо необходимо знать мѣсто происхожденія смолы, для внесенія пошлины въ удѣльное вѣдомство, или въ Государственное Казначейство. Но эти билеты должны ограничиться только обозначеніемъ числа сплавляемыхъ бочекъ и мѣста происхожденія смолы.

7. Такъ какъ смолокурение производится не изъ однихъ подсосоченныхъ деревьевъ, а также изъ пней, корней и сухоподстойнаго лѣса, и такъ какъ выкурка изъ нихъ смолы очищаетъ лѣса, то для этой смолы полезно бы было назначить еще меньшую пошлину—напримѣръ 20 к. съ бочки; но, такъ какъ по наружному виду нельзя отличать эту смолу отъ выкуреной изъ подсочен-

наго лѣса; то желающіе воспользоваться уменьшенной пошпиною должны доставлять свидѣтельства отъ мѣстнаго лѣснаго начальства, удостовѣряющія, что дѣйствительно такое-то количество бочекъ выкурено такими-то изъ пней и корней.

8. Такъ какъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ смолокурение доселѣ не производилось, нѣтъ подсоченныхъ деревьевъ, то, дозволивъ немедленно тамъ подсочку, вырубку подсоченныхъ деревьевъ можно будетъ дозволить начать не ранѣе, какъ чрезъ 5 лѣтъ. Итакъ, подсочиваніе деревьевъ составляетъ трудъ, который начнетъ окупаться и приносить доходъ никакъ не ранѣе 5 лѣтъ; посему, чтобы была охота начать этотъ промыселъ, необходима увѣренность, что пошпины на смолу не будутъ увеличены по крайней мѣрѣ въ теченіе 10 лѣтъ. Слѣдовательно, она должна быть назначаема въ первый разъ на десять, а въ послѣдствіи по крайней мѣрѣ на пять лѣтъ впередъ, и въ теченіе этого времени оставаться неизмѣнною.

Съ принятіемъ этихъ простыхъ мѣръ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что смолокурение скоро разовьется по всѣмъ уѣздамъ Архангельской губерніи, и что доходъ Архангельскихъ крестьянъ увеличится не на одну сотню тысячъ рублей.

Прочія лѣсотехническія производства весьма мало развиты въ Архангельской губерніи. Пековарныхъ и скипидарныхъ заводовъ существуетъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ 12, сажекопильныхъ въ Шенкурскомъ же уѣздѣ 3, дегтарныхъ 2 въ Архангельскомъ, и 1 въ Онежскомъ. По мнѣнію г. Данилевскаго, есть однако же возможность ввести два новыя лѣсотехническія производства, которыя будутъ весьма выгодны. По словамъ нѣкоторыхъ лицъ, слѣдующихъ за ходомъ торговли разными лѣсными произведеніями, въ послѣднее время, подъ вліяніемъ вздорожанія лѣсныхъ продуктовъ вслѣдствіе Американской междоусобной войны, развилась во Франціи новая отрасль промышленности, которая доставляетъ значительное количество канифоли и скипидара самаго превосходнаго качества. Растущую въ окрестностяхъ Бордо и въ Ландскомъ Департаментѣ приморскую сосну (*pinus maritima*) подсачиваютъ, дѣлая въ ней насѣчки, или просверливая дыры, въ которыхъ подставляютъ или подвязываютъ черепки, куда собирается чистая смола, изъ которой приготавливаются самые превосходные скипидаръ и канифоль. Продуктами этими пользуются въ періодъ подсочки, а за тѣмъ срубаютъ дерево и добываютъ изъ него обыкновенную смолу. Это

подтвердилъ г. Данилевскому бывшій въ тѣхъ мѣстахъ купецъ Бѣляевъ, сынъ извѣстнаго лѣсопромышленника, устраивающій теперь лѣсопильный заводъ въ деревнѣ Сорокѣ. По его словамъ, промышленность эта чрезвычайно выгодна, такъ что находятъ даже возможнымъ заводить, съ этою цѣлю, плантаціи приморской сосны. Эти канифоль и скипидаръ добываются уже въ довольно значительныхъ количествахъ, такъ что начинаютъ составлять предметъ заграничнаго отпуска. Нѣчто въ родѣ этого дѣлаютъ, правда, и у насъ соскабливаніемъ такъ называемой сѣры съ подсоченныхъ деревьевъ, но, получаемая этимъ способомъ, сѣра бываетъ смѣшана съ оскребками коры, и потому, при перегонкѣ, не можетъ давать продуктовъ столь превосходнаго качества, какъ чистая самотечная смола.

Венеціанскій скипидаръ составляетъ также новую отрасль лѣсотехническаго производства, которая могла бы, можетъ быть, вестись у насъ въ обширныхъ размѣрахъ, при изобиліи лиственницы. Этотъ скипидаръ, сколько извѣстно, не продуктъ перегонки, а просто сокъ дерева, получаемый надрѣзываніемъ коры. Но неизвѣстно, подвергается ли затѣмъ этотъ сокъ какой-либо обработкѣ, или нѣтъ. Несмотря на легкость добыванія этого довольно дорогаго продукта, у насъ не было, однако-же, дѣлаемо никакихъ попытокъ къ его полученію. Это объясняется тѣмъ, что, до послѣдняго времени, лиственница считалась у насъ какимъ то священнымъ и неприкосновеннымъ деревомъ.

Для введенія въ Архангельской губерніи этихъ двухъ отраслей промышленности, слѣдовало бы удостовѣриться, могутъ ли наша обыкновенная сосна и наша лиственница, которыя составляютъ породу отличную отъ Европейской, доставлять продукты столь же цѣнные, какъ приморская сосна и Швейцарская лиственница, или, по крайней мѣрѣ, близко къ нимъ подходящіе. Затѣмъ, послать за границу способнаго человѣка изучить это дѣло, не только въ техническомъ отношеніи, что не представитъ большаго труда, но и въ экономическомъ, т. е. разузнать количество получаемыхъ продуктовъ, стоимость ихъ, употребленіе, обширность и мѣста сбыта. Въ случаѣ благопріятныхъ отвѣтовъ, для введенія этихъ отраслей промышленности у насъ всего удобнѣе было бы, кажется, предоставить желающему заняться добываніемъ канифоли, обыкновеннаго и Венеціанскаго скипидара—участокъ лѣса, въ которомъ росли бы сосна и лиственница (низкосучная и малорослая), въ

нѣсколько сотъ или даже тысячу десятинъ, съ правомъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ безпошлинно добывать не только означенные продукты въ произвольномъ количествѣ, но и нѣкоторое количество обыкновенной смолы, получаемой изъ тѣхъ деревьевъ, изъ которыхъ уже извлекалась смола для канифоли и скипидара. Этому заводу стали бы, вѣроятно, доставлять крестьяне смолу и изъ другихъ мѣстъ, а по истеченіи льготнаго времени, вѣроятно завелись бы подобныя заводы и въ другихъ мѣстахъ.

2. Отпускъ строеваго лѣса за границу.

Изъ Архангельска и изъ Онеги отпускалось, въ послѣдніе годы, около 325.000 деревъ, въ видѣ досокъ. Но изъ этого количества, собственно на Архангельскую губернію приходится гораздо менѣе половины, никакъ не болѣе 120.000 бревенъ. Какъ незначительно это количество, можно видѣть изъ того, что Петербургскій портъ отпускаетъ около 4-хъ разъ болѣе, тогда какъ область, откуда лѣсъ свозится въ Петербургъ, составляютъ только губерніи Новгородская, бѣольшая часть Олонецкой, и часть Петербургской и Псковской, что составитъ никакъ не болѣе $\frac{1}{5}$ или $\frac{1}{6}$ доли пространства, отпускающаго лѣсъ чрезъ Бѣлое море, состоящаго изъ Архангельской губерніи, большой и самой лѣсистой части Вологодской, и изъ значительной части Олонецкой губерніи, и заключающаго въ себѣ отъ 50 до 60 милліоновъ десятинъ лѣсу. Незначительность этого отпуска открывается еще изъ той малой доли, въ которой Архангельская губернія, или, лучше сказать, весь бассейнъ Бѣлаго и Ледовитаго морей, въ предѣлахъ Европейской Россіи, участвуютъ въ снабженіи иностранныхъ рынковъ лѣсомъ. По свѣдѣніямъ лицъ ведущихъ лѣсную торговлю съ Лондономъ, въ одинъ этотъ городъ ежегодно свозится до 12.000.000 досокъ, Бѣломорскіе-же порты отправляютъ только 780.000 нормальныхъ досокъ, т. е. менѣе $\frac{1}{15}$ доли количества, требуемаго однимъ Лондономъ, гдѣ, однако же, чрезвычайно высоко цѣнятъ доски изъ Архангельской сосны. Слѣдовательно, дѣло тутъ не въ недостаткѣ спроса. Относительно отпуска строеваго лѣса, нѣтъ надобности побѣждать чьего бы то ни было соперничества, его можно увеличивать почти въ произвольныхъ размѣрахъ. Невозможно также опасаться истощенія громадныхъ лѣсныхъ пространствъ, покрывающихъ Архангельскую губернію и сѣверовосточную часть Вологодской.

Если бы размѣръ отпуска опредѣлить соотвѣтственно нормѣ, назначенной въ циркулярѣ Товарища Министра Государственныхъ Имуществъ 1843 года, считая по четыре дерева съ 10-ти десятинъ, и изъ нихъ только $\frac{1}{6}$ сосновыхъ, которыя одни лишь идутъ за границу въ настоящее время, что составило бы по одному сосновому дереву съ 15-ти десятинъ, и принять, при 120-ти лѣтнемъ оборотѣ, только восемь строевыхъ сосновыхъ деревьевъ на десятинѣ, — то, и въ такомъ случаѣ, изъ портовъ Архангельской губерніи можно бы вывозить, безъ малѣйшаго опасенія въ оскудѣніи лѣса, отъ 3.000.000 до 4.000.000 деревьевъ, или отъ 10-ти до 13-ти разъ болѣе нынѣшняго. Но, какъ уже показано выше, не можетъ быть сомнѣнія, что сосновые лѣса составляютъ гораздо болѣе $\frac{1}{6}$ части всѣхъ лѣсныхъ насажденій губерніи. Этотъ расчетъ приводится г. Данилевскимъ съ цѣлію отстранить всякое опасеніе о возможности оскудѣнія Архангельскихъ и Вологодскихъ лѣсовъ отпускомъ изъ нихъ лѣсу за границу.

Какъ по смолокурению, такъ и по отношенію къ отпуску лѣса, 1798 годъ положилъ основаніе неоправдываемымъ дѣйствительною надобностію стѣсненіямъ, которыя стали мало по малу отиѣняться только въ послѣднее время. Въ указѣ 10-го сентября 1798 года сказано: „Видя крайнее уменьшеніе лѣсовъ, нужныхъ для кораблестроенія, отъ небрежнаго смотрѣнія, и отъ разныхъ въ чужеземныя мѣста выпусковъ происшедшее, повелѣваемъ: 1) во всѣхъ казенныхъ дачахъ, нужные, къ кораблей и судовъ строенію, лѣса, какъ-то: дубъ, лиственницу, вязъ, кленъ, ильмъ, ясень, чинаръ, грабъ и букъ, ни подъ какимъ видомъ и ни на какое гражданское строеніе отнюдь вырубки чинить не дозволять; на обывательскія же постройки и другія надобности употреблять ель, ольху, осину и прочіе къ судовому строенію ненужные лѣса; но и то съ крайнимъ разсмотрѣніемъ; 2) изъ всѣхъ портовъ и прибрежныхъ мѣстъ Имперіи нашей, всякаго рода лѣсамъ отпуска въ чужеземныя мѣста пресѣчь, и безъ особеннаго отъ насъ Указа ни единого древа не выпускать, кромѣ положеннаго Указомъ числа досокъ, по пропорціи отпускаемаго желѣза“.

Этотъ указъ и до сего времени служить основаніемъ нашего дѣйствующаго законодательства по заграничной торговлѣ лѣсомъ. Въ 1804 году, при отмѣнѣ стѣснительныхъ правилъ для смолокурения, онъ не былъ отмѣненъ, а указомъ 1810 года еще подтвержденъ. Въ § 23-мъ сказано: „Запрещенную, Высочайшимъ указомъ

1798 года, продажу казеннаго лѣса за границу оставляя во всей силѣ, разрѣшить токмо продавать накопившійся въ огромныхъ количествахъ валежникъ, въ граничащихъ съ Пруссіей лѣсныхъ дачахъ“. Изъ этого послѣдняго разрѣшенія видно, въ какомъ строгомъ смыслѣ принималось запрещеніе вывозить лѣсъ за границу. Это еще положительнѣе оказывается изъ ничтожныхъ отпусковъ лѣса изъ Архангельскаго порта, въ первые годы нынѣшняго столѣтія. Съ 1807 до 1811, въ тѣ именно года, когда Архангельскъ былъ единственнымъ портомъ, изъ котораго могли вывозиться русскіе продукты, лѣснаго отпуска вовсе не производилось. Въ 1811 году отпущено 17.988 досокъ, въ 1812—2.890, въ 1813—27.702, и въ 1814—29.314 досокъ, что приблизительно соответствуетъ 7.495, 1.204, 11.543 и 11.797 деревьямъ. Что такое стѣсненіе въ отпускъ лѣса не имѣло основаніемъ надобности въ лѣсѣ на строеніе какъ казенныхъ, такъ и частныхъ судовъ, доказывается тѣмъ, что изъ дѣлъ, возникшихъ по случаю указа 1804 года о смолокурениі, видно, что для Адмиралтейства употреблялось тогда всего только 20.000 листовничныхъ и сосновыхъ деревьевъ въ годъ (именно: листовничныхъ отъ 10 до 32-дюймовыхъ около—7.000, сосновыхъ мачтовыхъ отъ 21 до 30-дюйм.—280, большемѣрныхъ той же толщины—2.800, строевыхъ отъ 10 до 21-дюйм.—10.000), да на купеческія суда—7.000 сосновыхъ деревьевъ.

Это запрещеніе отпуска лѣса за границу и до сихъ поръ осталось въ нашемъ законодательствѣ, такъ что весь производящійся отпускъ составляетъ какъ бы исключеніе. Въ ст. 669, т. VIII, ч. I, сказано: „отпускъ лѣса изъ казенныхъ дачъ для продажи за границу воспрещается, съ нижеслѣдующими, однако же, изъятіями: 1) пильнымъ заводамъ Олонецкой губерніи разрѣшается отпускать изъ С.-Петербургскаго и Кронштадтскаго портовъ доски, выпиливаемыя на сихъ заводахъ; 2) изъ казенныхъ лѣсовъ Архангельской и Вологодской губерній разрѣшается отпускать 50.000 деревъ ежегодно частнымъ людямъ, для распиловки въ доски и отпуска, изъ Архангельскаго порта, за границу (а какъ изъ сего количества деревъ должно выходить разныхъ размѣровъ досокъ и батенсовъ, по приведеніи оныхъ въ Англійскія численныя доски, толщиною въ 1½ дюйма и длиною въ 12 футовъ, до 38.000 дюжинъ, то симъ и ограничивается ежегодный отпускъ за море досокъ, выпиливаемыхъ въ казенныхъ лѣсахъ): въ послѣдствіи это количество было еще увеличено, спеціально для Вологодской губерніи, „въ предо-

храненіе казенныхъ лѣсныхъ доходовъ Вологодской губерніи отъ упадка, по избыточному въ ней количеству лѣсовъ“, на 25.000 деревьевъ. И это количество, соотвѣтствующее 183.600 нормальнымъ доскамъ, во все время, съ 1840 по 1855 годъ, было только два раза превзойдено, разъ на 23.400, а въ другой на 2.800 досокъ. Весь теперешній, далеко превосходящій эти размѣры, отпускъ основывается единственно на примѣненіи къ нему примѣчанія къ 669-й статьѣ, въ которой сказано, что иногда разрѣшается временно продавать лѣсъ изъ казенныхъ дачъ за границу, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ.

Такой взглядъ на дѣло не могъ, конечно, содѣйствовать развитію отпуска лѣса изъ Архангельской губерніи, и неудивительно, что она такъ слабо участвуетъ въ снабженіи лѣсомъ странъ, въ немъ нуждающихся. Въ настоящее время, конечно, взглядъ этотъ началъ, мало по малу, измѣняться. Было разрѣшено устроить лѣсопильные заводы въ Кеми покойному купцу Кардакову, а затѣмъ и купцу Бѣляеву разрѣшено доставлять отъ 30.000 до 50.000 деревьевъ, по р. Выгу въ Сороку, и распиливать тамъ на доски. По изложеннымъ основаніямъ, со своей стороны могу только заявить, что усиленіе отпуска лѣса изъ Архангельской губерніи составляетъ самое вѣрное и быстрое средство доставить народонаселенію Архангельской губерніи хорошіе заработки, и тѣмъ поднять уровень его благосостоянія въ весьма значительной степени. Всего же важнѣе развитіе лѣсной отпускъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ его до сихъ поръ не было, между тѣмъ какъ естественныя условія его допускаютъ. На первомъ планѣ стоитъ въ этомъ отношеніи Мезень.

Изъ громадныхъ лѣсовъ этого уѣзда, пространство которыхъ превосходитъ всѣ прочіе лѣса Архангельской губерніи, не отпускается теперь и не отпускалось, на памяти людской, лѣса, за исключеніемъ небольшого количества деревьевъ, сплаваемыхъ вверхъ по Кулою и переталкиваемыхъ, по короткому волоку, въ р. Пинегу. Въ послѣднее время было, однако, сдѣлано два предложенія устроить лѣсопильные заводы на устьѣ Мезени, и завести тамъ отпускъ лѣса за границу, въ видѣ досокъ. Одно изъ нихъ было сдѣлано купцомъ Мейеромъ, участвующимъ въ Архангельскомъ заводѣ Фонтейнеса, а другое—компанією Кларка и Моргена, въ рукахъ которыхъ находится лѣсная торговля Онежскаго порта, и которые имѣютъ лѣсопильный заводъ и въ Архангельскѣ.

Устройство лѣсопильныхъ заводовъ на устьѣ Мезени можно

считать истиннымъ благодѣяніемъ для Мезенскаго края, жители котораго почти совершенно лишены заработковъ, а, по сѣверному положенію, почти не могутъ заниматься земледѣліемъ. Единственный промыселъ ихъ есть охота за морскими звѣрями, которая, при всей своей опасности и затруднительности, на долю Мезенцевъ не можетъ доставлять болѣе 50.000 руб., и представляетъ ту невыгоду, что по характеру своему болѣе или менѣе случайна; къ тому же требуетъ еще значительныхъ затратъ на лодки, снасти, пищу во время промысла, такъ что только половина цѣнности добытаго звѣря достается, по правиламъ покрута, бѣднѣйшему классу народа—работникамъ, а половина идетъ относительно болѣе зажиточнымъ—хозяевамъ. Между тѣмъ, вырубка и доставка деревьевъ, равно какъ и самыя работы на заводѣ, не требуютъ отъ работника ничего кромѣ здоровыхъ рукъ да топора, и весь заработокъ идетъ въ пользу самого работника. Сверхъ сего, лѣсной промыселъ—совершенно постоянный, и не зависитъ ни отъ какихъ случайностей. Наконецъ, и сумма денегъ, которую онъ долженъ пустить въ оборотъ между бѣднѣйшими классами населенія, гораздо значительнѣе, составляя никакъ не менѣе 100.000 руб. въ годъ, какъ видно изъ слѣдующаго разсчета: за вырубку и сплавъ лѣсовъ крестьянамъ придется, среднимъ числомъ, съ дерева 60 к.; за выкатку лѣса въ гору, подвозку къ заводу, отвозку распиленныхъ досокъ, опилокъ, горбылей и проч., уборку въ штабели, съ дерева до 15 коп.; за браковку и сортировку досокъ, укладку и уборку, нагрузку въ корабли, укладку на корабляхъ, также съ дерева до 15 к. Наконецъ, за прочія работы, совершаемыя хростыми работниками, какъ-то распиловку въ доски машинными силами, топку печей подъ паровиками (за что на заводѣ г. Фонтейпеса по контракту приходится работнику по 6½ к. съ дерева), карауль, жалованье слесарямъ, кузнецамъ, пилюстамъ, и другимъ, высшаго разряда рабочимъ—никакъ не менѣе 10 к.; слѣдовательно, съ cadaго дерева придется кругомъ по 1 руб. въ пользу крестьянъ работниковъ, или 100.000 руб. на все количество деревьевъ.

Въ этотъ разсчетъ не входитъ то жалованье, которое переплачивается лицамъ, занимающимъ, такъ сказать, высшія должности, при доставкѣ и распиловкѣ лѣса, прикащикамъ, пріемщикамъ, браковщикамъ, которые ванимаются изъ народа-же. Къ этому надо присоединить тѣ выгоды, которыя должны произойти отъ открытія новаго портоваго города. Приходъ иностранныхъ кораблей ожи-

вить глухую мѣстность, породить множество мелкихъ побочныхъ промысловъ и доставить сбытъ многимъ произведеніямъ, теперь или рѣшительно не имѣющимъ цѣны, или очень дешевымъ, какъ-то: маслу, говядинѣ, птицѣ, ящикамъ, свѣжимъ овощамъ и т. п.—которые потребуются на продовольствіе экипажей, во время ихъ стоянки, и на провизію въ обратный путь.

По этимъ соображеніямъ, кажется, что если-бы даже казна сама по себѣ ровно никакихъ выгодъ не извлекла бы изъ отпуска лѣса изъ Мезени, то вышеприведенныя основанія могли бы уже побудить правительство облагодѣтельствовать край бѣдный и пустынный новою отраслью промышленности. Уже одно прекращеніе или, по крайней мѣрѣ, уменьшеніе недоимокъ, да избавленіе отъ расходовъ, которые, такъ или иначе, а придется же дѣлать правительству, въ случаѣ повторенія неурожаевъ, подобныхъ неурожаемъ 1862 и 1867 г., которые, конечно въ Мезенскомъ краѣ не заставятъ себя долго ждать, составили бы для казны немаловажную выгоду.

Весьма желательно было бы также, если бы нашелся ктонибудь, кто взялъ бы на себя веденіе дѣла по распиловкѣ и отправкѣ лѣса изъ Кеми, пріобрѣтя совершенно устроенный уже тамъ заводъ.

Весьма жаль, что изъ всѣхъ деревьевъ, составляющихъ лѣса Архангельской губерніи, дѣйствительное богатство составляетъ только одна сосна, прочія-же хвойныя породы—ель и лиственница, въ экономическомъ отношеніи, все равно что не существуютъ. Причина этого, относительно ели, по крайней мѣрѣ, заключается въ слишкомъ большой на нее пошлинѣ. Лучшимъ доказательствомъ сему служить то, что еловые доски ни изъ Архангельска, ни изъ Онеги не отправляются, хотя опыты и были дѣлаемы. Въ 1864 году было отправлено изъ Архангельска около 12.000 или 15.000 дюжинъ еловыхъ досокъ, но результатъ былъ неблагопріятный, и потому заготовка ели была брошена. Мѣстные торговцы объясняютъ это такъ: за границу цѣнность еловыхъ досокъ 1-го сорта—немногимъ выше цѣнности сосновыхъ досокъ 2-го сорта, доски же 2-го сорта, на которыя, въ настоящее время, цѣна въ Англіи 5 фунтовъ стерлинговъ за нормальную сотню, между тѣмъ какъ за первый сортъ цѣна 8 фунтовъ 10 шиллинговъ, приходились бы въ убытокъ, если бы отправлялись въ большемъ количествѣ, какъ самостоятельный товаръ, отдѣльно отъ досокъ перваго сорта. Но

фрахтъ и всѣ расходы, кромѣ пошлины, на еловый лѣсъ будутъ совершенно тѣ-же, что и на сосновый; слѣдовательно, заготовлять еловыя бревна, распиливать ихъ на доски и отправлять за границу было бы возможно, полагають они, если бы пошлина съ ели была не выше 20 копѣекъ съ дерева. Справедливъ ли этотъ расчетъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ необходимо сбавлять пошлину съ ели до тѣхъ поръ, пока не начнутъ заготовлять и отправлять ее за границу. Въ самомъ дѣлѣ, какая польза, что въ контрактахъ значится на нее высокая такса, когда по ней ничего не покупается, и огромныя количества этого дерева совершенно напрасно растутъ и гибнутъ отъ естественныхъ причинъ, не принося никакой пользы? Всякая самая ничтожная пошлина, или даже отсутствіе всякой пошлины, предпочтительнѣе этого. Если бы ель не давала дохода казнѣ, то по крайней мѣрѣ давала бы заработки народу; теперь же—ни того, ни другаго.

Наконецъ, въ правилахъ, по которымъ производится отпускъ лѣса изъ Архангельскихъ дачъ заграничнымъ отправителямъ, было бы полезно уничтожить нѣкоторыя излишнія стѣсненія.

а) Лѣса раздѣлены на дачи, дачи распредѣлены на три разряда съ различною попенною таксою, смотря по удобствамъ рубки и доставки лѣса. Понятно поэтому, что вырубка лѣсу не въ той дачѣ, гдѣ назначено лѣснымъ начальствомъ, ведетъ за собою судебное преслѣдованіе и штрафъ. Но дачи, въ свою очередь, раздѣлены на урочища, не различающіяся между собою разностью цѣнъ на лѣсъ; и, однако же, вырубка лѣса въ одномъ урочищѣ вмѣсто другаго также точно влечетъ за собою конфискацію нарубленныхъ деревьевъ и двойной противу попенной таксы штрафъ. При этомъ надо обратить вниманіе, что вырубка лѣса не въ тѣхъ урочищахъ, гдѣ указано, не представляетъ никакого интереса самому лѣсопромышленнику, а дѣлается рубщиками въ виду болѣешихъ для нихъ удобствъ, или даже по неясности границъ урочищъ. Слѣдовательно, въ этого рода проступкахъ, со стороны лѣсопромышленника, нѣтъ никакой злой воли; большею частію, ея нѣтъ даже и у лѣсорубовъ. Съ другой стороны, весьма трудно усмотрѣть, въ чемъ именно заключается вредъ для интересовъ казны, или для обезпеченія сохранности лѣсовъ, тутъ такъ строго преслѣдуемый. Единственною цѣлю правительства въ этомъ дѣлѣ можетъ быть только облегченіе контроля надъ количествомъ вырубленнаго лѣса до спуска его въ воду, а также возможность слѣ-

дять за срубленными, но оказавшимися негодными для распиловки, такъ-называемыми фаутовыми деревьями. Кажется, поэтому, что полнѣ было бы достаточно, за вырубку лѣса въ назначенной дачѣ, сверхъ взысканія попенныхъ денегъ по тому разряду, къ которому дача принадлежитъ, брать еще процентовъ 20 штрафа, собственно за произведенный беспорядокъ. Чтò же касается до распредѣленія лѣсныхъ порубокъ по урочищамъ, то такое совершено уничтожить, а вмѣсто сего опредѣлить: 1) чтобы лѣсопромышленники приплачивали извѣстный опредѣленный процентъ за срубленные ими фауты; 2) чтобы мѣста рубки лѣса внутри дачи были совершенно предоставлены выбору самихъ промышленниковъ но чтобы 3) когда рубка уже окончена, въ концѣ зимы или въ началѣ весны, передъ сплавомъ, мѣста, гдѣ сложенъ срубленный лѣсъ, были объявляемы лѣсному начальству, дабы оно имѣло возможность повѣрить его; 4) за скрытіе такихъ мѣстъ должно быть налагаемо строгое наказаніе, какъ за явный и злонамѣренный обманъ.

б) Совершенно излишнимъ представляется также таможенный надзоръ на заводахъ, который долженъ слѣдить за числомъ отправляемыхъ досокъ, и тѣмъ контролировать, не провезено-ли и не распилено-ли на доски деревьевъ, неоплаченныхъ попенными деньгами. Надзоръ этотъ и прежде былъ чисто мнимый, потому что, при разныхъ размѣрахъ досокъ въ длину, ширину и толщину, провѣрить, столько-ли отпущено нормальныхъ дюжинъ, сколько показываетъ заводчикъ, чрезвычайно затруднительно; теперь же, контроль этотъ сдѣлался совершенно невозможнымъ, ибо, при взысканіи попенныхъ денегъ, не обращается болѣе вниманія на толщину деревьевъ, а слѣдовательно, даже точно сосчитавъ число отправляемыхъ нормальныхъ дюжинъ, нельзя судить, какому количеству бревенъ оно соотвѣтствуетъ.

в) Въ правилахъ, ежегодно объявляемыхъ на заготовку лѣса къ Архангельскому порту, и даже въ контрактѣ съ Онежскими лѣсопромышленниками, находится статья, которою запрещается рубить деревья въ полосахъ, окаймляющихъ большія рѣки, какъ, напримѣръ: Двину, Пинегу, Онегу на 5 верстъ, а по меньшимъ—на 2½ версты отъ каждаго берега. Если это дѣлается съ тѣмъ, чтобы сохраненіемъ лѣсовъ вдоль рѣкъ предохранить эти послѣднія отъ обмелѣнія, то въ этомъ отношеніи можетъ имѣть важность сохраненіе лѣса въ вершинахъ рѣкъ, рѣчекъ и притоковъ, а не

вдоль ихъ теченія. Что же касается до этихъ вершинъ, то въ Архангельской губерніи онѣ выходятъ изъ болотъ, лежащихъ въ самой глубинѣ лѣсныхъ трущобъ, и объ обсыханіи ихъ пока еще, слава Богу, заботиться нечего. Другая причина сбереженія лѣса вдоль рѣкъ могла-бы заключаться еще въ томъ, чтобы чрезъ оголеніе береговъ не усиливалась подмывка и осыпка ихъ, когда почва не будетъ болѣе сдерживаться переплетающимися ее корнями. Но для этого нѣтъ никакой надобности, чтобы лѣсъ, растущій вдоль рѣки, былъ бы строевой; надо, напротивъ того, чтобы онъ былъ по возможности густъ, а этому условію всего лучше удовлетворяетъ мелкій дровяной лѣсъ. Поэтому, кажется, что и это стѣсненіе могло бы съ пользою для дѣла быть уничтожено, тѣмъ болѣе, что съ растущаго въ столь близкомъ разстояніи отъ большихъ судоходныхъ или сплавныхъ рѣкъ лѣса можно бы назначить нѣсколько высшую пошлину, которую вѣроятно съ охотой согласились-бы уплачивать промышленники.

г) Было бы весьма полезно, если бы правила и условія на заготовку лѣсовъ тамъ, гдѣ она производится не на основаніи договоренныхъ контрактовъ, не составлялись бы каждый годъ вновь, а утверждались на нѣсколько лѣтъ, хотя, напримѣръ, на три года впередъ. Это дало бы возможность промышленникамъ лучше располагать своими дѣлами, рассчитывая ихъ на болѣе продолжительный срокъ, и не было бы замедленія въ наймѣ рабочихъ, какъ теперь, когда, вслѣдствіе несвоевременности объявленія правилъ нерѣдко упускается время самое благопріятное для найма рабочихъ и заготовленія лѣса.

Изложивъ свои мысли о томъ, какъ должны бы быть устроены тѣ промыслы, которые могутъ доставить крестьянамъ Архангельской губерніи наибольшее количество заработковъ, а слѣдовательно и средствъ для своего пропитанія, г. Данилевскій переходитъ къ тѣмъ мѣрамъ, которыя должны непосредственно усилить производство хлѣба въ тѣхъ частяхъ губерніи, гдѣ хлѣбопашество въ довольно значительныхъ размѣрахъ еще возможно и обѣщаетъ нѣкоторыя выгоды.

3. Подсыжки и расчистки лѣсовъ.

Тою же оберъ-форстмейстерскою инструкціею 1798 года, которою запрещено было подсаживаніе деревьевъ для смолокурения, ограничена и свобода расчистки лѣсовъ. § 31 запрещаетъ „безъ доз-

воленія Волостнаго Правленія очищать лѣсныя угоды на пашни и паствы“. Этимъ, можно, сказать, преждевременнымъ ограниченіемъ свободы расчистки лѣсовъ, была остановлена, или, по крайней мѣрѣ, ослаблена дѣятельность народоселенія, стремившагося къ увеличенію количества пахатныхъ, сѣнокосныхъ и пастбищныхъ мѣстъ насчетъ лѣса,—дѣятельность, которая не только тогда, но даже и теперь должна бы считаться въ высшей степени полезною и благодѣтельною для такого края, какъ Архангельскій, который почти весь занятъ одною сплошною лѣсною пустынею. Лучше всего доказываетъ это слѣдующая таблица, въ которой по-уѣздно показано: количество лѣсовъ разнаго рода, количество обработанныхъ земель, и отношеніе общаго количества всѣхъ земель, состоящихъ подъ разнаго рода культурами, къ лѣсу и къ числу мужскаго народонаселенія.

У ѣ з д ы.	Количество лѣса.		Отношеніе культурныхъ земель въ лѣсу.
	Дес.	Саж.	
Архангельскій	1.529.496	901	1 : 36
Холмогорскій.	1.301.137	1.507	1 : 44
Шенкурскій	2.059.603	2.036	1 : 32
Пинежскій	3.949.113	2.288	1 : 130
Мезенскій	14.908.236	974	1 : 805
Онежскій	2.315.629	59	1 : 86
Кемскій	4.754.683	1.613	1 : 160
	30.817.899	2 178	1 : 133

У ѣ з д ѣ .	Количество пахатной земл.		Сколько прих-одится на душу.	Количество луговъ, сѣно-косовъ и пастбищъ.		Сколько приходится на душу.		Количество земли подъ усадьбами.		Общее количество всѣхъ земель подъ культурою.		Сколько прих-одится на душу культурныхъ земель.	
	Дес.	Саж.	Саж.	Дес.	Саж.	Дес.	Саж.	Дес.	Саж.	Дес.	Саж.	Дес.	Саж.
Архангельскій	10.733	148	1.775	27.179	1.826	1	1.404	1.692	26	39.608	2.000	2	1.747
Холмогорскій,	13.016	2.162	2.256	14.344	2.025	1	87	1.320	278	28.681	2.065	2	171
Шенкурскій	29.527	2.050	2.507	33.086	978	1	397	1.237	1.462	63.851	2.079	2	599
Пинежскій	6.988	728	1.638	21.515	1.261	2	206	489	1.826	28.993	1.395	2	2.923
Мезенскій	4.185	1.356	543	11.623	2.298	—	1.490	449	506	16.259	1.740	—	1.082
Онежскій	7.240	1.462	1.039	18.128	187	1	877	707	438	26.075	2.087	1	2.314
Кемскій	11.075	1.279	1.708	16.444	245	1	123	1.160	84	28.680	1.608	1	2.001
	82.771	1.954	1.732	142322	1.600	1	577	7.055	2.220	232152	974	2	56

Въ губерніи, гдѣ все пространство земель—пахатной, луговой, пастбищной и усадебной—составляетъ только $\frac{1}{133}$ долю лѣсовъ, гдѣ на душу приходится $\frac{2}{3}$ десятины пахатной земли, да и всей, состоящей какъ подъ жилищами, такъ и подъ земледѣліемъ и скотоводствомъ,—по двѣ десятины на душу: все, что отнимается отъ лѣса, должно считаться самымъ существеннымъ и желаннымъ приобрѣтеніемъ для культуры; слѣдовательно, должны быть принимаемы всѣ мѣры, могущія тому способствовать. Лучшее и даже единственное средство побуждать крестьянъ подчищать лѣса и обращать ихъ въ пашни, луга и пастбища, заключается въ отдачѣ имъ подчищенного пространства въ долговременное личное и потомственное пользованіе, что и дѣлалось до послѣдняго времени, когда подчищенные пространства предоставлялись въ 40-лѣтнее пользованіе крестьянъ. Но съ 1865 года эта система была оставлена подъ вліяніемъ двухъ соображеній: 1) что крестьяне должны быть надѣлены 15-ти-десятинною пропорціею земли, которая и должна будетъ поступить въ общинное пользованіе. Слѣдовательно, если расчищенное пространство, отданное въ личное владѣніе на 40 лѣтъ, придется внутри пространства, имѣющаго поступить въ надѣлъ, то должно будетъ произойти столкновеніе права общиннаго землевладѣнія съ правомъ личнаго пользованія; 2) что вся земля, оставшаяся за крестьянскимъ надѣломъ, составляетъ полную государственную собственность, изъ которой крестьяне не должны ожидать прибавокъ къ полученному ими надѣлу.

На сихъ основаніяхъ, подчистки лѣса допускаются теперь лишь на томъ пространствѣ, которое должно оказаться внутри крестьянскаго надѣла, при отмеживаніи онаго, но съ предоставленіемъ права личнаго или семейнаго пользованія, не на 40 лѣтъ, а на неопредѣленный лишь срокъ до этого отмежеванія, послѣ котораго и эти подчищенные участки должны поступить, на одинаковомъ основаніи съ прочими частями надѣла, въ общинное пользованіе. Всякая-же подчистка на пространствѣ, остающемся за надѣломъ, положительно запрещена. При этихъ новыхъ условіяхъ, почти никто не принимается за подчистки, опасаясь напрасно затратить свой трудъ и капиталъ. Со времени возникновенія мысли о 15-ти-десятинномъ надѣлѣ, т. е. съ 1804 года, уже прошло 64 года; а надѣлъ произведенъ только въ части Шенкурскаго уѣзда. Весьма вѣроятно, что и еще пройдетъ болѣе 40 лѣтъ, прежде чѣмъ надѣлятся всѣ Архангельскіе крестьяне землею, такъ что соб-

ственно говоря, какъ опасенія крестьянъ не рѣшающихся начинать подсѣвки, такъ и опасенія администраціи, на дѣлѣ едва-ли осуществятся.

Совершенно такой же теоретически отвлеченный характеръ носить на себѣ и второе основаніе запрещенія подсѣвокъ и подчистокъ. Все дѣйствительно важное и необходимое, по отношенію къ охранѣ принципа государственной собственности, заключается лишь въ томъ, чтобы народъ не возмѣлъ ложной мысли, что лѣсъ составляетъ его собственность, которою онъ можетъ пользоваться по праву, какъ ему угодно. Но такого понятія народъ себѣ и не составляетъ. Чтобы не дать ему возникнуть въ будущемъ, достаточно того, чтобы, для производства подсѣвокъ, каждый желающій долженъ бы былъ испрашивать разрѣшенія лѣснаго начальства, и платилъ бы за это дозволеніе самую ничтожную копѣечную сумму, которая служила бы лишь напоминовеніемъ, что онъ пользуется не своимъ правомъ, а дѣлаемою въ уваженіе его нуждъ льготою.

Что касается до того, что эти мелкіе клочки крестьянскихъ новинъ испестрять казенные лѣса, и произвести чрезполосность, то это неудобство относится только до плановъ, а не до дѣйствительности. Если образуются довольно значительные клочки, на которыхъ будутъ стоять по привольнымъ мѣстамъ, вдоль рѣчекъ, или по берегамъ озеръ, хутора и усадьбы, которыми изрѣдка прорѣшется сплошная громада лѣсовъ, то это будетъ явленіемъ въ высшей степени утѣшительнымъ. Эти мелкіе поселки составятъ зародыши будущихъ болѣе обширныхъ деревень и селъ; а такимъ только образомъ и можетъ проникать культура въ недосытаемую нынѣ чащу лѣсовъ. Народонаселеніе распредѣлялось, въ Архангельской губерніи, въ видѣ весьма слабо развѣтвленнаго дерева, главныя вѣтви котораго соотвѣтствуютъ большимъ рѣкамъ, ея орошающимъ. Только допущеніемъ полной свободы выселковъ можно будетъ достигнуть дальнѣйшаго развѣтвленія этого дерева, по второстепеннымъ и третьестепеннымъ рѣчкамъ, вливающимся въ главныя. Немногіе существующіе теперь такіе выселки, которые г. Данилевскій имѣлъ случай посѣтить, во время поѣздки на Печору, отличались благосостояніемъ, какъ потому, что крестьяне въ нихъ имѣли много скота, штукъ до 15, а нѣкоторые даже до 50 и до 100, такъ и потому, что промыслы лѣсныхъ звѣрей и дичи были у нихъ подъ руками. Суровость климата не позволяла тамъ тратить слишкомъ много труда и времени на земледѣліе; но, если бы

такіе выселки образовались въ болѣе южныхъ уѣздахъ, какъ на примѣръ въ Холмогорскомъ, въ Онежскомъ, то и хлѣбопашество составило бы для нихъ значительную отрасль хозяйства. Культурныя отношенія народа къ странѣ имъ населяемой находятся въ Архангельской губерніи на той же ступени, на которой во внутреннихъ частяхъ Россіи оно стояло за нѣсколько сотъ, и даже за тысячу лѣтъ тому назадъ. Примѣненіе къ нимъ порядковъ XIX вѣка не можетъ привести ни къ какимъ полезнымъ результатамъ, и только задержать естественный ходъ развитія. Поэтому, г. Данилевскій полагаетъ;

1. Пока, совершенно отложить мысль о надѣлѣ крестьянъ опредѣленною пропорціею земли, такъ какъ этимъ приковалось бы населеніе къ нынѣ занимаемымъ имъ мѣстамъ, а все остальное пространство губерніи на вѣкъ осудилось бы оставаться лѣсною пустынею. Эта мысль долго служила, и до сего времени еще служить препятствіемъ къ развитію смолокуренія; неужели должна она служить препятствіемъ и къ развитію земледѣлія и культуры вообще? Понятно, что точное опредѣленіе границъ владѣній различнаго рода собственниковъ есть существенное условіе благоустроеннаго хозяйства тамъ, гдѣ должны возникать столкновенія отъ стремленія каждаго расширяться на счетъ своего сосѣда. Но какая надобность въ этомъ размежеваніи тамъ, гдѣ мелкіе крестьянскіе участки, такъ сказать, исчезаютъ въ цѣломъ морѣ собственности государства, которое не можетъ извлекать изъ нея никакой другой выгоды, какъ позволяя тѣмъ же крестьянамъ ею пользоваться, въ томъ или другомъ видѣ? Никакихъ столкновеній ни крестьянъ съ казною, ни крестьянъ между собою тутъ произойти не можетъ, и само размежеваніе является тутъ совершенною роскошью.

2. Дозволить крестьянамъ, на правѣ сорокалѣтняго пользованія, расчищать участки лѣса тамъ, гдѣ они пожелаютъ, по отводу лѣснаго начальства, если только эти мѣста не составляютъ дачъ строеваго лѣса и запущенныхъ подъ него, а также мѣстъ, гдѣ производится смолокуреніе, если подсоченный въ нихъ лѣсъ еще не срубленъ.

3. Если избранныя для подчистки участки составляютъ удобныя мѣста для новыхъ поселеній земледѣльческихъ или скотоводныхъ, то позволять крестьянамъ селиться по онимъ, оказывая имъ тѣ же содѣйствія, которыя назначены для переселенцевъ вообще, только

въ меньшихъ размѣрахъ: дозволеніемъ беспошлинно рубить лѣсъ на постройки, освобожденіемъ на нѣкоторое время отъ податей, и т. п. Такимъ образомъ, будутъ переселяться люди зажиточные или предприимчивые; но и оставшіеся на прежнихъ мѣстахъ почувствуютъ, при общемъ малоземельѣ, значительное улучшеніе своего быта; ибо ихъ пашни и сѣнокосы увеличатся участками переселенцевъ. Этимъ, кажется, можетъ быть удержано народонаселеніе Архангельской губерніи отъ переселенія въ другія мѣстности Россіи, послѣ 1870 года, ибо переселеніе направится, такимъ образомъ, внутрь самой же губерніи.

4. При дозволеніи дѣлать расчистки, не должно брать никакой пошлины съ срубаемаго и сжигаемаго лѣса. Въ самомъ дѣлѣ, лѣсъ этотъ надо разсматривать какъ препятствіе, которое предстоитъ побѣдить немалымъ трудомъ, а не какъ матеріаль промышленнаго производства, доставляющій выгоды. Если сожженный лѣсъ и служить удобреніемъ почвы, то это лишь отчасти вознаграждаетъ за понесенные, при расчисткѣ, труды. Въ этомъ очень легко убѣдиться, сообразивъ, что если бы находилась не занятая лѣсомъ десятина земли, то никто не сталъ бы для удобренія ея рубить лѣсъ съ сосѣдней десятины и возить на нее; ибо, гораздо менѣе труда и издержекъ стоило бы удобрить ее иными способами, какъ напримѣръ, торфомъ, употребляемымъ для этой цѣли въ Шенкурскомъ и Холмогорскомъ уѣздахъ. Слѣдовательно, удобреніе золою и углемъ срубленнаго лѣса есть какъ бы вынужденное необходимою избавиться отъ срубленныхъ деревьевъ, и хотя отчасти вознаградиться за трудъ расчистки.

Но, какимъ бы успѣхомъ ни увѣнчались предложенныя доселѣ мѣры, конечно невозможно надѣяться, ни того, чтобы Архангельская губернія стала производить столько хлѣба, чтобы могла имъ прокормиться, ни даже того, чтобы рядъ неурожаевъ не потрясъ снова ея благосостоянія, если цѣны на хлѣбъ въ эти неблагоприятныя годы будутъ также высоко держаться, какъ нынѣ. Единственное средство предупредить это бѣдствіе, которое возвышаетъ обыкновенные расходы крестьянина втрое и даже болѣе, и тѣмъ уничтожаетъ всѣ его хозяйственные расчеты, заключается въ соединеніи Архангельской губерніи хорошими путями сообщенія съ хлѣбородными мѣстностями.

4. *Проведеніе новыхъ путей сообщенія.*

Какъ ни важно для Архангельской губерніи проведеніе такого желѣзнаго пути, который обезпечилъ бы ей подвозъ дешеваго хлѣба, даже въ случаѣ самаго сильнаго мѣстнаго неурожая, желѣзныя дороги составляютъ, однако, столь дорогія сооруженія, что трудно, кажется, было бы рѣшиться на постройку сѣверной дороги, если бы, кромѣ своей особой цѣли, она не требовалась въ то же время и общими экономическими интересами государства. Слѣдовательно, вопросъ сводится къ тому, существуетъ ли такое направленіе для предполагаемой желѣзной дороги, которое удовлетворяло бы обоимъ вышеприведеннымъ условіямъ. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, г. Данилевскій обращаетъ сначала вниманіе на общую его сторону, и предварительно считаетъ полезнымъ высказать нѣсколько простыхъ и очевидныхъ началъ, примѣненіе которыхъ къ данному случаю, какъ онъ надѣется, прямо укажетъ на направленіе, которое должно избрать.

1. Направленіе желѣзной дороги должно быть такъ соображено съ физическими и экономическими условіями страны, чтобы никакая послѣдующая дорога, въ какомъ бы направленіи она ни была проведена, не могла бы уже лишить ее значенія въ будущемъ. Такое направленіе можно назвать естественнымъ. Если направленіе не такъ выбрано, то или должны пропасть трудъ и издержки, на дорогу употребленные, или же опасеніе этой потери будетъ служить препятствіемъ къ проведенію новаго пути, болѣе соответствующаго истиннымъ потребностямъ страны. При проведеніи сѣверной желѣзной дороги слѣдуетъ избѣгать неестественнаго направленія; причемъ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, другая, удачнѣе выбранная, линія убила бы ее.

2. Желѣзныя дороги должны доставлять сообщеніе дешевое, и потому длина ихъ имѣетъ свои границы, опредѣляемыя степенью населенности, обработанности и промышленности страны, по которой онѣ проходятъ. Въ странѣ населенной, обработанной и промышленной, дорога служитъ соединеніемъ не двухъ только крайнихъ пунктовъ, между которыми проведена, но и всѣхъ мѣстъ вдоль и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея лежащихъ. Поэтому, среднее разстояніе, на которое провозится по ней каждый пудъ товара, будетъ всегда въ нѣсколько разъ меньше всей ея длины,

и потому, можно разсматривать ее какъ-бы состоящую изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ участковъ, равняющихся длиною среднему разстоянію, проходимому каждымъ пудомъ товара, участковъ, изъ которыхъ, слѣдовательно, каждый самъ себя можетъ окупать, и дорога, поэтому, можетъ быть произвольной длины. Не то въ странѣ малонаселенной. Если бы желѣзная дорога соединяла два пункта, раздѣленные между собою пустыней; то очевидно, что весь провозимый по ней товаръ проходилъ бы ее во всю длину. Слѣдовательно, чѣмъ страна менѣе населена и обработана, тѣмъ проводимая чрезъ нее дорога будетъ болѣе подходить, по своему характеру, къ этому крайнему случаю. Длина такой дороги обуславливается цѣнностію товаровъ, имѣющихъ по ней вестись. Если товаръ дешевъ, то, при извѣстной длинѣ дороги, онъ уже не выдержитъ издержекъ провоза, и дорога не только не будетъ окупаться, но товаръ, для перевозки котораго она преимущественно построена, вовсе по ней не будетъ возиться. Примѣромъ можетъ служить хлѣбъ. Едва-ли онъ можетъ выдержать провозъ въ 2.000 верстъ сплошь по желѣзной дорогѣ, ибо провозная плата по нашему тарифу составила бы около 5 руб. съ четверти. Поэтому, невозможно, напримѣръ, провозить такимъ путемъ сибирскій хлѣбъ къ портамъ Чернаго, Балтійскаго, или даже Бѣлаго морей. Въ такихъ случаяхъ, надо обращаться къ болѣе дешевымъ средствамъ сообщенія, т. е. къ рѣкамъ и озерамъ, между которыми желѣзныя дороги должны являться лишь въ качествѣ соединительныхъ путей, ибо, въ большинствѣ случаевъ, онѣ имѣютъ преимущество передъ каналами, которые и не вездѣ возможны, и чрезвычайно удлинняютъ путь, проводясь болѣею частію между верховьями рѣкъ, которыя, къ тому же, всегда мелководны.

3. Всѣ считаютъ самымъ выгоднымъ такое расположеніе рѣкъ въ странѣ, при которомъ всѣ части ея имѣютъ въ нихъ удобное средство для доставленія своихъ произведеній къ ближайшимъ портамъ. При этомъ, жизненные соки, такъ сказать, равномерно распредѣляются во всѣ части государственнаго организма. Очевидно, что выгодное распредѣленіе желѣзныхъ дорогъ должно носить тотъ же характеръ, и онѣ должны исправлять недостатки въ направленіяхъ рѣкъ. Въ Россіи, и водяная сѣтъ, и сѣтъ желѣзныхъ дорогъ, на сколько она успѣла выясниться, говоря вообще, хорошо удовлетворяютъ этимъ требованіямъ. Середина Россіи, и водяными, и желѣзными путями, имѣетъ сбытъ къ Петербургу;

сѣверо-западная — къ Ригѣ, и вѣроятно въ непродолжительномъ времени будетъ имѣть его къ Либавѣ; юго-западная—къ Ростову, Таганрогу или вообще къ Азовскому морю. Но востокъ и сѣверо-востокъ пока не имѣютъ своего пункта сбыта, и направляютъ свои произведенія къ Петербургу, болѣе или менѣе окольными путями.

Бросимъ теперь взглядъ на карту Европейской Россіи, имѣя въ виду только-что изложенныя общія основанія. Три залива врѣзываются въ огромную материковую массу Россіи: Финскій, Двинскій и Таганрогскій. Изъ нихъ, Двинскій болѣе другихъ подходитъ къ самой континентальной, наиболѣе удаленной отъ морей, части Европейской Россіи, т. е. къ среднему Уралу и къ сосѣднимъ съ нимъ губерніямъ: Пермской, Вятской и сѣверной части Уфимской, составляющимъ бассейнъ Камы. Эта бѣлая близость Камскаго бассейна къ Двинскому заливу усиливается уже тѣмъ, что, какъ водные пути, такъ и желѣзныя дороги, уже существующія или предполагаемыя, ведущія къ Финскому заливу, весьма значительно удаляются отъ прямолинейнаго направленія, загибаясь къ сѣверу или къ югу, тогда какъ естественные водные пути ведущіе къ Двинскому заливу, именно рѣки Вятка и Двина, лежатъ въ прямолинейномъ направленіи отъ устья рѣки Вятки къ Архангельску. Въ томъ же направленіи лежитъ и та линія желѣзной дороги, которою эти рѣки могутъ быть соединены, между городомъ Орловымъ или Котельничимъ на Вяткѣ, и устьемъ Вытегры на Двинѣ.

Устье рѣки Вятки составляетъ общую исходную точку всѣхъ путей, по которымъ Камскіе грузы могутъ идти, какъ къ Петербургу, такъ и къ Архангельску. Считая провозную плату съ пуда за 100 верстъ по желѣзнымъ дорогамъ въ 2½ коп., по рѣкамъ буксирными пароходами вверхъ по теченію, высшую—въ 1¼ к., а низшую—въ 1 к.; внизъ же по теченію: высшую— въ ¾ коп., а низшую—въ ½ коп., получимъ слѣдующія разстоянія и слѣдующія пѣны, за провозъ пуда товаровъ отъ устья рѣки Вятки:

І. Къ Петербургу

1) чрезъ Нижегородскую и Николаевскую желѣзныя дороги—

	Вер.	Р. К.	Р. К.
Камою	200	1 50	1 33
Волгою до Нижняго . . .	460	5 75	4 60
Желѣзною дорогою . . .	1.014	25 35	25 35
Итого	1.674	32 60	31 28

2) чрезъ Рыбинско-Осѣченскую желѣзную дорогу—

	Вер.	Р.	К.	Р.	К.
Камою	200	1	50	1	33
Волгою до Рыбинска . . .	920	11	50	9	20
Желѣзною дорогою . . .	610	15	25	15	25
Итого	1.730	28	25	25	78

3) по Маріинской системѣ

вверхъ по теченію Волгою,

	Вер.	Р.	К.	Р.	К.
Шексною и другими рѣками до шлюзовъ	1.397	17	46	13	97
пошлюзованною частью системы	103	1	29	1	03
внизъ по теченію Камы, Вытегры, Невы и каналами . .	675	5	06	4	05
Итого	2.175	23	81	19	05

II. Къ Архангельску:

Рѣкою Вяткою до Орлова .	450	5	62	4	50
Желѣзною дорогою	325	8	13	8	13
Рѣкою Двиною	585	4	39	3	90
Итого	1.360	18	14	16	53

слѣдовательно, путь отъ устья Вятки къ Архангельску былъ бы короче и дешевле путей къ Петербургу:

	Вер.	Р.	К.	Р.	К.
По Нижегородско-Николаевской дорогѣ на	314	на 14	46	на 14	75
По Рыбинско-Осѣченской на .	370	„ 10	11	„ 9	55
По Маріинской системѣ на .	816	„ 5	67	„ 2	97

Итакъ, путь на Архангельскъ былъ бы, для всѣхъ Камскихъ грузовъ, по крайней мѣрѣ на 3 к. съ пуда дешевле самаго дешеваго провоза въ Петербургъ по Маріинской системѣ. Но этотъ расчетъ еще не вѣренъ, потому что, при исчисленіи расходовъ провоза по Маріинской системѣ, не приняты въ расчетъ издержки при проходѣ чрезъ шлюзованную часть ея, которыя нельзя положить менѣе чѣмъ въ 2½ коп., такъ что Архангельскій путь былъ бы дешевле даже Маріинскаго никакъ не менѣе чѣмъ на 5½ коп. Если обратить вниманіе на скорость доставки, то и въ этомъ отношеніи преимущества Архангельскаго пути будутъ огромны. Счи-

тая 300 верстъ въ сутки среднею скоростью доставки товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ, 150 верстъ—буксирными пароходами, внизъ по теченію, и 100 верстъ—вверхъ по теченію, товаръ съ устья Вятки могъ бы быть доставленъ (не принимая въ расчетъ перегрузокъ, переваловъ и ожиданій очереди на желѣзныхъ дорогахъ и у шлюзовъ): по Нижегородско-Московскому пути $9\frac{1}{4}$ сутокъ, по Рыбинско-Осѣченскому—въ $12\frac{1}{2}$ сутокъ, по Маріинскому—въ $19\frac{1}{2}$ сутокъ (если бы вездѣ было возможно тянуть баржи пароходомъ), по Вятско-Двинскому-же пути въ Архангельскъ—въ $9\frac{1}{2}$ сутокъ. Слѣдовательно, по скорости доставки, только одинъ Нижегородско-Московский путь имѣлъ бы на четверть сутокъ преимущество предъ Вятско-Двинскимъ. Рыбинско-Осѣченскій уступалъ бы ему на трое, а Маріинскій—на десять сутокъ. Въ дѣйствительности-же, этотъ послѣдній путь гораздо медленнѣе, ибо, даже при содѣйствіи буксирныхъ пароходовъ вездѣ, гдѣ только это возможно, путь этотъ отъ Рыбинска не можетъ быть совершенъ скорѣе 25-ти дней да до Рыбинска онъ потребуетъ не менѣе девяти дней.

Единственная невыгода, которой должны подвергнуться товары, имѣющіе идти за границу чрезъ Архангельскій портъ, заключается въ томъ, что фрахты изъ Архангельска вѣсколько дороже, чѣмъ изъ С.-Петербурга. Именно, по фрахтамъ нынѣшняго года, и при курсѣ 1 р. = 33 пенсамъ, эту разность можно принять: для хлѣбовъ—въ $6\frac{1}{8}$ к. съ пуда, а для льна, пакли и т. п. товаровъ—въ $4\frac{1}{4}$ к. въ пользу Петербурга. Принявъ въ расчетъ этотъ болѣе дорогой фрахтъ, найдемъ, что отправка за границу, чрезъ Архангельскъ, хлѣба изъ Камскаго бассейна все-таки будетъ выгоднѣе на $8\frac{1}{2}$ к. съ пуда, чѣмъ по Нижегородско-Московскому пути; на 3 коп.—чѣмъ по Рыбинско-Осѣченскому; и только на 1 к. обойдется дороже самой дешевой доставки по Маріинской системѣ, что съ избыткомъ вознаграждается своевременностью и быстротою доставки. Но, если фрахтъ изъ Архангельска въ Англію, въ настоящее время, отъ 4 до 6 к. дороже, чѣмъ изъ Петербурга, то отчасти это зависитъ отъ того, что въ Архангельскъ корабли приходятъ исключительно съ балластомъ; съ проведеніемъ же Вятско-Двинской желѣзной дороги откроется и для заграничныхъ товаровъ болѣе прямой и дешевый путь въ Прикамскій край и въ Сибирь черезъ Архангельскъ, что необходимо должно удешевить изъ него фрахты.

Такимъ образомъ, благодаря счастливому направленію рѣкъ Вятки и Двины, Вятско-Двинская желѣзная дорога представляетъ наивы-

годнѣйшія условія для доставки за границу произведеній всего Камскаго бассейна съ населеніемъ въ 5.000.000 душъ, и поэтому должна оказать значительное вліяніе на усиленіе производительности этого обширнаго края. Кромѣ сего, эта дорога сократитъ и для всѣхъ произведеній Сибири путь къ морю, по крайней мѣрѣ, на 300 верстъ. Но Вятско-Двинская дорога не только превосходитъ всѣ прочіе, нынѣ существующіе пути, для доставки къ морю произведеній съ Камы, а невозможно даже придумать другаго, который могъ бы сравниться съ нимъ дешевизной и въ сколько-нибудь значительной мѣрѣ превзойти его скоростью. Если бы даже построилась желѣзная дорога, непосредственно ведущая изъ Перми, чрезъ Вятку, на Рыбинскъ, къ Петербургу, то она не могла бы имѣть менѣе 1.650 или 1.700 верстъ длины, слѣдовательно провозъ по ней обходился бы слишкомъ 40 коп. съ пуда, т. е. слишкомъ вдвое противъ цѣны провоза по Вятско-Двинскому пути, и могъ бы производиться только четырьмя днями скорѣе его, чтò для товаровъ, въ большинствѣ случаевъ, не имѣетъ никакого значенія. Напротивъ того, всякая дорога, которая была бы проведена отъ Перми къ Вяткѣ, или изъ Сибири въ Пермь, только усилила бы значеніе Вятско-Двинской желѣзной дороги и, въ свою очередь, усиливалась бы ею въ своемъ значеніи. Даже, если бы исходною точкою Сибирско-Камской дороги былъ бы принятъ Сарапулъ, то все же дальнѣйшій путь для доставленныхъ ею товаровъ лежалъ бы на Архангельскъ по Вятско-Двинской дорогѣ. Слѣдовательно, грузы изъ Камскаго бассейна навсегда обезпечены этой дорогѣ, да и сами сибирскіе грузы, направляющіеся къ морю, могли бы быть у нея отняты только соединеніемъ желѣзною дорогою Оби съ Печорою, чтò, конечно, не представитъ затрудненій, ибо, волокъ между рекою Сосною, притокомъ Оби, и Печорою, близъ границъ Архангельской и Вологодской губерній, составляетъ всего 160 верстъ, и пролегаетъ по мѣстности почти совершенно ровной, какъ показала нивелировка, произведенная г. Васильевымъ на Печорѣ, и южною оконечностію горы Сабли, отрога Урала. Но и эта дорога, которая со временемъ непременно должна осуществиться, немного повредитъ значенію Вятско-Двинской дороги, такъ какъ она имѣетъ свою самостоятельную и обширную область сбыта, и рассчитываетъ главнѣйше не на сибирскіе, а собственно на камскіе грузы. И такъ, въ послѣднемъ результатѣ, всякое соединеніе Оби съ Камою, какіе бы ни были избраны для этого пункты, послужитъ въ пользу Вят-

ско-Двинской дороги. Соединеніе Перми съ Вяткою послужить ей еще въ ббльшей степени. Съ другой стороны, эти сибирско-камскія дороги могутъ достигнуть своего полнаго значенія только при существованіи Вятско-Двинской; ибо, при значительной длинѣ, сокращеніе дальнѣйшаго пути къ морю, по крайней мѣрѣ, на 300 верстъ, будетъ для нихъ очень важно. Напротивъ того, всякая дорога, проложенная прямо къ Петербургу, будетъ-ли то отъ города Вятки на Рыбинскъ, или вообще изъ какой бы то ни было мѣстности Камскаго бассейна, убыется Вятско-Двинскою дорогою, какъ путь неестественный и дорогій, путемъ естественнымъ и дешевымъ.

Если обратить, теперь, вниманіе на специальное значеніе сѣверной желѣзной дороги—обеспечить продовольствіе сѣвера Европейской Россіи и развитъ его благосостояніе, то не трудно убѣдиться, что Вятско-Двинская дорога, и только она одна, можетъ это исполнить. Въ самомъ дѣлѣ, дорога изъ Перми на Вятку въ Рыбинскъ, Ярославль, или Кострому, для крайняго сѣвера, т. е. для губерній Архангельской и сѣверо-восточныхъ уѣздовъ Вологодской, не только никакого значенія имѣть не можетъ, ибо ихъ и не коснется, но еще ухудшить ихъ положеніе, отвлекая въ другую сторону хлѣбъ изъ Вятки, идущій нынѣ въ Архангельскъ сухимъ путемъ, рѣками: Лузою, Югомъ и Двиною. Дорога изъ Ярославля въ Архангельскъ доставляла бы къ этому порту, тысячеверстнымъ желѣзнымъ путемъ, тотъ камскій и средне-волжскій хлѣбъ, который уже прошелъ болѣе половины пути по направленію къ Петербургу, и вмѣсто 18 коп. провоза, еслибы пошелъ къ Архангельску по Вятско-Двинскому пути, обойдется по 36 коп. за пудъ, т. е. какъ разъ вдвое.

Наконецъ, для обезпеченія продовольствія Архангельской губерніи, предлагаютъ еще каналъ, который долженъ соединить Онежское озеро съ Онежскимъ заливомъ. Путь этотъ пролегаетъ по мелкимъ озерамъ и порожистымъ рѣкамъ и перерывается волоками, которые нужно бы было перекопать каналами, самыя-же рѣчки сдѣлать судоходными, посредствомъ нѣсколькихъ системъ шлюзовъ. Въ настоящее время проѣзжаютъ на карбасахъ отъ селенія Сороки и отъ Сумскаго посада до города Повѣнца слѣдующими путями:

1) Отъ селенія Сороки рѣкою Выгомъ до деревни Вонцы, на протяженіи 70 верстъ. Устья Выга, хотя и усѣяны порогами, но по нимъ можно подниматься и спускаться въ карбасахъ; пороги-

же Маткожня, въ 8 верстахъ выше Выгъ-Острова, и Шаванъ, въ 7 верстахъ выше деревни Парандова, изъ которыхъ первый простирается на полторы, а второй на три версты въ длину, совершенно недоступны для плаванія, и ихъ обходятъ волокомъ. У деревни Вонцы также большой порогъ въ версту длиной, который обходятъ волокомъ. Выгъ-Озеро, дающее начало рѣкѣ Выгу, имѣетъ въ длину 80 верстъ и на всемъ пространствѣ удобно для плаванія въ карбасахъ. Изъ Выгъ-Озера ѣдутъ рѣкою Теликиной 40 верстъ до села Теликина, откуда идетъ волокъ на 2 версты до озера Масельскаго длиной въ 10 верстъ, которымъ ѣдутъ въ лодкахъ до деревни Масельки. Отъ этой послѣдней переѣзжаютъ волокомъ на протяженіи 5 верстъ значительную возвышенность, лежащую между озеромъ Масельскимъ и Узкими озерами. Узкими озерами ѣдутъ до деревни Вошь-Озеро, на пространствѣ 19 верстъ; отсюда же берегомъ до города Повѣнца 9 верстъ, по совершенно ровному мѣсту. Итакъ, весь путь отъ села Сороки до города Повѣнца составляетъ около 235 верстъ, изъ коихъ 22 версты проходятъ волокомъ.

2) Отъ Сумскаго посада дорога идетъ рѣкою Сумою на 10 верстъ, озеромъ Пустовскимъ—5 верстъ, опять рѣкою Сумою до деревни Лапиной—5 верстъ. Отъ нея до деревни Сумъ-Острова 10 верстъ волокомъ; откуда ѣдутъ Сумъ-Озеромъ на протяженіи 5 верстъ до села Воренжи. Отъ села Воренжи водяной путь пролегаетъ системою мелкихъ озеръ, соединенныхъ частію между собою протоками, а именно: 1) Паль-Озеромъ полверсты, 2) Мардъ-Озеромъ—1 верста, 3) Кедръ-Озеромъ, 4) Мостовою-Ламбиною, 5) Тала-Ламбиною, 6) Каткъ-Озеромъ, 7) Тетръ-Озеромъ, 8) Собачьей Ламбиною, 9) Ша-Озеромъ, 10) Малгъ-Озеромъ, 11) Матко-Озеромъ, и 12) Корось-Озеромъ, самымъ большимъ во всей системѣ—7 верстъ. Эти озера, особенно носящія названія Ламбинъ, очень малы, и путь по нимъ, частію водою, частію же волокомъ по раздѣляющимъ ихъ перешейкамъ, составляетъ 37 верстъ до деревни Корось-Горы, лежащей на берегу Корось-Озера. Отъ этой деревни 25 верстъ волока до Выгъ-Озера и 5 верстъ озеромъ до села Выгъ-Озера и 60 верстъ озеромъ же до р. Телекиной. Наконецъ—40 верстъ рѣкою до села Телекина, гдѣ этотъ путь соединяется съ идущимъ отъ села Сороки. Такимъ образомъ, отъ Сумскаго посада до города Повѣнца 247 верстъ: 190 верстъ — водянымъ путемъ, и 57 верстъ—волокомъ. Не говоря о техническихъ

трудностяхъ, которыя надо-бы было побороть, дабы сдѣлать одинъ изъ этихъ путей годнымъ для сплава судовъ большихъ размѣровъ, нежели карбасы, достаточно замѣтить, что и по устраненіи этихъ трудностей, большими усиліями и значительными издержками, судамъ все-таки предстояла бы четверократная перегрузка: разъ на морскіе суда для плаванія по Онежскому озеру, отъ устья Вытегры къ Повѣнцу; въ другой разъ — на плоскодонныя барки, для прохода по каналамъ и мелководнымъ порожистымъ рѣчкамъ; въ третій разъ — опять на морскія суда, для доставки изъ Поморья въ Архангельскъ, и наконецъ, въ четвертый разъ — на рѣчныя суда, для развозки по Двинѣ и Пинегѣ нуждающемуся населенію. Всѣ эти издержки и затрудненія вели бы только къ тому, чтобы доставлять къ Бѣлому морю хлѣбъ, который у Вытегры уже совершилъ болѣе $\frac{3}{4}$ своего пути къ Петербургу, т. е. уже сдѣлалъ такой крюкъ, который длиною своею значительно превосходитъ прямой путь отъ Камы къ Архангельску. Можно смѣло ручаться, что если бы эти каналы были прорыты, то все-таки по нимъ пойдеть очень мало хлѣба въ Архангельскую губернію, даже и въ томъ случаѣ, если Вятско-Двинская дорога не будетъ построена, ибо Вятскій хлѣбъ обойдется дешевле въ Архангельскѣ, если везти его такъ, какъ онъ теперь везется сухимъ путемъ, Лузою, Югомъ и Двиною, чѣмъ хлѣбъ, доставленный Онежскими каналами. Въ январѣ текущаго года, по свѣдѣніямъ, имѣющимся у Архангельскихъ купцовъ, рожь въ Орловѣ стояла 50 коп. пудъ, въ Рыбинскѣ же — 78 коп. Провозъ изъ Орлова до Архангельска обойдется копѣекъ въ 25. Слѣдовательно, купцу, закупившему хлѣбъ въ Орловѣ, онъ можетъ обойтись къ началу навигаціи 1869 года копѣекъ въ 75 пудъ, или не дороже, чѣмъ онъ теперь въ Рыбинскѣ; доставка же изъ Рыбинска до Онежскаго-Озера обойдется не дешевле 9 коп. съ пуда; Онежскимъ-Озеромъ и предполагаемыми каналами, съ перегрузками до Онежскаго залива, — уже никакъ не менѣе 6 или 7 коп., да моремъ до Архангельска — отъ 4 до 5 коп., т. е. провозъ составитъ не менѣе 20 коп. Наконецъ, не надо упускать изъ виду, что, тогда какъ несравненно полезнѣйшая Вятско-Двинская желѣзная дорога можетъ быть сооружена на акціонерные капиталы, съ чисто номинальною гарантіею правительства, — не въ примѣръ менѣе полезныя гидротехническія работы по соединенію Онежскаго озера съ Онежскимъ заливомъ надо бы было предпринимать на казенный счетъ, безъ всякой надежды на

возвращеніе употребленнаго капитала въ нѣсколько милліоновъ рублей.

Имѣя въ виду выгоды, представляемыя Вятско-Двинскимъ путемъ, нельзя имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что дорога эта будетъ имѣть достаточное количество грузовъ для перевозки; но, чтобы нѣсколько опредѣлить то количество, на которое она смѣло можетъ разсчитывать въ первое время своего существованія, посмотримъ на данныя, которыя представляетъ торговля Архангельскаго порта въ настоящее время. Изъ главныхъ товаровъ, отпускаемыхъ Архангельскомъ, идутъ изъ Вятской губерніи: вся пшеница, почти вся ржаная мука и овсяная крупа (за исключеніемъ развѣ $\frac{1}{10}$ части), $\frac{4}{5}$ ржи, $\frac{3}{4}$ льна, льняной пакли и рогожъ. Принимая въ основаніе разсчета эти данныя, мы найдемъ, что въ 1868 году было доставлено изъ Вятской губерніи Архангельску около 4.175.000 пудовъ означенныхъ товаровъ. Но, въ послѣднее время замѣчается, что, не считая мѣстныхъ Архангельскихъ произведеній, отпускъ изъ Архангельскаго порта возрастаетъ, или, по крайней мѣрѣ, не ослабѣваетъ, только для цѣнныхъ товаровъ, каковы ленъ и льняная пакля; отпускъ же болѣе дешевыхъ и тяжелыхъ товаровъ, каковы зерновые хлѣба, въ особенности же рожь и пшеница, уменьшается, что, безъ сомнѣнія, должно приписать тому, что доставка чрезвычайно возвышаетъ ихъ цѣну. Поэтому, мы вправѣ заключить, что, послѣ устройства желѣзной дороги, количество этихъ товаровъ, которое направляется къ Архангельску, по крайней мѣрѣ сравняется съ тѣмъ, которое шло туда въ лучшіе годы хлѣбнаго отпуска. Въ эти же годы доставлялось изъ Вятской губерніи для заграничнаго отпуска товаровъ:

Въ 1857 году слишкомъ 6.000.000 пуд.

„ 1856	„	„	5.800.000	„
„ 1852	„	около . .	5.550.000	„
„ 1847	„	до . . .	6.550.000	„

Къ этимъ количествамъ товаровъ можно смѣло прибавить до 500.000 пудовъ разнаго рода зерна, муки и крупы, идущихъ для внутренняго потребленія Архангельской губерніи, такъ что въ эти годы привозъ изъ Вятской губерніи составлялъ среднимъ числомъ около 6.500.000 пудовъ въ годъ. Если же обратиться къ еще болѣе давнему времени, именно къ 20-мъ и 30-мъ годамъ нынѣшняго столѣтія, то увидимъ, что изъ Архангельска отправлялось въ

то время болѣе нынѣшняго: около 100.000 четвертей или 1.000.000 пудовъ пшеницы, около 150.000 пудовъ сала, около 50.000 пудовъ пеньки, до 600.00 пудовъ жслѣза, и до 25.000 пудовъ поташа, — товаровъ, которые теперь, вмѣсто Архангельска, обратились къ Петербургу, потому что улучшение ведущихъ къ Петербургу водяныхъ и сухопутныхъ средствъ сообщенія удешевило провозъ въ этомъ направленіи, въ ущербъ Архангельску. Поэтому, можно смѣло рассчитывать, что съ возвращеніемъ Архангельску, постройкою желѣзной дороги, его естественныхъ преимуществъ, какъ мѣстуграничнаго отпуска для товаровъ Прикамскаго края, — къ нему возвратится то, что шло къ нему лѣтъ 30 или 40 тому назадъ, т. е. около 1.300.000 пудовъ товаровъ. При этомъ еще не принимается въ расчетъ то естественное развитіе, которое должна была получить производительность Прикамскаго края въ эти 30 или 40 лѣтъ. Слѣдовательно, можемъ принять, что въ первые же годы, по Витебско-Двинской дорогѣ, будетъ отправляться не менѣе 7.800.000 пудовъ. Присоединивъ къ этому до полумилліона пудовъ трески, палтусины, сельдей, семги и другихъ рыбныхъ товаровъ, которые пойдутъ въ малорыбную Вятскую губернію, мы получимъ, для общаго движенія грузовъ по желѣзной дорогѣ, до 8.300.000 пудовъ товаровъ, опять-таки не принимая въ расчетъ тѣхъ иностранныхъ произведеній, которыя пойдутъ по Вятско-Двинской дорогѣ въ Вятку, Пермь и Сибирь. Наконецъ, пассажирское движеніе, хотя и не очень значительное, можетъ быть, безъ сомнѣнія, приравнено, по его цѣнности къ 200.000 пудамъ влады, такъ что все движеніе дороги выразится цифрою въ 8.500.000 пудовъ. Считая по 10 коп. съ пуда, на первое время, когда отправка товаровъ не достигнетъ еще всего своего развитія, дорога должна дать не менѣе 850.000 валоваго дохода, что дастъ до 510.000 чистаго дохода, полагая 40% на издержки производства. Капитализируя этотъ доходъ по 5%, получается сумма въ 10.200.000 руб., на которую можетъ быть дана пятипроцентная гарантія, безъ всякаго опасенія. Такой суммы съ излишкомъ будетъ достаточно на постройку дороги отъ Орлова до впаденія Вычегды въ Двину, при селеніи Котлосѣ, ибо, по мѣстнымъ условіямъ, дорога эта можетъ быть проведена чрезвычайно дешево. Въ 1867 году, по приглашенію г. Архангельскаго губернатора, было сдѣлано изслѣдованіе направленія этой дороги, на сумму собранную Архангельскимъ купечествомъ, инженеромъ Шмитомъ, въ отчетѣ котораго говорится, между прочимъ, слѣдующее:

„Вся мѣстность отъ Орлова до Котлоса удобна для постройки желѣзной дороги, тѣмъ болѣе, что по всей линіи не встрѣчается никакихъ, такъ называемыхъ, препятствій. Дорога эта во всѣхъ отношеніяхъ можетъ быть построена дешевымъ способомъ. Мосты и трубы, станціи, водокачальни съ резервуарами, поворотные круги, навѣсы, мастерскія и вообще всѣ постройки могутъ быть деревянныя. Земляныя работы могутъ быть исчислены только приблизительно, пока не будетъ сдѣлано настоящей нивелировки; однако, предварительное изслѣдованіе даетъ намъ возможность составить смѣту, въ основаніе которой принято 1.250 кубическихъ сажень земляной работы на версту. Между Шульдукомъ и Лальскомъ (185 верстъ, т. е. почти $\frac{3}{5}$ всей дороги) есть мѣста, гдѣ не потребуются никакихъ земляныхъ работъ, такъ какъ шпалы можно укладывать непосредственно на пни деревьевъ. Этотъ способъ постройки очень дешевъ и проченъ“. Этими обстоятельствами объясняется, почему г. Шмитъ могъ вычислить стоимость дороги только въ 5.400.000 руб. или по 16.000 руб. за версту. Трудно сказать, не имѣя данныхъ, на сколько основательна эта смѣта, но во всякомъ случаѣ можно, не опасаясь неудачъ, затратить и двойную противъ смѣты сумму,—не принимая даже въ расчетъ несомнѣннаго увеличенія притока товаровъ къ Архангельскому порту, и не разсчитывая на развитіе торговли Архангельска съ Прикамскимъ краемъ иностранными товарами, а предполагая лишь, что, съ устройствомъ дешеваго и удобнаго сообщенія, возвратится Архангельскому порту то, что ушло отъ него, какъ по причинѣ дороговизны и неудобности сухопутныхъ зимнихъ дорогъ до Лузы и Юга, такъ и по кратковременности (лишь въ теченіе какихъ нибудь двухъ или трехъ недѣль) и опасности сплава по этимъ рѣкамъ, а также по мелководію Двины, отъ Устюга до устья Вычегды.

5. *Развитіе мореплаванія и кораблестроенія.*

Кораблестроеніе и мореплаваніе составляютъ такія отрасли промышленности, развитію которыхъ нельзя назначить никакихъ предѣловъ и которыя, поэтому, однѣ могли бы обезпечить населеніе гораздо большее, нежели то, которое живетъ въ Архангельской губерніи. Цѣлыя страны, какъ Норвегія и Греція, извлекаютъ изъ мореплаванія, т. е. изъ морскаго извоза, главные свои доходы. Если-же, со всѣмъ тѣмъ, этотъ промыселъ въ Архангельской гу-

СТАТЬИ ЭКОНОМИЧЕСКІЯ

берніи отнесенъ здѣсь къ имѣющимъ второстепенную важность, то это только потому, что развитіе его зависитъ весьма косвеннымъ образомъ отъ мѣръ правительственныхъ, и что, даже въ случаѣ успѣха, оно можетъ развиваться и расширяться лишь весьма медленнымъ и постепеннымъ образомъ. Впрочемъ, говоря о судостроеніи и мореплаваніи, въ примѣненіи къ Архангельской губерніи, надо различать строеніе большихъ судовъ и торговое мореплаваніе въ отдаленныя страны, съ цѣлью получить доходъ отъ фрахтовъ, отъ судостроенія и плаванія Поморовъ. Поморское мореплаваніе, совершаемое вдоль береговъ Архангельской губерніи и Сѣверной Норвегіи, можетъ быть названо каботажнымъ. Но, кромѣ того, существенный отличительный характеръ его заключается въ томъ, что оно имѣетъ въ виду не фрахтъ, а или разные виды рыбной и звѣриной промышленности, или мелкую торговлю съ Норвегіею, причѣмъ хозяинъ судна есть вмѣстѣ съ тѣмъ и купецъ, продающій, вымѣнивающій и покупающій товаръ.

Что касается до перваго вида мореплаванія и до строенія большихъ судовъ, то должно сознаться, что весьма мало надежды, на ихъ развитіе, въ ближайшемъ, по крайней мѣрѣ, будущемъ. Постройка большихъ судовъ, какъ съ цѣлію плаванія на нихъ подъ Русскимъ флагомъ, такъ и для продажи, начиналась въ Архангельскѣ нѣсколько разъ со времени Петра Великаго: Бажановыми, Поповыми, Брандтомъ, обѣими бѣломорскими компаніями и другими; но всѣ эти начинанія не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ и оставались, за невыгодностію дѣла. Главная причина неудачи Архангельскаго судостроенія заключается, по видимому, въ томъ матеріалѣ, изъ котораго строились здѣшнія суда. Опытъ показалъ, что сосновыя суда годны только для плаванія въ сѣверныхъ моряхъ; въ южныхъ-же они не выдерживаютъ долѣе двухъ лѣтъ. Очевидно, что суда, только отчасти удовлетворяющія своему назначенію, которыя должны отказываться отъ фрахтовъ, назначаемыхъ въ теплыя страны, какъ бы они ни были выгодны, могутъ конкурировать съ дубовыми судами только при своей крайней дешевизнѣ. Но дешевъ въ Архангельскѣ только одинъ лѣсъ; всѣ-же прочіе необходимыя для судостроенія матеріалы, мастеровыя, рабочіе, машины — очень дороги. Что касается до мореплаванія, то едва ли Русскій народъ оказываетъ къ нему большую склонность и охоту. Этому, конечно, содѣйствуетъ отчасти наша паспортная система, при которой, напримѣръ, Архангель-

скаго матроса, прибывшаго, послѣ долгихъ странствованій, въ нашъ Черноморскій портъ, отправляютъ по этапу на мѣсто его родины, за просроченный паспортъ. Но не въ этомъ, можно полагать, главная причина слабаго развитія нашего мореплаванія, ибо, даже въ такихъ моряхъ, какъ Каспійское и Азовское, гдѣ не было бы надобности въ долгихъ отлучкахъ, весьма мало матросовъ изъ Русскихъ. Самые Поморы, привыкшіе къ морю, охотно подвергаются всѣмъ опасностямъ и трудностямъ морской жизни на три или четыре мѣсяца въ году, двѣ-же трети года имѣютъ въ виду провести дома, въ кругу своихъ семействъ и знакомыхъ, и весьма бы неохотно согласились на постоянную скитальческую жизнь настоящаго моряка. Такія склонности образовались, должно быть, подъ вліяніемъ долговременнаго отчужденія Россіи отъ моря, и тѣхъ климатическихъ условій, при которыхъ даже приморскіе жители должны были спѣшить возвращаться зимовать домой. Надо еще принять во вниманіе, что въ Англіи, съ которою мы всего болѣе ведемъ торговлю, ремесло матроса такъ обыкновенно, что тамъ матросъ есть поденщикъ. Шкиперъ, приходящій въ Англійскій портъ, сейчасъ же распускаетъ своихъ матросовъ, оставивъ одни лишь кадры экипажа, будучи увѣренъ, что ко времени его отправки всегда найдутся въ избытѣ желающіе пополнить его экипажъ. У насъ, напротивъ того, матросъ есть специалистъ, которымъ шкиперъ или хозяинъ должны дорожить. Отъ одного этого обстоятельства фрахты на нашихъ судахъ, съ Русскими матросами, должны быть дороже, чѣмъ на Англійскихъ, и вообще иностранныхъ. Вообще, сословіе матросовъ, въ значительныхъ размѣрахъ, можетъ образоваться только тамъ, гдѣ существуетъ значительное бездомное населеніе, какъ въ Англіи, или гдѣ мореплаваніе составляетъ почти единственное средство для пропитанія, какъ въ Греціи и Норвегіи.

Выставляя на видъ всѣ эти соображенія, которыя препятствовали и до сихъ поръ препятствуютъ развитію у насъ мореплаванія, г. Данилевскій не заключаетъ, однако же, чтобы мы не могли имѣть своего торговаго флота, а утверждаетъ только, что на это существуютъ весьма большія препятствія, побороть которыя можно лишь при употребленіи весьма сильныхъ мѣръ. Въ такихъ же обстоятельствахъ находилась прежде наша мануфактурная промышленность. Чтобы побѣдить противостоявшія ей препятствія, надо было прибѣгнуть къ строгой покровительственной системѣ.

Только подобная же мѣра можетъ развить и нашъ купеческій флотъ. Когда Англіи нужно было бороться противъ, опередившей ее развитіемъ торговли, Голландіи, она приняла знаменитый навигаціонный актъ. Если Россія хочетъ имѣть значительный торговый флотъ, то и ей остается только послѣдовать примѣру, увѣнчавшемуся такимъ блистательнымъ успѣхомъ.

Въ отношеніи къ поморскому судостроенію и мореплаванію, задача гораздо легче, ибо тутъ предстоитъ не создавать вновь, а только поддерживать и развивать уже существующее. Прежде всего, г. Данилевскій опровергаетъ то возраженіе, которое, по видимому, представляется самобытнымъ развитіемъ, хотя и небольшого, поморскаго флота, противъ выраженной имъ мысли о покровительственной системѣ, какъ о единственномъ условіи, при которомъ можетъ развиться Русскій торговый флотъ. Если развилась активная торговля Поморовъ съ Норвегіею, то не должно думать, чтобы это произошло безъ покровительства, и при томъ покровительства двоякаго рода, — естественнаго и искусственнаго. Естественное покровительство, давшее возможность Поморамъ завладѣть рынками Сѣверной Норвегіи, заключается въ томъ, что ни откуда не можетъ быть доставленъ въ Финмаркенъ хлѣбъ столь дешево, какъ Поморами изъ Архангельской губерніи. Но и это естественное преимущество Поморовъ начало приносить свои плоды только тогда, когда къ нему присоединилось искусственное покровительство, оказанное Поморамъ Норвежскимъ закономъ 13-го сентября 1830 года и Русско-Норвежскимъ торговымъ трактатомъ 11-го (23-го) іюня 1834 года, съ которыхъ поморская торговля и начала собственно развиваться. Въ чемъ заключаются эти существенно-важныя привелегіи Поморовъ, было изъяснено выше. Но уже теперь Финмаркенскій рынокъ становится тѣсенъ для Поморовъ, и имъ необходимо расширеніе его. Нѣкоторые изъ нихъ, хотя еще и весьма немногіе, начали уже расширять свои обороты. Мурманскую треску возятъ они въ Петербургъ, и, продавши ее тамъ, отправляются въ Англію, гдѣ изъ первыхъ рукъ закупаютъ соль и снасти, дозволенные къ беспошлинному привозу на Мурманскій берегъ. Существеннымъ средствомъ для развитія поморской торговли послужить удешевленіе хлѣба въ Архангельскѣ, съ проведеніемъ Вятско-Двинской желѣзной дороги, что, можетъ быть, дастъ имъ возможность доставлять хлѣбъ не въ одинъ Финмаркенъ, но и въ другіе Норвежскіе порты. Но такимъ удешевле-

ніемъ хлѣба въ полной мѣрѣ воспользуются только богатѣйшіе изъ Поморовъ, тѣ, которые въ состояніи пріобрѣтать его на чистыя деньги. Тѣ же, которые принуждены брать его въ долгъ, должны будутъ платить за него 15 или 20% дороже. Чтобы дать имъ возможность покупать хлѣбъ на чистыя деньги, необходимо доставить имъ дешевый кредитъ, устройствомъ банковъ или вспомогательныхъ кассъ, въ двухъ главныхъ центрахъ Поморья: Кеми и Сумѣ. Мѣра эта была предложена Данилевскимъ еще въ 1860 году, въ отчетѣ экспедиціи объ изслѣдованіи сѣвернаго рыболовства. Министерство Финансовъ не нашло тогда возможнымъ привести ее въ исполненіе, по той причинѣ, что имущества Поморовъ слишкомъ малоцѣнны, дабы служить обезпеченіемъ ссудъ, подъ залогъ ихъ. Однако, такая вспомогательная касса была учреждена, впоследствии, въ Астрахани, для вспомошествованія тамошнимъ рыбопромышленникамъ, ассигнованіемъ на это 150.000 руб., между тѣмъ какъ имущество, подъ залогъ котораго разрѣшено выдавать ссуды Астраханскимъ ловцамъ, именно промысловыя лодки, гораздо малоцѣннѣе поморскихъ морскихъ судовъ, которыя стоятъ отъ 400 или 500 руб. до нѣсколькихъ тысячъ рублей. Но, сомнѣнія Министерства Финансовъ относительно обезпеченности ссудъ, выдаваемыхъ подъ залогъ судовъ, могли бы, кажется, быть устранены другою мѣрою, также уже предположенною г. Архангельскимъ губернаторомъ, именно введеніемъ между Поморами взаимнаго страхованія судовъ, для котораго уже и составленъ проектъ правилъ. Но извѣстно, какъ неохотно Русскіе крестьяне соглашались платить деньги, столь трудно имъ достаеміяся, не имѣя въ виду, отъ такой уплаты, прямой и непосредственной выгоды. Если, по сему, предоставить это предложеніе своему естественному ходу, то едва-ли можно будетъ скоро дожидаться осуществленія этой полезной мѣры. Съ другой стороны, не считая возможнымъ прибѣгать къ обязательному введенію взаимнаго страхованія судовъ, г. Данилевскій полагалъ бы избрать для этого слѣдующій путь: пригласить изъ главныхъ центровъ Поморья: Кеми, Сумы, Сороки, Керети и проч., депутатовъ отъ хозяевъ большихъ, среднихъ и малыхъ судовъ, для совѣщанія въ Архангельскѣ о правилахъ взаимнаго страхованія; объяснить имъ его пользу, и постановить устройство вспомогательныхъ кассъ или банковъ въ зависимость отъ ихъ согласія на введеніе у себя взаимнаго страхованія; въ облегченіе же уплаты имъ страховой преміи, прекратить сборы

которые они платятъ въ Архангельскѣ въ пользу города, именно 5 руб. съ судна, поднимающаго болѣе 2.000 пудовъ, и 3 р. съ судна, поднимающаго менѣе этого груза, каждый разъ какъ они приходятъ въ Архангельскъ изъ Русскихъ портовъ, и 28 к. съ ластанъ судовъ, приходящихъ изъ Норвегіи, или вообще изъ-за границы. Эта послѣдняя мѣра введена была подъ предлогомъ уравниванія правъ иностранныхъ судовъ съ Русскими. Но, такъ какъ поморскія суда принадлежатъ къ числу каботажныхъ, совершающихъ лишь береговое плаваніе, хотя бы они заходили и въ Норвегію, то отъ этого отяготительнаго для нихъ сбора можно бы было ихъ избавить, не нарушая нисколько правъ, присвоенныхъ иностраннымъ судамъ. Такимъ образомъ, поморамъ пришлось бы весьма немного приплачивать для страхованія своихъ судовъ, и въ виду общаго устройтъ у нихъ вспомогательныя ссудныя кассы, если они введутъ у себя взаимное страхованіе судовъ, нѣтъ сомнѣнія, что они согласятся на эту мѣру. Страхованіе грузовъ могло бы быть предоставлено желанію каждаго. Ссуды, выдаваемые банкомъ подъ залогъ судовъ, были бы такимъ образомъ достаточно обезпечены. Но, такъ какъ банки, кромѣ помощи, которую они окажутъ торговлѣ Поморовъ, должны бы еще содѣйствовать развитію рыбной промышленности на Мурманскомъ берегу, то, дабы удовлетворять и этой существенно важной цѣли, должны бы они выдавать ссуды и подъ взаимное поручительство, какъ это установлено относительно Астраханской вспомогательной для ловцовъ кассы. Особенности Мурманскаго рыболовства требовали бы однако нѣкоторыхъ измѣненій въ этихъ правилахъ. Въ отчетѣ Данилевскаго о Мурманскомъ рыболовствѣ подробно изъяснено, что хозяинъ, начинающій промыслать на Мурманскомъ берегу, не имѣя запаснаго капитала, въ томъ только случаѣ можетъ ожидать благопріятныхъ результатовъ отъ своего дѣла, когда начало его предпріятія совпадетъ съ хорошими уловистыми годами; въ противномъ же случаѣ онъ долженъ потерпѣть сильныя убытки. Поэтому, для рыбопромышленниковъ необходима ссуда не на одинъ годъ, а на болѣе продолжительный періодъ времени, примѣрно до 4 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы каждый годъ уплачивалась часть занятаго капитала съ процентами за ту долю, которая еще остается въ долгу, такъ что, примѣръ, за 400 р., занятыхъ на четыре года, пришлось бы въ первый годъ заплатить 124 р., во второй 118, въ третій 112 и въ четвертый 106 руб. Сумма, которую правительство

согласилось бы выдать заимообразно на учрежденіе этихъ банковъ, должна бы быть раздѣлена на двѣ части, съ тѣмъ чтобы, примѣрно, $\frac{2}{3}$ ея шло на кратковременныя ссуды, срокомъ не долѣе года, для содѣйствія торговлѣ Поморовъ, а остальная треть — на ссуды въ помощь рыбопромышленникамъ, которыя могли бы производиться, по желанію заемщиковъ, на срокъ отъ 8 мѣсяцевъ до 4 лѣтъ.

Третья мѣра, столь же, если еще не болѣе, важная, чѣмъ устройство банковъ и взаимное страхованіе, заключается въ доставленіи молодымъ людямъ изъ Поморовъ элементарнаго морскаго образованія.

Въ этомъ отношеніи остается только сослаться на прекрасный и вполне выработанный проектъ г. Архангельскаго губернатора относительно устройства мореходныхъ классовъ въ Кеми, Сумѣ и Архангельскѣ, и мореходнаго училища въ Архангельскѣ. Съ своей стороны г. Данилевскій полагалъ-бы въ этомъ проектѣ сдѣлать лишь слѣдующія измѣненія и дополненія: 1) Въ Архангельское училище торговаго мореплаванія допускать, на слушаніе курса, не иначе, какъ по экзамену, или по свидѣтельству объ окончаніи курса въ одномъ изъ трехъ морскихъ классовъ. 2) Такъ какъ ознакомленіе съ правилами кораблестроенія весьма важно для Поморовъ, то, дабы имѣть хорошаго преподавателя кораблестроительнаго искусства, слѣдовало бы назначить корабельному инженеру болѣе жалованье. Въ проектѣ г. Архангельскаго губернатора предположено корабельному инженеру выдавать меньшее жалованье, чѣмъ младшему преподавателю морскихъ наукъ. Г. Данилевскій полагаетъ совершенно наоборотъ, ибо легче найти штурманскаго офицера способнаго занять должность младшаго преподавателя морскихъ наукъ, чѣмъ хорошаго преподавателя кораблестроенія. 3) Безсрочные паспорта должны быть выдаваемы тѣмъ только, которые уже получили званіе штурманскаго помощника, т. е. совершили по крайней мѣрѣ четыре рейса, ибо желательно, чтобы выпущенные изъ училища ученики поступали на Русскія суда и на нихъ практиковались, а не уходили на иностранныя суда, послѣ чего нерѣдко и совсѣмъ остаются за границей.

4) Для защиты интересовъ Поморовъ въ Норвегіи необходимо, чтобы въ одинъ изъ четырехъ городовъ Финмаркена, посѣщаемыхъ русскими: Тромсе, Гамерфестъ, Вардегусъ, или Вадсе, назначенъ былъ консулъ изъ Русскихъ, а не изъ мѣстныхъ Норвеж-

скихъ купцовъ, отъ которыхъ Поморы рѣшительно не видятъ никакой защиты своихъ интересовъ, такъ что, въ этомъ случаѣ, они совершенно предоставлены произволу тамошняго мѣстнаго начальства, вообще не слишкомъ дружелюбнаго къ Русскимъ, и честности тамошнихъ купцовъ. Случается, что наши Поморы судятся въ Норвегіи за какіе-либо проступки, и наказываются по норвежскимъ законамъ. Не имѣя ни желанія, ни повода набрасывать какую либо тѣнь на безпристрастіе и справедливость норвежскихъ судовъ, нельзя не замѣтить, однако же, что у Поморовъ, не имѣющихъ къ кому обратиться за защитой, образовалось мнѣніе, что многіе изъ нашихъ невинно приговорены къ болѣе или менѣе тяжелымъ наказаніямъ. Поморы жалуются также, что Норвежцы, приходящіе ловить къ нашимъ берегамъ, при неизбѣжныхъ ссорахъ и столкновеніяхъ тамъ, гдѣ скучено много ловцовъ, угрожаютъ нашимъ отмищеніемъ, когда они явятся для торга въ Норвегію. Это также показываетъ, что, и по понятіямъ Норвежцевъ, Поморы въ Норвегіи беззащитны. Главное же неудобство заключается въ томъ, что, въ случаѣ споровъ съ норвежскими купцами, тяжбъ и т. п., Поморы дѣйствительно не имѣютъ къ кому обратиться за помощью, ибо невозможно ожидать, чтобы норвежскій купецъ горячо принялъ сторону русскаго мужика противъ своего товарища, друга или сосѣда. Поэтому, существенно необходимо, чтобы на лѣтнее время, по крайней мѣрѣ отъ мая до октября, командировался въ сѣверный Финмаркенъ консулъ, который былъ бы изъ русскихъ, съ жалованьемъ отъ правительства, такъ какъ одинъ сборъ, наложенный въ пользу консуловъ, составляетъ слишкомъ ничтожную сумму.

Русскій консулъ не изъ норвежскихъ купцовъ, кромѣ защиты интересовъ торгующихъ въ Норвегіи Поморовъ, могъ бы оказывать еще ту существенную услугу, что извѣщалъ бы въ Архангельскъ, по телеграфу, раньше отправленія Поморовъ въ Норвегію, о томъ, какіе именно товары въ настоящемъ году болѣе требуются въ Финмаркенѣ, каковы уловы рыбы и, вообще, виды на торговлю. Эти свѣдѣнія должны быть сообщаемы чрезъ каждыя двѣ недѣли, въ первую половину лѣта, на что должна бы назначаться особая небольшая сумма, сверхъ содержанія консула. Безъ такого своевременнаго извѣщенія, Поморы принуждены отправляться въ Норвегію на авось, часто съ такими товарами, въ кото-

рыхъ тамъ не чувствуется надобности, или съ излишнимъ количествомъ ихъ, какъ это, напримѣръ, случилось въ 1867 году.

5) Наконецъ, для развитія поморскаго судостроенія, которое съ году на годъ дѣлаетъ замѣчательные успѣхи, и для доставленія возможности заводиться собственными судами лицамъ съ самыми небольшими средствами, было бы полезно совершенно уничтожить взысканіе попенныхъ денегъ съ лѣса, идущаго на судостроеніе. Сумма, получаемая съ этого лѣса казною, совершенно ничтожна — отъ 3 до 4 тысячъ рублей въ годъ, а между тѣмъ, если бы даже Поморы стали строить суда не только для собственного употребленія, но и на продажу въ Норвегію, гдѣ сосновыя суда, преимущественно небольшого размѣра, могли бы еще найти себѣ сбытъ, то водвореніе этого рода промышленности, при которомъ лѣсъ получилъ бы гораздо значительнѣйшую цѣнность, чѣмъ въ сыромъ видѣ, должно бы считаться въ высшей степени желательнымъ.

Кромѣ этихъ мѣръ, которыя должны содѣйствовать развитію поморской торговли, весьма важнымъ облегченіемъ для Поморовъ было бы разрѣшеніе имѣть на судахъ огонь, во время пребыванія въ Архангельскѣ. Запрещеніе это сдѣлано ради безопасности отъ пожаровъ; но пожаровъ на поморскихъ судахъ до сихъ поръ никогда не было, и притомъ, въ Архангельскѣ поморскія суда стоятъ такъ рѣдко, что, даже въ случаѣ пожара, большія несчастія совершенно невозможны. Въ Гамерфестѣ, на-примѣръ, гдѣ поморскія суда стоятъ чрезвычайно тѣсно, въ перемежку съ судами другихъ націй, употребленіе огня всѣмъ дозволено, и никогда еще тамъ пока несчастій отъ огня не происходило. Между тѣмъ, запрещеніе имѣть огонь на судахъ, въ холодные и сырые сентябрскіе и даже октябрскіе дни, чрезвычайно вредно въ гигиеническомъ отношеніи, и бываетъ причиною сильныхъ простудъ и другихъ болѣзней. Для варенія пищи принуждены Поморы отправляться на берегъ, гдѣ устроены кухни; но въ бурную погоду часто бываетъ вовсе невозможно попадать на берегъ, и они должны довольствоваться сухимъ хлѣбомъ; не могутъ даже согрѣваться чаемъ, потому что запрещено грѣть самовары. Поневолѣ придется обращаться къ водкѣ. Даже и въ тихую погоду, обѣдъ, привозимый на судно изъ береговой кухни, успѣваетъ уже совершенно остыть, а паужина, къ которому всѣ привыкли, и вовсе не позволено готовить въ береговыхъ кухняхъ. Употребленіе огня на поморскихъ судахъ,

съ нѣкоторыми, конечно, ограниченіями, было бы тѣмъ возможнѣе и справедливѣе допустить, что иностранныя суда, стоящія на Архангельскомъ рейдѣ, пользуются этимъ правомъ, которое, безъ всякаго основанія, не болѣе пяти лѣтъ тому назадъ отнято у Поморовъ, ибо никакою неосторожностію, или даже случайнымъ несчастіемъ, они въ тому не подали повода.

6) *Рыбные промыслы и колонизація Мурманскаго берега.*

Рыбные промыслы Архангельской губерніи раздѣляются на пять разрядовъ: 1) Океанскіе промыслы трески, сайды, палтусины, производимые на Мурманскомъ берегу; 2) Бѣломорскій сельдяной промыселъ, производимый въ Кандалацкой, Онежской, Унской и Двинской губахъ, а также ловъ наваги и камбалы по берегамъ Бѣлаго моря; 3) семожій промыселъ, производимый по рѣкамъ впадающимъ въ Бѣлое море и Сѣверный океанъ, а также по морскому побережью Бѣлаго моря, вблизи рѣкъ въ него впадающихъ; 4) печорскіе промыслы семги и разныхъ сиговыхъ породъ (нельмы, омулей, пеляди и чировъ); 5) озерные и рѣчные промыслы сиговъ, налимовъ, щуки и другихъ породъ прѣсноводныхъ рыбъ.

Усиленіе рыболовства желательно только для первыхъ двухъ разрядовъ, такъ какъ они имѣютъ своимъ предметомъ рыбъ, не только живущихъ въ морѣ, но и мечущихъ тамъ икру, и запасъ которыхъ, можетъ, поэтому, считаться неисчерпаемымъ. Относительно лова семги, которая идетъ метать икру въ рѣки съ чистою водою и каменистымъ дномъ, и изъ всѣхъ породъ рыбъ наименѣе сильно распложается, по причинѣ крупности ея икрынокъ и продолжительности времени развитія икры, выметываемой въ холодное время года, необходимы даже нѣкоторые ограниченія, которыя и были предложены въ отчетахъ экспедиціи, изслѣдовавшей сѣверное рыболовство, и состоятъ въ запрещеніи устраивать вновь заборы въ тѣхъ рѣкахъ, гдѣ таковыхъ доселѣ не устраивалось, и въ оставленіи промежутковъ для свободнаго прохода рыбы въ $\frac{1}{3}$ ширины рѣки, тамъ гдѣ есть населеніе по рѣкѣ выше забора, и въ $\frac{1}{8}$ тамъ, гдѣ нѣтъ такого населенія. Печорскій ловъ также не можетъ быть увеличенъ въ сколько-нибудь значительной степени. Что касается до лова по мелкимъ рѣкамъ и озерамъ, имѣющаго значеніе только для продовольствія мѣстнаго населенія, то надо замѣтить, что наши мелкія сѣверныя рѣки вовсе не рыбны. Озера заключаютъ въ себѣ довольно много рыбы, но лежатъ въ отдаленныхъ отъ жилыхъ мѣстъ лѣсныхъ пустыняхъ, и могутъ

доставить болѣе количество рыбы только при разселеніи жителей по удобнымъ мѣстностямъ, лежащимъ среди лѣсовъ. И такъ, сколько-нибудь значительному развитію подлежатъ только сельдяной ловъ и Мурманскій тресковый промыселъ. Но и сельдяной ловъ не вездѣ можетъ быть усиленъ. Наибольшая масса сельдей добывается въ Сороцкой губѣ позднѣю осенью и въ началѣ зимы, куда онѣ къ этому времени приходятъ громадными стаями. Здѣсь ловъ производится неводами и сѣтками, всѣми силами прибрежнаго населенія, по мелкимъ мѣстамъ. Огромное количество налавливаемыхъ сельдей съ избыткомъ удовлетворяетъ всѣмъ нуждамъ не только мѣстнаго населенія, но и пріѣзжающихъ за ними изъ Олонецкой и Вологодской губерній, такъ какъ, даже при такомъ значительномъ требованіи, цѣна на сельдей упадаетъ иногда до 1 рубля за цѣлый возъ. Напротивъ того, ловъ въ Кандаляцкой губѣ могъ бы быть значительно увеличенъ; а главное, жители береговъ этого залива могли бы быть въ значительной степени обезпечены отъ постигающихъ ихъ въ иные годы, какъ на-примѣръ прошлый 1868, совершенныхъ неуроковъ, если бы между ними распространилось употребленіе ставныхъ сѣтей. При ловѣ неводами, рыбаки принуждены ожидать, пока сельди подойдутъ къ берегамъ, гдѣ они могли бы ихъ затачивать, по мелкимъ мѣстамъ, неведомъ; ловъ-же на глубинѣ этимъ орудіямъ не доступенъ. Напротивъ того, ставными, или, лучше сказать, висячими сѣтями, которыя устанавливаются на произвольной глубинѣ, удлинненіемъ или укорачиваніемъ веревокъ, привязанныхъ къ боченкамъ, на которыхъ виситъ сѣть, можно бы ловить среди залива, какъ въ Норвегіи ловятъ на значительной глубинѣ въ океанѣ. Въ отчетѣ экспедиціи, изслѣдовавшей рыболовство въ сѣверныхъ моряхъ, были уже предложены мѣры къ введенію этого способа лова въ Кандаляцкой губѣ.

Мурманское рыболовство, вмѣстѣ съ вымѣномъ трески и сайды въ Норвегіи на муку и другіе товары, вполне и даже съ излишкомъ удовлетворяетъ потребностямъ того рынка, который можетъ въ настоящее время снабжаться этою рыбою, какъ это доказывается дешевою цѣною на треску и сайду, въ послѣдніе годы, въ Архангельскѣ. Поэтому, единственное, средство усилить Мурманскій ловъ заключается въ расширеніи области сбыта его продуктовъ, чего можно достигнуть только проведеніемъ Вятско-Двинской желѣзной дороги, которая, давъ возможность дешево прово-

зять Мурманскую рыбу въ безрыбную Вятскую губернію, доставить ей по крайней мѣрѣ 1.000.000 новыхъ потребителей, т. е. болѣе того, чѣмъ сколько нынѣ употребляютъ ее. Такъ какъ торговля съ Норвегіей развилась до значительныхъ размѣровъ только въ послѣднія три или четыре десятилѣтія, а прежде сего Архангельская губернія снабжалась рыбою преимущественно съ Мурманскаго берега, то многіе полагаютъ, что вымѣнъ Норвежской рыбы повредилъ развитію нашего рыболовства, и потому видятъ въ ограниченіи нашей торговли съ Норвегіей, наложеніемъ пошлины на привозную рыбу, мѣру, которая подняла бы нашъ Мурманскій промыселъ. Этимъ, дѣйствительно, можно бы было усилить нѣсколько наше Мурманское рыболовство, но не иначе, какъ насчетъ потребителей рыбы, составляющей для Архангельской губерніи потребность не менѣе насущную, чѣмъ самый хлѣбъ, ибо весьма сомнительно, чтобы, сверхъ того количества рыбы, которое доставляетъ Мурманскій берегъ въ настоящее время, онъ могъ бы доставить и то количество, которое привозится теперь изъ Норвегіи, если бы даже всѣ Поморы, ходящіе нынѣ въ Норвегію, обратились къ Мурманскому рыболовству. Это можно заключить изъ того, что естественныя условія Мурманскаго берега далеко не такъ благоприятны для рыболовства, какъ берега Финмаркена; число-же Поморовъ, которые, оставивъ торговлю съ Норвегіей, обратились бы къ Мурманскому рыболовству, далеко не столь значительно, какъ число Финмановъ (Норвежскихъ Лопарей) и Норвежцевъ, которые занимаются финмаркенскимъ рыболовствомъ и сбываютъ намъ свою рыбу. Изъ этого слѣдуетъ, что всякая мѣра, которая стѣсняла бы Норвежскую торговлю Поморовъ, необходимо повлекла бы за собою вздорожаніе трески и сайды на Архангельскомъ рынкѣ. Но этого мало. Пошлина, наложенная на норвежскую рыбу и, вообще, всякое стѣсненіе норвежской торговли заставили бы Норвежцевъ, которые въ настоящее время не имѣютъ въ Финмаркенѣ другаго сбыта для рыбы лѣтнихъ улововъ, какъ нашимъ Поморамъ, или искать себѣ другихъ путей сбыта, или же совершенно прекратить этотъ промыселъ. Въ обоихъ случаяхъ, какъ Архангельская губернія, такъ и часть Вологодской и Олонецкой, рисковали бы въ иные годы совершенно остаться безъ рыбы, что равняется для нихъ неурожаю хлѣба, ибо на Мурманскомъ берегу иногда нѣсколько лѣтъ сряду, какъ

напримѣръ съ 1832 по 1836 годъ и съ 1844 по 1850 годъ, бываютъ совершенные неуловы.

Наконецъ, въ случаѣ проведенія Вятско-Двинской желѣзной дороги, всякое стѣсненіе торговли съ Норвегіею было бы бесполезно, даже и для привлеченія большаго числа ловцовъ къ Мурманскому лову, ибо, и безъ того, увеличеніе сбыта трески должно послужить болѣе въ пользу Мурманскаго лова, чѣмъ въ пользу мѣнновой торговли съ Норвегіей, потому что эта послѣдняя уже, такъ сказать, близка къ своему насыщенію. Количество товаровъ, получаемыхъ норвежскими рыболовами, взаимѣ ихъ рыбы, и теперь уже удовлетворяетъ ихъ потребностямъ, такъ что значительнѣйшіе изъ нашихъ поморскихъ торговцевъ, уже въ настоящее время, большую часть своего торга ведутъ на деньги съ норвежскими купцами, а не мѣною съ рыбопромышленниками. Слѣдовательно, большая часть рыбы, которая понадобится на удовлетвореніе новаго рынка, имѣющагося открыться съ устройствомъ Вятско-Двинской дороги, должна будетъ доставляться не Норвегіею, а Мурманскимъ берегомъ.

Кромѣ проведенія Вятско-Двинской желѣзной дороги, составляющаго главное условіе для развитія Мурманскаго рыболовства, могли бы быть приняты еще слѣдующія мѣры меньшей важности, которыя содѣйствовали бы той же цѣли: 1) Со времени поселенія Норвежцевъ въ значительномъ числѣ на западной части Мурманскаго берега, стали приходить къ этимъ же мѣстамъ норвежскіе промышленники и производить ловъ рыбы у самыхъ нашихъ береговъ, что стѣсняетъ нашихъ ловцовъ и ведетъ къ многочисленнымъ ссорамъ и столеновеніямъ. По норвежскимъ законамъ, нашимъ промышленникамъ дозволяется производить ловъ рыбы не ближе норвежской мили, т. е. 10 верстъ, отъ берега. Слѣдовательно, для уравниенія правъ нашихъ промышленниковъ съ Норвежцами, слѣдовало бы или воспретить Норвежцамъ ловъ рыбы ближе 10 верстъ отъ русскихъ береговъ, или же войти въ соглашеніе съ норвежскимъ правительствомъ о томъ, чтобы подданнымъ обоихъ государствъ было дозволено производить ловъ рыбы близъ береговъ, какъ Норвегіи, такъ и Россіи: Русскимъ до Вардегуса на-примѣръ, а Норвежцамъ до входа въ Кольскую губу. Для наблюденія за этимъ, также какъ и для охраненія выгодъ нашихъ торговцевъ, необходимо бы было имѣть въ сѣверной Норвегіи русскаго консула изъ русскихъ подданныхъ. 2) Дальнѣйшая

колонизація Мурманскаго берега Норвежцами должна быть приостановлена. Эти поселенцы только временно поселяются на Мурманскомъ берегу, и живутъ тамъ не какъ осѣдлые жители, а какъ люди, имѣющіе въ виду возвратиться къ себѣ домой, нѣсколько улучшивъ свое положеніе, или при первой невзгодѣ. Между тѣмъ, они занимаютъ лучшія становища и самыя привольныя мѣста, и тѣмъ или стѣсняютъ нашихъ рыбопромышленниковъ, или отнимаютъ тѣ мѣста, въ которыхъ всего лучше могла бы основаться русская колонизація. Свой образъ мыслей относительно колонизаціи Мурманскаго берега г. Данилевскій высказалъ уже въ отчетѣ экспедиціи изслѣдовавшей сѣверное рыболовство («Изслѣдов. о рыбол. въ Россіи», т. VI, стр. 243 и слѣд.). По его мнѣнію, одно или нѣсколько небольшихъ поселеній на Мурманскомъ берегу, состоящія частію изъ Русскихъ, частію же изъ Норвежцевъ, могли бы принести для рыболовства ту же пользу, которую приносятъ для земледѣлія образцовыя фермы, т. е. могли бы указать нашимъ промышленникамъ, какъ на новыя отрасли рыбной промышленности, только еще начинающія входить у насъ въ употребленіе (наприм. акулы и сайды), такъ и на новые способа лова, напримѣръ удочкою на поддѣвъ. Но заселеніе Мурманскаго берега Норвежцами далеко уже перешло нынѣ за тѣ предѣлы, въ которыхъ оно могло бы быть полезнымъ. Едва ли удобно населять сопредѣльную съ Норвегіею пустынную мѣстность, удаленную отъ центровъ административной и народной дѣятельности, Норвежцами, находящимися въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ ихъ соотечественниками, живущими по сосѣдству, даже въ зимнее время, когда прекращается всякое сообщеніе со всею Архангельскою губерніею, и даже съ сосѣднею Колою. Казалось бы, поэтому, своевременнымъ прекратить теперь же выдачу дозволеній на новыя поселенія Норвежцевъ на Мурманскомъ берегу. 3) Относительно заселенія Мурманскаго берега Русскими, г. Данилевскій продолжаетъ придерживаться того мнѣнія, что и оно можетъ имѣть только частный успѣхъ; что собственно Поморамъ, особливо состоятельнѣйшимъ изъ нихъ, нѣтъ никакой выгоды оставлять Поморье, для выселенія на Мурманскій берегъ. Два главные обстоятельства, приводимыя въ пользу поселенія на Мурманскомъ берегу: а) ловъ рыбы въ теченіе болѣе продолжительнаго времени, нежели это возможно для временныхъ ловцовъ, приходящихъ на Лапландскій берегъ въ концѣ марта и удаляющихся оттуда въ

концѣ августа или началѣ сентября, и б) климатъ болѣе мягкій, сравнительно съ побережьемъ Бѣлаго моря,—не могутъ доставить никакихъ существенныхъ выгодъ. Постоянные поселенцы, какъ показываетъ примѣръ Колянъ, могутъ продолжать ловъ какими-нибудь 1½ или 2 мѣсяцами долѣе пришлохъ ловцовъ, потому что въ зимнее время этому препятствуютъ сильныя холода, короткость полярнаго дня и частыя бурныя погоды, при которыхъ, въ совершенно открытой мѣстности, невозможно выѣзжать въ море. Болѣе-же мягкій климатъ зависитъ единственно отъ менѣе низкой температуры зимы, ибо морозы, отъ утепляющаго вліянія океана, рѣдко превосходятъ 20 градусовъ; но за то лѣтняя температура, которая одна только и полезна для растительности, на Мурманскомъ берегу гораздо ниже, чѣмъ по побережью Бѣлаго моря. Даже и несравненно умѣреннѣйшій климатъ Финмаркенскаго побережья, гдѣ, какъ напримѣръ въ Гамерфестѣ, осьми-градусныя морозы составляютъ феноменальную рѣдкость, по недостатку лѣтней теплоты, уступаетъ въ отношеніи растительности какъ нашему Бѣломорскому краю, такъ и тѣмъ частямъ Норвегіи, которыя лежатъ въ глубинѣ фіордовъ.

Невыгоды поселенія на Мурманскомъ берегу въ экономическомъ отношеніи были изложены г. Данилевскимъ въ отчетѣ экспедиціи, изслѣдовавшей рыболовство въ сѣверныхъ моряхъ (см. стр. 240—243. VI т. „Изслѣдованій“), и тѣ, которые полагаютъ, что нашъ Мурманскій берегъ можетъ сравниться въ рыболовномъ отношеніи съ сѣвальною Норвегіею, весьма ошибаются. Какъ климатическія, такъ топографическія и экономическія условія Финмаркена всегда дадутъ ему значительный перевѣсъ надъ нашимъ Лапландскимъ побережьемъ.

Со всѣмъ тѣмъ, г. Данилевскій не отвергаетъ безусловно мысли о заселеніи Мурманскаго берега Русскими, и преимущественно западной его части, гдѣ нынѣ основались норвежскія поселенія, а находитъ, что, въ небольшихъ размѣрахъ, оно можетъ принести дѣйствительную пользу для жителей тѣхъ мѣстностей Архангельской губерніи, которые обижены природою, въ особенности для Кореловъ. Они населяютъ полосу земли между Финляндіею и Бѣломорскимъ побережьемъ, занятымъ Поморами. Страна ихъ представляетъ весьма мало средствъ къ жизни, кромѣ хлѣбопашества; хлѣбопашество же въ суровомъ климатѣ въ весьма слабой степени обезпечиваетъ жизненныя потребности. Поэтому, рыболовный про-

мысль, которымъ могли бы заняться Корелы на Мурманскомъ берегу, хотя бы и несамостоятельно, а въ зависимости отъ Поморовъ, доставилъ бы имъ болѣе безбѣдное пропитаніе, чѣмъ ихъ тепершіе промыслы. Самая промысловая зависимость Кореловъ отъ Поморовъ, въ которую они непремѣнно впадутъ, поселившись на Мурманскомъ берегу, гораздо предпочтительнѣе того нищенства, которому значительная часть ихъ предается теперь по поморскимъ деревнямъ. Поэтому, г. Данилевскій вполне сочувствуетъ тѣмъ мѣрамъ, которыя предложены г. Архангельскимъ губернаторомъ для развитія колонизаціи на Мурманскомъ берегу, если, какъ и должно ожидать, предлагаемыми льготами преимущественно воспользуются Корелы Кемскаго уѣзда. 4) Къ числу мѣръ, долженствующихъ содѣйствовать развитію Мурманскаго рыболовства, причисляютъ еще учрежденіе пароходнаго сообщенія между Архангельскомъ и Норвегіею. На эту мѣру указываютъ, какъ нашъ генеральный консулъ въ Норвегіи, г. Михелинъ, такъ и Архангельскій губернаторъ. Что касается до г. Михелина, то онъ имѣлъ преимущественно въ виду примѣръ Норвегіи, гдѣ пароходство вдоль ея береговъ, чрезвычайно содѣйствуетъ народному благосостоянію. Но въ Норвегіи, по крайней мѣрѣ въ сѣверной ея части, отъ Дронгтейма до русской границы, все населеніе расположено вдоль морскихъ береговъ, и, при трудности и даже невозможности устроить на этомъ пространствѣ сухопутныя сообщенія, чрезъ скалы, ледники и глубоко вдающіеся внутрь страны фіорды, должно необходимо имѣть сообщеніе моремъ, никогда здѣсь незамерзающимъ. Этой насущной потребности и удовлетворяетъ пароходство, производящееся здѣсьна счетъ правительства. Сообразно съ этой потребностью, пароходство это почти исключительно пассажирское. Собственно же къ рыболовству оно имѣетъ весьма мало отношенія. Промышленники, какъ на Лофоденскій тресковый, такъ и на Бергенскій сельдяной ловъ, отправляются и теперь, какъ и до учрежденія пароходства, на собственныхъ своихъ судахъ и ёлахъ. Огромные грузы Лофоденской рыбы свозятся, изъ Вестфіорда, также на парусныхъ судахъ; а пароходы даже и не доходятъ къ тѣмъ островамъ, у которыхъ производится Лофоденскій ловъ. Очевидно, что у насъ пассажирскаго движенія отъ Архангельска до Норвежской границы никакого быть не можетъ, какъ потому, что большая часть сѣверныхъ береговъ Бѣлаго моря совершенно пустынна, такъ и потому, что промышленники, отправляющіеся на Мурманскій берегъ,

идуть туда еще зимою, когда Бѣлое море покрыто льдомъ, возвращаются же осенью, бѣльшею частью на судахъ своихъ хозяевъ. Поэтому Архангельское начальство, которому мѣстные условія лучше извѣстны, нежели г. Михелину, имѣетъ главнѣйшимъ образомъ въ виду не пассажирское, а товарное движеніе. Въ пользу устройства пароходнаго сообщенія между Архангельскомъ и Норвегіею, съ казенною субсидіею, приводятся главнѣйше слѣдующіе доводы: 1) Рабочіе, занимающіеся промыслами на Мурманскомъ берегу, отрѣзаны отъ всего окружающаго міра, во все время производства промысловъ, отъ чего должны страдать промыслы, ибо рабочіе, оставаясь безъ хозяйскаго и полицейскаго надзора, дурно производятъ работы. 2) Пароходы, заходя въ становища и забирая заготовленные въ нихъ продукты, будутъ доставлять ихъ въ Архангельскъ, гдѣ, слѣдовательно, запасы рыбы не будутъ скопляться исключительно въ сентябрѣ мѣсяцѣ, во время Маргаритинской ярмарки, а будутъ доставляться исподволь, и, по мѣрѣ доставки, развозиться вверхъ по Двинѣ. 3) Пароходы, заходя въ Норвегію, будутъ доставлять свѣдѣнія нашимъ прошенникамъ, какъ объ успѣхности норвежскихъ рыбныхъ промысловъ, такъ и о товарахъ, въ которыхъ нуждаются Норвежцы, тогда какъ теперь наши Поморы идутъ туда совершенно наобумъ. 4) Пароходы могли бы сообщать въ становища: гдѣ находится въ большомъ количествѣ наживка, а слѣдовательно и треска, дабы промышленники, слѣдуя этимъ извѣщеніямъ, могли переходить изъ мѣстъ неуловистыхъ въ уловистыя.

Изъ всѣхъ этихъ доводовъ нѣкоторую силу имѣетъ, по мнѣнію г. Данилевскаго, только второй. Время, проводимое рыбопромышленниками на Мурманскомъ берегу, раздѣляется на два періода: первый—отъ прихода ихъ въ становища, въ концѣ марта, до начала или первой половины іюня, т. е. до прихода судовъ изъ Поморья съ хозяевами, которые или остаются на своихъ промыслахъ, или же отправляются въ Норвегію, для производства торговли, а на промыслахъ по бѣльшей части оставляютъ своихъ сыновей, родственниковъ, или вообще довѣренныхъ лицъ. Второй періодъ продолжается отъ половины іюня до половины или конца августа, когда промышленники возвращаются на хозяйскихъ или нанятыхъ судахъ въ Архангельскъ, а потомъ въ Поморье. Въ первый періодъ, въ который происходятъ главнѣйшій ловъ и приготовленіе самой цѣнной—сухой—трески, промышленники дѣйствительно от-

чужденъ отъ всего міра; но этой отчужденности ни мало не пособить и учрежденіе пароходства, ибо пароходы раньше конца мая или начала іюня изъ Архангельска и Бѣлаго моря выйти не могутъ. Въ послѣдніе же два мѣсяца своего пребыванія на Мурманскомъ берегу, промышленники и теперь не находятся внѣ хозяйскаго надзора, если хозяева сами желаютъ быть на своихъ промыслахъ. Пароходство послужить, въ этомъ отношеніи, только нѣкоторымъ богатымъ промышленникамъ, которые, не желая оставаться всего времени въ становищахъ, хотѣли бы посѣщать ихъ отъ времени до времени, если бы пароходное сообщеніе доставило имъ для этого всѣ желаемыя удобства. Г. Данилевскій лично видѣлъ Мурманскіе промыслы и приготовленіе тамошней рыбы, и смѣло утверждаетъ, что мурманская треска, соленая и сушеная, готовится на столько хорошо, на сколько это требуется отъ сего товара, и качествомъ своимъ нисколько не уступаетъ лофоденской, а норвежскую треску лѣтнаго улова, какъ приготовляемую нашими Поморами, такъ и норвежскаго посола, значительно превосходить. Старательность Поморовъ какъ въ ловѣ рыбы, такъ и въ приготовленіи ея, засвидѣтельствованная, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, знаменитымъ Леопольдомъ фонъ-Бухомъ, въ его путешествіи по Норвегіи, совершенно естественно объясняется организаціею этого промысла, при которой рабочіе покрутки получаютъ не опредѣленную заработную плату, а долю изъ суммы, вырученной за продажу приготовленной ими рыбы, такъ что они участники въ выгодахъ и невыгодахъ предпріятія. Если же, со всѣмъ тѣмъ, старательность покрутчиковъ съ того времени уменьшилась, то этого нельзя приписать ничему иному, какъ усилившемуся пьянству, вслѣдствіе усилившагося контрабанднаго ввоза изъ Норвегіи рома и другихъ крѣпкихъ напитковъ, о чемъ будетъ говорено ниже.

Доставленіе своевременныхъ свѣдѣній о ходѣ норвежскаго рыболовства и о торговыхъ потребностяхъ Норвегіи можетъ дѣйствительно принести много пользы занимающимся торговлею съ этою страной; но для этого нѣтъ еще надобности въ пароходствѣ, а учрежденіе настоящаго русскаго консульства въ Финмаркенѣ, которому было бы поручено доставлять торговля и промышленныя телеграфическія извѣстія въ Архангельскъ, принесло бы въ этомъ отношеніи гораздо болѣе пользы. Такія телеграфическія извѣстія могли бы послужить въ пользу даже самымъ раннимъ судамъ,

отправляющимся въ Норвегію, которымъ пароходы еще никакихъ свѣдѣній сообщить не могутъ.

Что касается до извѣщенія промышленниковъ о мѣстахъ, гдѣ въ изобиліи появляется наживка, а за нею треска, то надо принять во вниманіе, что для лова трески употребляется наживка двухъ сортовъ: мойва и песчанка. Первая рыба появляется временно, то тамъ, то сямъ, и извѣщеніе о мѣстахъ, гдѣ она находится, дѣйствительно могло бы принести пользу. Но мойва приближается къ берегамъ только въ первую половину лова, никакъ не позже Петрова дня, т. е. въ то время, когда пароходы еще не могутъ начать своихъ рейсовъ, или только во время перваго рейса. Песчанка же постоянно живетъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ, при устьяхъ рѣкъ, впадающихъ въ песчанныя губы, и сообщать о появленіи ея нечего.

Подвозъ рыбы съ Мурманскаго берега въ Архангельскъ пароходами—исподволь, дабы рыба эта могла, въ теченіе всей навигаціи, препроводиться далѣе вверхъ по Двинѣ, можетъ дѣйствительно принести нѣкоторую пользу, при существованіи Вятско-Двинской желѣзной дороги и успѣшномъ ходѣ колонизаціи Мурманскаго берега, если пароходы сами будутъ скупать Мурманскую рыбу и тѣмъ доставлять возможность мѣстнымъ промышленникамъ выгодно сбывать свои уловы. Но, и въ этомъ отношеніи, нельзя слишкомъ преувеличивать надежды на пользу отъ пароходовъ, ибо и въ настоящее время, часть рыбы привозится въ Архангельскъ, съ самаго открытія навигаціи, на такъ называемыхъ раньтинахъ, т. е. небольшихъ палубныхъ судахъ, остающихся зимовать на Мурманскомъ берегу, съ тѣмъ, чтобы при первой возможности доставить въ Архангельскъ свѣжепросольную треску весенняго улова, которая своимъ качествомъ значительно прѣвосходитъ лѣтнюю треску. Кромѣ этого, надо и вообще замѣтить, что, въ теченіе всего навигаціоннаго времени, Архангельскъ никогда не остается безъ мурманской рыбы свѣжаго подвоза; если бы, по этому, открылась болѣе большая потребность въ постоянной доставкѣ ея къ Архангельску, то нѣтъ сомнѣнія, что этимъ занялись бы и парусныя суда, на что и должно надѣяться, послѣ открытія Вятско-Двинской желѣзной дороги.

Но, если устройство пароходнаго сообщенія между Архангельскомъ и Норвегію и не доставитъ особенно значительныхъ выгодъ для развитія мурманскаго рыболовства, оно имѣетъ чрезвычайную

важность для административныхъ цѣлей, особенно если примется мурманская колонизація. При частыхъ сообщеніяхъ вдоль Мурманскаго берега, какъ полицейское, такъ и таможенное начальство могло бы съ большимъ успѣхомъ слѣдить за искорененіемъ, или, по крайней мѣрѣ, за уменьшеніемъ контрабанды ромомъ, которая губительно дѣйствуетъ на нравственность рабочихъ. Посему г. Данилевскій полагалъ бы полезнымъ, вмѣсто субсидіи въ 28.000 р., о которой ходатайствуетъ г. Архангельскій губернаторъ, назначить на первое время 10.000 или 11.000 руб. для выдачи изъ оныхъ премій по 1.000 руб. за каждый рейсъ до 15-го августа, и по 1.500 руб. за рейсъ послѣ этого срока. Этой суммы хватило бы конечно только на одинъ пароходъ. Но этого было бы совершенно достаточно на первое время для опыта, который показалъ бы, въ какой мѣрѣ пароходное сообщеніе вдоль западнаго берега Бѣлаго моря и Мурманскаго берега, соотвѣтствуетъ нуждамъ населенія и развитію мурманскаго рыболовства.

Значительное скопленіе промышленниковъ, въ нѣкоторыхъ становищахъ, обратило вниманіе мѣстнаго начальства на улучшеніе гигиеническихъ условій, въ теченіе 5 или 6 мѣсяцевъ, которые они проводятъ на Мурманскомъ берегу. Для этой цѣли, приняты мѣры къ доставленію промышленникамъ необходимѣйшей медицинской помощи, и предположено облегчить ихъ, безплатнымъ отпускомъ лѣса, въ устройствѣ больницъ по главнѣйшимъ становищамъ, и въ возобновленіи жилищъ, бань и кладовыхъ для посола рыбы, такъ какъ большая часть этихъ строеній пришла уже въ ветхость. Для доставленія помощи заболѣвшимъ, нѣсколько фельдшеровъ и докторъ, живущій въ Колѣ, обязаны дѣлать разѣзды по становищамъ. Въ этихъ отношеніяхъ — пишетъ г. Данилевскій — остается только согласиться на то, что уже сдѣлано, или предложено г. Архангельскимъ губернаторомъ; съ своей стороны замѣчаетъ лишь: а) Что отпускъ лѣса для строеній безъ взысканія за него поленныхъ денегъ не можетъ быть произведенъ въ одинъ годъ или нѣсколько лѣтъ, такъ какъ въ короткое время невозможно построить вновь и исправить большого количества строеній въ болѣе нежели 30 становищахъ. Число этихъ построекъ въ каждомъ становищѣ должно быть опредѣлено, и на каждый родъ постройки должна быть составлена предварительная, по возможности умѣренная, смѣта. На основаніи этой смѣты и могло бы быть отпускаемо то количество лѣса, которое ежегодно потребуется желающими

возвести то или другое строеніе, въ томъ или въ другомъ становищѣ. Дабы побудить промышленниковъ скорѣе воспользоваться этой льготой, долженъ быть опредѣленъ срокъ въ 10 или 12 лѣтъ послѣ котораго безпошлинный отпускъ лѣса долженъ прекратиться б) Относительно подачи медицинской помощи, объѣздъ 30 или 40 становищъ, расположенныхъ на пространствѣ 600 или 700 верстъ, однимъ докторомъ и нѣсколькими фельдшерами, долженъ оказываться во многихъ случаяхъ недостаточнымъ и обратиться въ пустую формальность. Но, такъ какъ главная болѣзнь, которой Поморы подвергаются, во время пребыванія на Мурманскомъ берегу есть цынга, то было бы не бесполезно, если бы Медицинскій Департаментъ составилъ краткую инструкцію, какъ пользоваться отъ этой болѣзни безъ помощи доктора: тогда могло бы быть вмѣнено въ обязанность всѣмъ хозяевамъ промысловъ ежегодно брать и отправлять съ промышленниками извѣстное количество самонужнѣйшихъ противоцинготныхъ лѣкарствъ.

Для установленія порядка въ становищахъ, предполагено устроить въ нихъ полицейское управленіе изъ выбранныхъ самими промышленниками старостъ. Разбросанность временнаго населенія Мурманскаго берега по значительному числу становищъ, при которой нигдѣ не бываетъ слишкомъ большаго скопленія народа, позволяла до сихъ поръ обходиться безъ особаго полицейскаго надзора. Если въ настоящее время стала чувствоваться въ немъ надобность, то это происходитъ единственно отъ усилившейся контрабанды ромомъ и другими крѣпкими напитками, привозимыми изъ Норвегіи. Эта торговля крѣпкими напитками вводитъ нерѣдко промышленниковъ, тамъ, гдѣ нѣтъ самихъ хозяевъ, въ соблазнъ вымѣнивать ихъ на рыбу и тресковый жиръ; а пьянство ведетъ къ ссорамъ и небрежному лову. Поэтому, если назначеніе старшинъ должно принести пользу, то главная обязанность ихъ должна заключаться въ недопущеніи привоза и продажи крѣпкихъ напитковъ. Но и эта мѣра сдѣлается совершенно бесполезною, если дозволено будетъ устраивать по становищамъ питейные дома, ибо пьянство, нынѣ все-таки случайное, обратится тогда въ постоянное и нормальное. Г. Данилевскій полагалъ бы, поэтому, что продажа крѣпкихъ напитковъ, какъ иностраннаго привоза, такъ и внутренняго приготовленія, должна быть совершенно запрещена, подобно тому какъ, на примѣръ, запрещенъ ввозъ ихъ въ Самоѣдскую тундру. Кромѣ сего, дабы учрежденіе въ становищахъ по-

лицейскаго надзора принесло дѣйствительную пользу, необходимо, чтобы, сверхъ надзора за недопущеніемъ торговли крѣпкими напитками, обязанности старостъ ограничивались: а) недопущеніемъ ссоръ и дракъ, и разборомъ возникающихъ между промышленниками взаимныхъ жалобъ; б) чтобы выборные старосты несли свою службу бесплатно, дабы не отягощать промышленниковъ новыми поборами. Для вознагражденія-же старостъ за ихъ труды, могли бы быть установлены почетныя награды медалями и т. п., для тѣхъ изъ нихъ, которые, будучи избираемы нѣсколько разъ, будутъ безупречно исполнять свои обязанности, подобно тому, какъ это установлено для старостъ выбираемыхъ ловцами въ баконныхъ полосахъ, предъ устьями Волги; в) чтобы старосты эти и прочіе полицейскіе чины не вмѣшивались въ надзоръ за соблюденіемъ гигиеническихъ условій. Лица, незнакомыя съ характеромъ рыбной промышленности, какъ за границею, такъ и въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества, приходятъ въ ужасъ отъ зловонія на Мурманскихъ становищахъ, происходящаго отъ того, что остатки отъ чистки рыбъ гніютъ въ окрестностяхъ ихъ. Но это зловоніе, какъ свидѣтельствуеъ г. Данилевскій по личному опыту, далеко не такъ сильно какъ, напримѣръ, по низовьямъ Волги, или по берегамъ Кубанскихъ лимановъ въ Черноморьи, гдѣ, отъ болѣе скученности народа, несравненно болѣе зловонія рыбы и болѣе жаркаго климата, зловоніе гораздо сильнѣе, и, тѣмъ не менѣе, не производитъ однако же чувствительнаго вліянія на здоровье промышленниковъ. Дурной запахъ—неизбѣжный спутникъ рыбной промышленности; и на рыбномъ рынкѣ, въ Архангельскѣ и въ другихъ городахъ, онъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Мурманскихъ становищахъ, гдѣ, при освѣжающемъ вліяніи морскихъ вѣтровъ, холодномъ климатѣ и весьма умѣренномъ количествѣ налавливаемой рыбы, отъ него не можетъ происходить ощутительнаго вреда. Болѣзни, которымъ подвергаются промышленники, суть главнымѣйшимъ образомъ горячка, ревматизмы и цынга. Онѣ зависятъ вовсе не отъ дурнаго воздуха, будто бы заражаемаго гніеніемъ рыбныхъ остатковъ, а первыя двѣ происходятъ отъ простудъ, неизбѣжныхъ, когда въ холодное и сырое время года вытягиваются яруса, и одежда ловцовъ промачивается морскою водою, температура которой гораздо ниже нуля. Что касается до цынги, то ею заболѣваютъ тѣ, которые, послѣ трудовъ пѣшеходнаго перехода отъ Кандалакши до Мурманскихъ становищъ, предаются бездѣя-

тельности и лѣни, въ первое время послѣ прихода, до начала лова. Кромѣ, этихъ причинъ, производящихъ болѣзни, условія, въ которыхъ находятся ловцы во время Мурманскаго промысла, весьма благопріятны для здоровья, и ловцы возвращаются обыкновенно съ Мурманскаго берега пополнѣвъ и разумянившись, такъ что это составляетъ даже поговорку въ Поморѣ. Наконецъ, удаленіе остатковъ, послѣ чищенія рыбы, рѣшительно неудобноисполнимо. Зарываніе этихъ остатковъ въ землю, на Мурманскомъ берегу, по причинѣ скалистой почвы, рѣшительно невозможно. Отвозить ихъ въ открытое море, часто довольно удаленное отъ становища, всегда расположеннаго при болѣе или менѣе вдавшейся въ материкъ губѣ, нельзя, по отсутствію лошадей. Выбрасываніе этихъ остатковъ въ губу ни къ чему не ведетъ, ибо каждый приливъ снова выбросить ихъ на берегъ. Этого мало. Если бы даже возможно было принять эти мѣры, то зловоніе все же не уничтожилось бы, ибо тресковые головы продолжали бы сушиться на солнцѣ по окрестнымъ скаламъ, а слѣдовательно отчасти и гнить; также точно, нельзя запретить и гноенія печенокъ, для добыванія жира, которое порождаетъ не малое зловоніе. Но извѣстно, что неудобноисполнимыя требованія составляютъ только постоянно открытый предлогъ для всевозможныхъ придиорокъ и всякаго рода противозаконныхъ поборовъ. Поэтому-то, необходимо, чтобы наблюденіе за удаленіемъ остатковъ отъ чистки рыбъ, за сушеніемъ тресковыхъ головъ въ отдаленіи отъ становищъ и т. п. мѣры не были включаемы въ число обязанностей какъ старостъ, такъ и вообще полицейскаго надзора за мурманскими становищами. Вредъ отъ такого вмѣшательства полицейскаго надзора въ промысловыя дѣла можетъ еще усиливаться тѣмъ, что невозможно назначить точныхъ границъ такому вмѣшательству, безъ чего нерѣдко могутъ быть дѣлаемы такія требованія, которыя совершенно не соотвѣтствуютъ своей цѣли. Такъ, напримѣръ, было высказано мнѣніе, что качеству трески вредитъ то, что въ амбарахъ, гдѣ ее солятъ до прибытія судовъ, нѣтъ половъ. Но подъ рыбу всегда подстилаютъ рожи, которыя всякій разъ стелются новыя; между тѣмъ, полъ, пропитавшись разсоломъ, служилъ бы постояннымъ источникомъ гніенія и зловонія.

7. *Морскіе звѣринные промыслы.*

Во время пребыванія г. Данилевскаго въ Архангельскѣ, дошли до него съ разныхъ сторонъ слухи о томъ, что новыя правила Устьянскаго промысла морскихъ звѣрей, заключающіяся въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта, 23-го мая 1866 года, весьма стѣснительны для промышленниковъ. Въ послѣдствіи было сообщено ему г. Архангельскимъ губернаторомъ всеподданнѣйшее прошеніе крестьянъ деревни Койды, препровожденное изъ Хозяйственнаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, для доставленія по оному отзыву. При посѣщеніи города Мезени и деревень Немюги и Лампожни, г. Данилевскій обратилъ на этотъ предметъ особенное вниманіе, и изъ распросовъ, какъ Мезенскихъ, такъ и Койденскихъ и Долгощелинскихъ промышленниковъ, убѣдился, что жалобы эти во многихъ отношеніяхъ совершенно основательны.

Общія основанія новыхъ правилъ Устьянскаго промысла изложены въ составленномъ г. Данилевскимъ второмъ отчетѣ объ изслѣдованіяхъ рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ на Бѣломъ и Ледовитомъ моряхъ; но, будучи дополнены мнѣніями мѣстнаго губернскаго начальства, они повели къ принятію черезчуръ стѣснительныхъ мѣръ излишнимъ вмѣшательствомъ во внутреннюю организацію промысла. Въ прежнія времена, Устьянскій промыселъ производился одною общеою артелью, и такой порядокъ, имѣя на своей сторонѣ многія преимущества, состоялъ главнѣйше въ томъ, что всѣ отправлялись въ море одновременно съ одного мѣста, и никто не спугивалъ звѣря напромышлявъ нужное для себя количество, ибо дѣлежъ производился поровну между всѣми хозяевами лодокъ, составлявшими одну артель. Такой порядокъ разстроился отъ нѣсколькихъ причинъ: 1) Увеличеніе числа промышленниковъ, въ два или три раза, сдѣлало то, что дѣйствіе одною общеою артелью стало неудобнымъ. 2) Большое число промышленниковъ съ Зимняго берега стало принимать участіе въ Устьянскомъ ловѣ, и изъ этихъ-то промышленниковъ образовалась, главнѣйшимъ образомъ, деревня Койда. Противоположность интересовъ между этими новыми промышленниками, поселенными у входа въ Мезенскій заливъ, и прежними (мезенцами, семжонами и проч.), занимавшими самый кутъ или уголъ залива, породила множество споровъ и столкновеній.

3) Многіе изъ хозяевъ перестали сами ходить на промыселъ, а покрутчики, менѣе заинтересованные въ удачѣ промысла, ибо издержки онаго лежатъ не на нихъ, не прилагали уже такого старанія, надѣясь, что, при общемъ дѣлежѣ добычи, имъ все-таки достанется какая-нибудь часть. Принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства, и понимая, какъ трудно возстановить однажды нарушенный общинный порядокъ, г. Данилевскій считаетъ необходимымъ ограничиться, для возстановленія прежняго устройства Устьинскаго лова, только тѣмъ, чтобы всѣ участвующіе въ промыслѣ собирались, къ опредѣленному дню, въ извѣстное мѣсто, и отправлялись оттуда не иначе, какъ вѣстѣ и съ общаго согласія, когда соберется полный комплектъ рабочихъ. Возстановленія-же одной артели и общаго дѣлежа добычи, хотя и считалъ весьма желательнымъ, не предлагалъ, не надѣясь на осуществленіе этой слишкомъ радикальной мѣры, при тѣхъ недружелюбныхъ отношеніяхъ, которыя существуютъ между Койдянами, выставляющими половину всѣхъ лодокъ, и прочими промышленниками. Для надзора за исполненіемъ этого постановленія, было предложено имъ выбирать особыхъ промысловыхъ старостъ изъ главнѣйшихъ селеній, принимающихъ участіе въ Устьинскомъ промыслѣ, и отъ Мезенскаго мѣщанскаго общества. Но, во 2-мъ § вновь утвержденныхъ правилъ, городу Мезени было предоставлено слишкомъ сильное въ этомъ дѣлѣ вліяніе, выборомъ двухъ старостъ, тогда какъ число мезенскихъ промышленниковъ почти вдвое меньше койденскихъ. Такое устройство промысловъ повлекло за собою множество неудобствъ. Нежелавшіе подчиняться промыслу одною артелью замедляли дѣло, не являлись къ сроку и даже упускали добычу, чтобы, какъ они говорили, не трудиться для другихъ, жалуясь, что многіе отставали отъ промысла и раньше срока возвращались на берегъ, въ надеждѣ все-таки получить долю изъ общей добычи. Другіе, въ той же надеждѣ, запасались недостаточнымъ количествомъ провіанта и, подъ предлогомъ пополненія его, возвращались домой. Къ этому присоединилось еще то, что мѣстное уѣздное начальство, въ своей излишней ревности, расширило, по недоразумѣнію, смыслъ новыхъ правилъ, запретивъ отправляться раньше срока назначеннаго для Устьинскаго промысла на Канутинъ мысъ, гдѣ бой морскихъ звѣрей обыкновенно начинается уже съ Алексѣева дня (17-го марта), и къ Устьинскому промыслу, который начинается не ранѣе начала апрѣля, вовсе не относится. Отъ этого запрещенія—отправляться своевременно на

Канутинъ мысъ—многіе промышленники потерпѣли значительные убытки.

Въ бытность г. Данилевскаго въ Мезени, гдѣ находились въ то время промышленники изъ Койды и Долгой-Щели, онъ старался сговориться съ ними относительно такого устройства Устьинскаго промысла, которое было бы, по-возможности, для всѣхъ безобидно, и ему удалось убѣдить какъ Койдянь, такъ и Мезенцовъ къ взаимнымъ уступкамъ. Невыгоды одной общей артели такъ выяснились для всѣхъ, двухлѣтнимъ опытомъ, что на сохраненіи ея не настаивали даже Мезенцы, которые прежде особенно сего желали. Гораздо труднѣе было согласить различныя притязанія промышленниковъ разныхъ мѣстностей относительно самаго существеннаго вопроса,—назначенія мѣста и времени для выхода въ море, такъ чтобы одни не имѣли преимущества передъ другими. Наиболѣе центральный пунктъ для сбора промышленниковъ есть Неринскій мысъ, лежащій съ лѣвой стороны устья рѣки Кулоя, откуда въ прежнія времена вся артель и отправлялась на промыселъ. Но, съ другой стороны, Абрамовъ мысъ, откуда желали отправляться Койдяне, имѣетъ то преимущество, что съ него, при наибольшемъ числѣ румбовъ вѣтровъ, гораздо скорѣе можно попасть на льды, гдѣ залегаютъ тюлени. Но эта мѣстность слишкомъ удалена отъ Мезени и Семжи, и, такъ какъ большинство промышленниковъ изъ этихъ мѣстностей не имѣютъ оленей, то, при бездорожьи, было бы имъ очень трудно попадать туда, съ лодками на полозьяхъ. Хотя Койдяне и не требовали, чтобы Щеляне, Мезенцы и Семжане непременно собирались на Абрамовъ мысъ, а предоставляли имъ право спускаться въ море гдѣ для нихъ удобнѣе; но, при отправленіи на промыселъ не ранѣе назначеннаго дня, невыгоды тѣхъ, которые не имѣли средствъ собираться на Абрамовъ мысъ, были слишкомъ очевидны, чтобы большинство Мезенцевъ и Семжанъ могло на это согласиться. Въ видахъ уравниенія для всѣхъ вѣроятностей добычи, было предложено г. Данилевскимъ, чтобы тѣмъ, которые будутъ собираться на Неринскій мысъ, было предоставлено право спускаться въ море нѣсколькими днями раньше собирающихся на Абрамовомъ мысу, на что всѣ охотно согласились.

Такъ какъ участіе разныхъ мѣстностей въ боѣ морскихъ звѣрей весьма различно, то вмѣсто выборныхъ старостъ, по одному съ каждой изъ этихъ деревень и двухъ отъ города Мезени, гораздо справедливѣе будетъ назначить по одному старостѣ съ извѣстнаго числа

отправляющихся въ море лодокъ. Наконецъ, весьма важно, чтобы срокъ для отправленія въ море былъ всегда назначаемъ заблаговременно, такъ чтобы никто не имѣлъ отговороки, что срокъ этотъ имъ слишкомъ поздно объявленъ. Что касается до промысла въ Мезенскомъ заливѣ на стрѣльныххъ лодкахъ, о которомъ въ отчетѣ Экспедиціи ничего не было упомянуто, по причинѣ его незначительности, такъ какъ онъ производится на талой водѣ за отдѣльными звѣрьми, собственно же Устьянскій ловъ — на льду за стадами отдыхающихъ лисуновъ; то между ними нѣтъ ничего общаго, и первый, по удостовѣренію всѣхъ промышленниковъ, никакой помѣхи послѣднему не дѣлаетъ. Посему и запрещеніе его излишне.

Ни этихъ основанійхъ, правила для устьянскаго лова могли бы быть изложены слѣдующимъ образомъ.

1. Подъ Устьянскимъ промысломъ разумѣется бой лисуновъ, производимый на льдахъ Мезенскаго залива.

Примѣчаніе. Границею Мезенскаго залива, къ которому только и должны примѣняться нижеслѣдующія правила, принимается прямая линія, идущая отъ мыса Воронова къ Канутину, чрезъ юго-восточную оконечность острова Моржовца.

2. Какъ производство Устьянскаго промысла, такъ и дѣлежъ добычи, одною или нѣсколькими артелями, предоставляется желанію самихъ промышленниковъ.

3. Для назначенія времени начала промысловъ и наблюденія за порядкомъ производства оныхъ, избираются на каждое трехлѣтіе промысловые старосты отъ города Мезени, деревень Койды, Нижи, Долгой-Щели, Семжи, Лампожни и Каргополя. На каждыя 20 лодокъ полагается по одному старостѣ. Для сего избранія соединяются Койда съ Нижею, Долгая-Щель съ Каргополемъ, Мезень съ Семжею и Лампожною, и если въ такомъ обществѣ, сверхъ 20 лодокъ, или кратнаго отъ этого числа, окажется еще болѣе десяти лишнихъ лодокъ, то и на такой излишекъ избирается староста; на излишекѣ же меньше десяти лодокъ особаго старосты не выбирается.

4. Старосты собираются въ г. Мезень, около двадцатыхъ чиселъ марта, и назначаютъ день, въ который промышленники должны спускаться въ море. День этотъ долженъ быть непременно назначенъ и объявленъ въ деревняхъ, поименованныхъ въ 3-й статьѣ, не позже Благовѣщенья (25-го марта).

5. Мѣстомъ для отправленія на Устьянскій промыселъ назна-

чаются Абрамовъ мысъ, или Неринскій мысъ, куда желающіе и собираются къ назначенному дню.

6. Время для отправленія на Устьинскій промыслъ, съ Неринскаго мыса назначается всегда четырьмя днями раньше срока, назначеннаго для отправленія съ Абрамова мыса, такъ что, если, на примѣръ, съ Абрамова мыса назначено отправиться 10-го апрѣля, то съ Неринскаго мыса можно уже пускаться на промыслъ 6-го апрѣля.

7. Отправленіе на Устьинскій промыслъ раньше назначеннаго срока запрещается, подѣ страхомъ взысканія 25 руб. штрафа, съ каждой нарушившей это правило лодки, и отобранія всей добычи.

8. Во время производства промысловъ, строго запрещается раскладывать огонь на вѣтрѣ отъ залежекъ звѣря, такъ какъ это можетъ спугнуть его и заставить удалиться. Уличенные въ намѣренномъ разложеніи огня, или вообще въ намѣренномъ спугиваніи звѣря, подвергаются штрафу въ 25 руб. съ каждой лодки, къ которой принадлежалъ нарушившій это правило промышленникъ, и отобранію всей добычи.

Относительно промысла морскихъ звѣрей было сдѣлано г. Данилевскимъ еще одно предложеніе, имѣвшее своимъ предметомъ не Устьинскій, а вывочный промыслъ, на Зимнемъ берегу, которое до сихъ поръ не было приведено въ исполненіе. Именно, онъ полагалъ запретить выходъ на зимнебережный промыслъ раньше 15-го февраля. Причины, побудившія его сдѣлать это предложеніе, въ подробности изложены на стр. 95-й и 96-й VI т. изслѣдованій о рыболовствѣ. Въ нынѣшнее его посѣщеніе Мезенскаго края, многіе промышленники снова обращали его вниманіе на важность этой мѣры.

Наконецъ, г. Данилевскій упоминаетъ о пошлинѣ, которую платятъ тюлене-промышленники, хотя и весьма ничтожной, но тѣмъ не менѣе для нихъ стѣснительной. Небольшихъ легкихъ лодокъ, съ которыхъ стрѣляютъ звѣрей на водѣ, и которыя приспособлены къ тасканію по льду, выходитъ изъ одного дерева отъ четырехъ до пяти штукъ. За такое дерево платится не болѣе 30 коп. попенныхъ денегъ, такъ что на каждую лодку приходится только отъ 6 до 8 коп. пошлины. Но, для обозначенія, что пошлина съ дерева, изъ котораго выстроена лодка, уже уплачена, требуется освидѣтельствованіе лѣсничаго и наложеніе на лодку вѣйма. Между тѣмъ, лѣсничій не во всякое время можетъ посѣтить разные при-

морскія мѣстности, гдѣ дѣлають такія лодки; промышленники-же часто не имѣють возможности дожидаться лѣснаго для спуска лодокъ въ море, и платять за это 1 руб. 20 коп. штрафу съ каждой лодки, т. е. отъ 15 до 20 разъ больше попенныхъ денегъ. Въ виду ничтожности этого попеннаго сбора, г. Данилевскій полагалъ бы возможнымъ, или совершенно его отмѣнить для лодокъ употребляемыхъ на охоту за морскими звѣрями, или, по крайней мѣрѣ, уменьшить штрафъ за неимѣніе клейма, до 20 коп. вмѣсто 1 руб. 20 коп. съ лодки.

Новоземельскіе промыслы имѣють своимъ главнѣйшимъ предметомъ также морскихъ звѣрей. Свѣдѣнія, собранныя Данилевскимъ объ нихъ, какъ въ прошлыя, такъ и въ настоящую его поѣзду въ Архангельскъ, вполне подтвердили замѣчанія г. академика Бѣра объ ихъ періодическомъ характерѣ. 1859 и 1860 годы, въ которые производились изслѣдованія сѣвернаго рыболовства, приходились именно въ періодъ величайшаго ихъ оскудѣнія, такъ какъ на Новую-Землю отправлялось тогда не болѣе 5 или 6 судовъ. Въ настоящее время, промыслъ этотъ снова началъ подниматься; въ прошломъ (1868) году ходило на Новую-Землю уже 17 судовъ, и результаты ихъ промысловъ были весьма удовлетворительны. Для удобства промышленниковъ, и въ гигиеническихъ видахъ, г. Архангельскій губернаторъ ходатайствовалъ объ устройствѣ, въ главныхъ становищахъ этого острова, избышекъ и бань, такъ какъ прежде тамъ находившіяся уже давно совершенно разрушились. Г. Архангельскій губернаторъ предполагалъ устроить до 22 избъ съ амбарами и 12 бань, которыя при даровомъ отпускѣ лѣса, стоили-бы казнѣ отъ 7.000 до 8.000 р. Въ отвѣтъ на ходатайство его, г. Министръ Финансовъ полагалъ достаточнымъ ограничиться бесплатнымъ отпускомъ лѣса изъ казенныхъ дачъ, предоставивъ постройку означенныхъ строеній самимъ промышленникамъ. Я убѣжденъ, что такая полумѣра не привела бы рѣшительно ни къ какимъ результатамъ. Время, въ которое возможно посѣщеніе этой полярной страны, такъ коротко, что оно должно быть все употреблено на промыслъ звѣрей и ловъ гольцевъ (родъ семги), и ни одинъ промышленникъ не будетъ имѣть возможности заняться, въ теченіе его, постройкою избъ, не отказавшись совершенно на этотъ годъ отъ добычи, т. е. не затративъ, совершенно непроизводительно, довольно значительнаго по своимъ средствамъ капитала на снаряженіе судна. Этого мало. Такъ какъ всѣ ра-

ботники нанимаются изъ покрута, т. е. суть пайщики предпріятія, то хозяева, которые вздумали бы взять на себя постройку избышекъ и бань, должны бы были, кромѣ всѣхъ напрасныхъ расходовъ на снаряженіе судовъ, выплатить изъ своего кармана ту долю, которая, по примѣрному расчету, пришлась бы на пай покрутичиковъ, на что очевидно никто не рѣшится. Если, посему, правительство желаетъ оказать нѣкоторую помощь нашимъ Новоземельскимъ промышленникамъ, то должно принять всѣ расходы по постройкѣ избы и бань — на свой счетъ. Въ виду возможнаго сокращенія казенныхъ издержекъ, число избышекъ можетъ быть уменьшено. Именно, по словамъ самихъ Новоземельскихъ промышленниковъ, можно бы ограничиться постройкою 12 избы и 8 бань въ слѣдующихъ 4 становищахъ, гдѣ пристаеъ наибольшее число судовъ: въ Пѣтухахъ, въ Логиновыхъ-Крестахъ, у Маточкина-Шара и въ Баренцѣ (лежащемъ уже на сѣверномъ островѣ). Издержки, которыя сохранились бы чрезъ это, могли бы быть, съ большою пользою, употреблены на устройство избы въ другихъ пустынныхъ мѣстахъ, именно: 5 избы вдоль пути, которому слѣдуютъ Поморы, отправляясь зимою изъ Кандалакши на Мурманскій берегъ, въ которыхъ могли бы они отогрѣться и хотя нѣсколько отдохнуть отъ утомительнаго пути. Остальныя затѣмъ 5 избышекъ полезно бы было построить на самой оконечности Канина носа, называемой Тонкимъ (точно также, какъ и оконечность Арабатской косы въ Азовскомъ морѣ), какъ съ бѣломорской, такъ и съ океанской стороны, по одной избышкѣ, и далѣе по одной же избы: на островѣ Коргѣ, лежащемъ въ 70 верстахъ отъ берега Канинской тундры, противъ Кѳлгуева; у Микулкина носа, при заворотѣ въ Чешскую губу, въ 80 верстахъ къ востоку отъ Корги; и на западномъ берегу Чешской губы на Лудоватомъ мысѣ, верстахъ въ 60 отъ Микулкина мыса. Устройство этихъ избышекъ было бы весьма полезно, какъ для промысла лисуновъ, идущихъ вдоль Канинскаго берега въ Бѣлое море, и тѣмъ же путемъ выходящихъ изъ него въ океанъ, такъ, можетъ быть, и для лова трески, которой довольно много у Канина мыса, и куда Мезенскимъ промышленникамъ было бы гораздо удобнѣе отправляться, чѣмъ на отдаленный Мурманскій берегъ. Въ недавнее время, лѣтъ 35 тому назадъ, въ этихъ мѣстностяхъ, именно въ Тархановѣ, верстахъ въ 8 къ югу отъ Канина носа, а также въ Воловѣ, въ 20 верстахъ къ сѣверу отъ мыса Канутина, и даже на Кѳлгуевѣ,

были поселенія раскольниковъ, гдѣ они жили зиму и лѣто, занимаясь промыслами звѣрей и рыбы. Въ Архангельскѣ была тогда Контора отъ раскольниковъ Давилова монастыря Олонецкой губерніи. Въ эту Контору сбывали они продукты своихъ промысловъ, а Контора доставляла имъ снасти и продовольствіе. Раскольниковы поселенія, на столь отдаленномъ сѣверѣ, приносили конечно большую пользу въ промышленномъ отношеніи; по пустынности-же мѣста жительства едва-ли могли приносить какой либо вредъ въ религіозномъ отношеніи. Но Архангельская Контора была уничтожена, и осѣдлыя поселенія по берегамъ Канинской тундры исчезли, оставивъ лишь едва замѣтные слѣды бывшихъ тутъ человѣческихъ жилищъ.

Такъ какъ Канинъ носъ и берегъ, простирающійся отъ него на востокъ, имѣютъ неплодную каменистую почву, то невозможно надѣяться, чтобы кто-либо добровольно на нихъ поселился, не имѣя на то какихъ-либо особыхъ причинъ, какъ напримѣръ жившіе тутъ раскольники; поэтому постройка избышекъ въ указанныхъ мѣстахъ, такъ какъ онѣ могутъ служить лишь для временнаго пристанища промышленниковъ, должна быть непременно сдѣлана на казенный счетъ. Но на поселенія въ менѣе негостепріимныхъ мѣстностяхъ, по сѣверо-восточному берегу Мезенскаго залива и по восточному берегу Бѣлаго моря, къ сѣверу отъ Канутина мыса, есть и нынѣ охотники, которые не потребовали бы отъ Правительства ничего, кромѣ дароваго отпуска лѣса и тѣхъ временныхъ льготъ, которыя даны желающимъ поселиться на Мурманскомъ берегу. Наиболѣе удобными для сего мѣстами считаются устья рѣкъ Шойны и Ки, впадающихъ въ Бѣлое море на Канинскомъ берегу, и рѣки Яжмы, впадающей въ сѣверную часть Мезенскаго залива. Во время посѣщенія г. Данилевскимъ города Мезени, ему указывали, какъ на желающихъ поселиться, на мѣщанъ: Ѳедора Калининцова и Павла Окладникова на Киѣ, Андрея Тихонова на Шойнѣ, Михаила Коткина на Яжмѣ, а также на нѣкоторыхъ крестьянъ селенія Семжи. Устья названныхъ рѣкъ изобилуютъ превосходными лугами и пастбищами, сами рѣки рыбою, а море доставляетъ удобства для звѣриныхъ промысловъ. Поэтому, должно надѣяться, что эти поселенія, пользуясь большимъ привольемъ, скоро достигли бы значительной степени благосостоянія, подобно теперешнимъ поселеніямъ на Индигѣ, впадающей въ Чешскую губу. Препятствіемъ къ этимъ поселеніямъ служить опасеніе, чтобы они не

стѣснили Самоѣдовъ, собственностью которыхъ считается тундра. Но, поселившись при устьяхъ рѣкъ, для разведенія скота, поселенцы, пользуясь лугами и пастбищами, не причинили бы никакого вреда Самоѣдамъ, такъ какъ для оленей нуженъ мохъ, а не трава поемныхъ луговъ. Если бы, однако, поселенцы захотѣли завести и оленей, то на нихъ можно бы было наложить небольшую покопытную подать въ пользу Самоѣдовъ. О важности такихъ поселеній на отдаленномъ сѣверѣ нечего много распространяться; ибо, кромѣ общей пользы отъ расселенія народа по обширнымъ пустыннымъ пространствамъ Архангельской губерніи, о которой было говорено выше, достаточно обратить вниманіе на важность образованія поселковъ, вдоль пустынныхъ береговъ сѣверныхъ морей, для терпящихъ крушеніе мореплавателей. Такъ въ прошломъ году, одно англійское судно потерпѣло крушеніе, возвращаясь съ устья въ Печоры. Изъ спасагося на берегъ экипажа, двое погибли отъ голода и холода; погибли бы и остальные, если бы не были найдены Зырянами, пасшими въ тундрѣ оленей. Поселенія вдоль Канинскаго берега Бѣлаго моря и по Тиманскому берегу тѣмъ желательнѣе, что они въ настоящее время совершенно пустыны, между тѣмъ какъ на противоположныхъ Терскомъ и Мурманскомъ берегахъ существуютъ уже деревня Поной и заштатный городъ Кола, а въ лѣтнее навигаціонное время всѣ становища наполняются промышленниками.

Вѣроятно найдутся охотники селиться не у устья только трехъ названныхъ рѣкъ, но и въ другихъ привольныхъ мѣстахъ тундры. Посему, весьма полезно общее постановленіе, которое разрѣшало бы такія поселенія всякому, гдѣ кто пожелаетъ, съ тѣмъ лишь, чтобы поселенцы были обязаны уплачивать извѣстный покопытный сборъ, если пожелаютъ, между прочимъ, заниматься и оленеводствомъ.

Въ бытность Данилевскаго въ Мезени, онъ разспрашивалъ также промышленниковъ о Чешской губѣ, и они всѣ подтвердили ему справедливость свѣдѣній, доставленныхъ Поповымъ, какъ объ изобиліи тамъ звѣрей, такъ и объ удобствахъ боя ихъ на льдахъ, ибо воды тамъ тихія. По несчастію, въ тотъ годъ, когда тамъ былъ Поповъ, господствовали относные вѣтры, что соотвѣтствовало удачнымъ промысламъ на Зимнемъ берегу. Переездъ на оленяхъ на Чешскую губу, черезъ Канинскій перешеекъ, не затруднительнѣе, чѣмъ напримѣръ переездъ изъ Мезени на Канутинъ мысъ. Но,

небогатые промышленники не рискуютъ туда отправляться, боясь, погнавшись за новымъ и неизвѣстнымъ, упустить старое и извѣстное, такъ какъ промыселъ на Чешской губѣ долженъ производиться въ то же время, какъ и на Зимнемъ берегу, или въ Мезенскомъ заливѣ. Посему, всего полезнѣе было бы, по мнѣнію г. Данилевскаго, отдать безденежно зимніе и весенніе звѣриные промыслы на Чешской губѣ, лѣтъ на пять или на шесть, въ исключительное содержаніе какому-либо купцу или богатому промышленнику, который пожелалъ бы этимъ заняться. Мезенскіе промышленники утверждаютъ, что это никого бы не стѣснило, что многіе стали бы наниматься на Чешскіе промыслы изъ покрута, а по окончаніи пяти или шестилѣтняго срока, привыкнувъ къ новымъ промысламъ, вѣроятно и сами стали бы заниматься ими, уже на свой счетъ и страхъ. Ловъ бѣлуги, стрѣльня звѣря на водѣ и рыбные промыслы, которыми занимаются немногіе поселенцы по рѣкамъ, впадающимъ въ Чешскую губу, должны бы оставаться попрежнему свободными и при отдачѣ въ исключительное содержаніе боя звѣрей на льдахъ, въ зимнее и весеннее время.

Относительно Новоземельскихъ промысловъ должно еще прибавить, что въ два послѣдніе года стали и туда являться норвежскія суда и даже пароходы, которые стѣсняють нашихъ промышленниковъ, тѣмъ болѣе, что употребляютъ огнестрѣльное оружіе для боя морскихъ звѣрей, чего наши не дѣлають. Эта стрѣльба пугаетъ звѣрей. Посему, промышленники просятъ, чтобы Норвежцамъ запрещено было ходить на Новую-Землю, на что они никакого, кажется, права не имѣють. Если Новоземельскіе промыслы не могутъ выдержать долговременной охоты одними нашими промышленниками, а періодически уменьшаются, то тѣмъ болѣе оснований не допускать туда иностранцевъ.

8. Солевареніе.

Вслѣдствіе ходатайства г. Архангельскаго губернатора, какъ Министерствомъ Финансовъ, такъ и Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, сдѣлано нѣсколько облегченій и льготъ въ пользу солеваренія въ Архангельской губерніи, пришедшаго въ послѣдніе годы въ совершенный упадокъ, по невозможности соперничать съ иностранною солью, которая пользовалась многими облегченіями сравнительно съ солью, привозимою въ прочіе порты Имперіи

Такъ какъ центральное правительство раздѣляетъ, въ этомъ отношеніи, взгляды мѣстнаго губернскаго начальства, г. Данилевскій ограничивается немногими замѣчаніями, имѣющими цѣлью показать, что льготы, дарованныя архангельской соляной промышленности, недостаточны и, подобно всѣмъ полумѣрамъ, не могутъ достигнуть своей цѣли. Облегченія, которыми пользовалась иностранная соль при ввозѣ въ Архангельскую губернію, заключались въ слѣдующемъ:

1. На Мурманскій берегъ беспошлинный ввозъ соли былъ допущенъ въ неограниченномъ размѣрѣ, между тѣмъ какъ русская соль этою привилегіею не пользовалась. На это было обращено вниманіе еще экспедиціею, изслѣдовавшею сѣверное рыболовство, такъ какъ вліяніе этой мѣры не ограничивалось стѣсненіемъ нашей соляной промышленности, но, за недостаткомъ конкуренціи, не содѣйствовало даже, въ настоящей мѣрѣ, удешевленію соли на самомъ Мурманскомъ берегу.

2. Въ Бѣломорскіе порты былъ разрѣшенъ беспошлинный привозъ 21.000 пудовъ иностранной соли, также въ видахъ облегченія рыбной промышленности. Но, такъ какъ эту соль, въ каждой мѣстности, скупалъ какой-либо одинъ торговецъ и потомъ перепродавалъ по произвольной цѣнѣ, то и эта соль не дешево обходилась рыбопромышленникамъ.

3. Вся иностранная соль, ввозимая въ порты Архангельской губерніи, платила только 22 к. пошлины съ пуда, вмѣсто 35 к., которыми обложена иностранная соль въ прочихъ русскихъ портахъ.

Министерство Финансовъ согласилось на слѣдующія измѣненія этихъ мѣръ.

1. Соль, вывариваемая въ Архангельской губерніи, освобождена отъ акциза при вывозѣ на Мурманскій берегъ, съ тѣмъ, чтобы каждый разъ отпускалось съ солеварень не менѣе 1.000 пудовъ. Это ограниченіе въ значительной степени ослабляетъ полезное дѣйствіе самой мѣры. Удешевленіе соли на Мурманскомъ берегу могло бы тогда имѣть мѣсто, когда бы она привозилась нѣсколькими судами, въ каждое, или по крайней мѣрѣ въ главнѣйшія становища. Но рѣдкій промышленникъ, отправляясь на Мурманскій берегъ, захочетъ нагрузиться одною солью, какъ потому, что значительная часть груза можетъ остаться у него на рукахъ непроданною, такъ, еще болѣе, и потому, что почти каждый изъ нихъ, заѣзжая въ Мурманскія становища, отправляется потомъ въ Нор-

вегію, куда долженъ брать муку, крупу, лѣсъ и вообще такіе товары, которые могъ бы тамъ сбыть, или вымѣнять на рыбу. При небольшихъ же размѣрахъ поморскихъ судовъ, которыя, по большей части, поднимаютъ не болѣе 2.000 и даже только 1.500 пуд., грузъ соли въ 1.000 пуд. будетъ для нихъ слишкомъ великъ. Посему, размѣръ безакцизнаго отпуска соли на Мурманскій берегъ слѣдовало бы уменьшить до 300 пудовъ. Такъ какъ, далѣе, Печора находится совершенно въ такомъ же положеніи, относительно затруднительности полученія соли для посола рыбы, какъ и Мурманскій берегъ, то безакцизный отпускъ соли слѣдовало бы распространить и на Печору. Это имѣло бы еще то полезное вліяніе, что многіе Поморы, имѣя товаръ, который могли бы сбывать на Печорѣ, стали бы отправлять туда свои суда и забирать семгу и другую рыбу. Чрезъ это возникла бы конкуренція между ними и Чердынцами, единственными покупателями Печорской рыбы весенняго и лѣтняго улововъ, и рыба, превосходная по своимъ качествамъ, но дурно солимая, стала бы лучше приготовляться и увеличилась бы въ своей цѣнности.

2. Безпошлинный привозъ 21.000 пудовъ соли въ порты Бѣлаго моря отмѣненъ. Эта мѣра, конечно, полезна, но недостаточна: можно опасаться, что чрезъ это вздорожаетъ соль, употребляемая для посола сельдей, семги и вообще рыбы, ловимой въ Бѣломъ морѣ. Въ виду этого, разрѣшено соль, вывариваемую въ Архангельской губерніи, при употребленіи оной на мѣстахъ производства на посолъ рыбы, освободить отъ акциза, также какъ и ту, которая вывозится на Мурманскій берегъ. Но при этомъ рождается вопросъ, что должно разумѣть подъ посоломъ рыбы на мѣстахъ производства соли, и какъ великъ будетъ районъ этого мѣстнаго производства? Можетъ ли, напримѣръ, соль, вываренная въ Керети, идти на посолъ рыбы въ Умбѣ, или нѣтъ? Если принимать этотъ районъ въ тѣсномъ смыслѣ того населенія, или даже той волости, въ которой соль варится, то для многихъ заводовъ тутъ никакого облегченія не будетъ. Напримѣръ, лучший заводъ для выварки морской соли, Красногорскій, принадлежавшій полковнику Никитину и нынѣ не дѣйствующій, или Кулойскій, никакого облегченія отъ этого не получаютъ, такъ какъ въ непосредственной близости ихъ рыба не ловится; съ другой стороны, въ большинствѣ случаевъ, рыбная промышленность никакой пользы отъ этой мѣры не получить, ибо не вездѣ, гдѣ ловится рыба, удобно построить солеваренный заводъ.

Если же, напротивъ того, районъ мѣстнаго производства расширить на все Бѣлое море, или даже только на цѣлый уѣздъ, то весьма будетъ трудно услѣдить, дѣйствительно ли на посоль рыбы, а не на другое употребленіе, идетъ безакцизно отпускаемая соль, такъ что пришлось бы можетъ быть и всю соль отпускать безъ акциза, что, конечно, было бы весьма полезно для Архангельской губерніи, но можетъ быть не соотвѣтствуетъ видамъ Министерства Финансовъ. Выйти изъ этого затрудненія можно, по мнѣнію г. Данилевскаго, не иначе, какъ назначивъ вмѣсто опредѣленнаго количества иностранной соли, допускавшагося къ беспошлинному ввозу, опредѣленное же количество соли внутренняго приготовленія, для безакцизнаго отпуска на посоль рыбы. Это общее количество должно бы уже распредѣляться мѣстнымъ начальствомъ между отдѣльными варницами, смотря по значительности рыболовства въ сосѣднихъ съ нею мѣстностяхъ. Имѣя въ виду усиленіе рыболовства, это количество могло бы быть опредѣлено, вмѣсто 21.000, въ 30.000 пудовъ, и распредѣленіе ихъ между заводами должно бы производиться на нѣсколько, напримѣръ на пять лѣтъ впередъ, по истеченіи которыхъ долженъ бы дѣлаться новый передѣлъ, такъ какъ въ это время могутъ возникнуть новыя заводы.

Но, и въ такомъ видѣ, мѣры эти не поведутъ еще къ значительнымъ результатамъ, ибо иностранная соль, платя только 22 к. пошлыны съ пуда, и пользуясь почти даровымъ провозомъ въ видѣ баласта, въ состояніи убить выварку соли, идущей на другое употребленіе, чѣмъ на посоль Мурманской, Печорской и Бѣломорской рыбы. Чтобы соль внутренняго производства имѣла возможность конкурировать съ иностранною, необходимо обложить эту послѣднюю, если не тою же пошлиною, какая взимается въ прочихъ портахъ Имперіи, то по крайней мѣрѣ въ 30 коп., вмѣсто 22 к., съ пуда. Въ самомъ дѣлѣ, если на посоль рыбы будетъ допускаться безакцизная русская соль, то трудно отыскать причину на продолженіе привилегіи, которою пользуется иностранная соль въ Архангельской губерніи, къ ущербу соляной промышленности въ мѣстностяхъ, гдѣ такъ настоятельно необходимо развитіе всякаго рода промысловъ. Что касается до попеннаго сбора за дрова, употребляемые при вываркѣ соли, то дозволеніемъ, даннымъ г. Министромъ Государственныхъ Имуществъ, взимать его вмѣстѣ съ акцизомъ, вопросъ этотъ получилъ уже, кажется, совершенно удовлетворительное рѣшеніе.

9. *Охота за бѣлками, птицами и нѣкоторыя новыя отрасли промышленности, которыя могли бы быть завезены на сѣверъ.*

Собственно охота за бѣлками и дичью не требуетъ никакихъ особенныхъ мѣръ со стороны правительства, ни для своего развитія, ни для охраненія животныхъ, составляющихъ предметъ ея. Изобиліе бѣлокъ зависитъ почти исключительно отъ урожая шишекъ на хвойныхъ деревьяхъ. Если нѣтъ шишекъ, бѣлки перекочевываютъ въ Сибирь, при урожаѣ же ихъ, снова населяютъ Архангельскіе лѣса. Что же касается до дичи, то только двѣ породы ея составляютъ предметъ торговли: рябчики и тетерева. Постояннаго уменьшенія этихъ птицъ опасаться нечего, какъ по обширности лѣсовъ, въ глубь которыхъ охотники проникаютъ не болѣе 50 или 60 верстъ отъ мѣстъ ихъ жительства, такъ и потому, что въ теченіе всего лѣта, въ то время, когда птицы высиживаютъ яйца и подрастаютъ молодые птенцы, охоты за ними не бываетъ. Она начинается не ранѣе конца сентября, когда холодное время позволяетъ уже сохранять набитую дичь, а оканчивается около Рождества, когда глубокіе снѣга затрудняютъ хожденіе по лѣсамъ. Единственное средство увеличить количество набиваемой птицы, безъ всякаго опасенія за оскудѣніе ея, заключается въ увеличеніи числа поселеній среди лѣсовъ, по берегамъ рѣчекъ, въ удобныхъ для скотоводства или земледѣлія мѣстахъ (см. выше), которыя сдѣлаются новыми центрами для отправленія охотниковъ. Но, если нельзя быстро увеличить количества убиваемыхъ цѣнныхъ породъ дичи, тетеревей и рябчиковъ, можно зато извлекать гораздо больше пользы изъ породъ дикихъ птицъ менѣе цѣнныхъ, которыя и нынѣ убиваются въ значительныхъ количествахъ, но не составляютъ предмета торговли. Таковы, въ особенности, бѣлыя куропатки и дикіе гуси. На Печорѣ, въ иные годы, такъ много бываетъ бѣлыхъ куронокъ, что, не зная что съ ними дѣлать, жители валятъ ихъ по 30 и 40 штукъ разомъ въ котелъ. Одно перо идетъ въ продажу, и выше мы видѣли, что за границу отпускается лишь до 8.000 пудовъ такъ называемаго полуперья, т. е. пера, смѣшаннаго съ пухомъ; всего же закушалось Архангельскими купцами, въ нѣкоторые годы, до 12.000 пудовъ этого пера. Такъ какъ 300 куронокъ даютъ пудъ пера, то это количество соответствуетъ 3.600.000 куронокъ; а какъ, конечно, не все перо съ убитыхъ

птицъ поступаетъ въ продажу, иное бросается, иное употребляется самими крестьянами на набивку перинъ и подушекъ, то можно положить, не опасаясь преувеличенія, что въ такіе изобильныя годы налавливается до 4.000.000 куропатокъ. Охота за куропатками производится, по крайней мѣрѣ зимою такъ что мясо ихъ идетъ въ неиспорченномъ видѣ на пищу человѣка. Съ гусями же поступаютъ гораздо хуже. Во время линянія гусей на тундрахъ, сгоняютъ ихъ, когда они не могутъ летать, стадами вдоль рѣчекъ въ главную рѣку, куда тѣ впадаютъ, и такъ до самой Печоры. Здѣсь убиваютъ ихъ десятками и сотнями тысячъ. Охота эта была неоднократно описана путешественниками на Печору. Количество убитыхъ гусей бываетъ такъ велико, что съ ними не успѣваютъ убираться, ощипывать, чистить и солить, да притомъ жалѣютъ и соли. Поэтому, продаютъ этихъ полугнилыхъ гусей за безцѣнокъ. Огромное количество гусей собирается также на Кѳлгуевѣ, гдѣ съ ними поступаютъ такимъ же образомъ. Изъ сказаннаго видно какъ важно было бы готовить это огромное число птицъ такимъ образомъ, чтобы онѣ могли выдержать дальнюю перевозку, или извлекать изъ нихъ какіе либо цѣнные продукты. Если правительство желаетъ оказать свое содѣйствіе новой отрасли промышленности, которая могла бы возникнуть на отдаленномъ сѣверѣ, то въ настоящее время представляется для этого весьма благопріятный случай.

Въ числѣ лицъ, сосланныхъ за послѣднее Польское возстаніе въ отдаленныя мѣстности Россіи, нѣкто Клечковскій, человѣкъ очень искусный и предприимчивый, попалъ въ городъ Пинегу. Здѣсь устроилъ онъ, съ самыми небольшими средствами, въ маломъ видѣ заводъ, на которомъ готовится бульонъ изъ дичи самаго превосходнаго качества, бульонъ изъ тресковыхъ головъ, отъ которыхъ онъ нашелъ даже средство отбивать непріятный запахъ, свойственный сушеной трескѣ, и копченые оленье языки, а изъ остатковъ варятся клей и мыло. Предметы эти нашли себѣ сбытъ даже въ Варшавѣ. Въ послѣдствіи Клечковскій получилъ разрѣшеніе ѣхать на родину, куда и отправился. Но, не желая бросить начатаго имъ производства, онъ просилъ дозволенія возвращаться въ Пинегу, для личнаго надзора за своимъ заведеніемъ, что и было ему разрѣшено. Заводъ Клечковского представляетъ благопріятный случай осуществить одно изъ предложеній, сдѣланныхъ Данилевскимъ еще въ качествѣ начальника экспедиціи для изслѣдованія рыбныхъ и

звѣриныхъ промысловъ на Бѣломъ и Ледовитомъ моряхъ. Во время посѣщенія Печорскаго края, г. Данилевскій убѣдился, что многія Печорскія рыбы, какъ то: чирь, пеляди, въ особенности же нельмы и омули, принадлежащія къ сиговому роду, а также семга, не смотря на превосходныя ихъ природныя качества, теряютъ, отъ дурнаго приготовленія, все свое достоинство; тогда какъ въ копченомъ видѣ могли бы съ успѣхомъ соперничать: омули — съ знаменитыми Невскими и Ладожскими сигаами, нельма — съ Волжскою бѣлорыбицею, а Печорская семга — съ Рижскою копченою семгою. Для этого г. Данилевскій предлагалъ тогда устройство небольшой компаніи, которая занялась бы приготовленіемъ этихъ продуктовъ; но въ теченіе девяти лѣтъ, протекшихъ со времени этого предложенія, не нашлось никого, кто пожелалъ бы его осуществить. Если бы г. Ключевскій согласился перенести свою дѣятельность на Печору, то не только предложеніе Данилевскаго получило бы надлежащій ходъ, но къ этому присоединились бы производства, которыя въ будущемъ могли бы получить еще болѣе важную роль. Г. Ключевскій, какъ видно изъ его докладной записки, и самъ имѣлъ намѣреніе перенести свою дѣятельность на Печору, гдѣ она могла бы получить несравненно обширнѣйшіе размѣры, нежели въ Пинежѣ; но отъ этого удерживали его — сначала положеніе ссыльнаго, а теперь недостатокъ денежныхъ средствъ. Просимые Ключевскимъ 5.000 р. займа, безъ процентовъ на 5 лѣтъ, составляютъ весьма умеренную сумму, которая, по всѣмъ вѣроятностямъ, съ избыткомъ вознаградится тою пользою, которую должна принести его дѣятельность въ столь пустынномъ и отдаленномъ краю, какъ Печорскій. Для сбыта продуктовъ, которые сталъ бы добывать г. Ключевскій, могла бы съ большимъ удобствомъ служить Пинежская Никольская ярмарка, куда и въ настоящее время свозится много продуктовъ Печорскаго края, и которая начинаетъ пріобрѣтать все болѣе и болѣе значеніе. Во время поѣздки Данилевскаго на Печору, Пинежская ярмарка была еще чисто-мѣстнымъ торгомъ, а въ настоящее время на нее уже пріѣзжаютъ многіе купцы изъ Вологодской губерніи, и запаваются тамъ не только спеціальными продуктами крайняго сѣвера, но скупаютъ уже и такіе предметы, какъ коровье масло, для отправки его въ Петербургъ. Въ нѣсколько лѣтъ, количество масла, туда свозимаго, увеличилось уже втрое и составляетъ не менѣе 3.000 пудовъ (на 18.000 р.). Самый видъ города съ того времени

значительно улучшился; въ немъ уже нѣсколько каменныхъ строеній, что весьма много для уѣзднаго города Архангельской губерніи.

Къ сказанному г. Данилевскій присовокупляетъ, что Императорское Вольное Экономическое Общество и Медицинскій Департаментъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, которымъ были представлены нѣкоторые продукты, выдѣлываемые г. Клечковскимъ, отзываются объ нихъ весьма одобрительно; съ другой-же стороны, г. Архангельскій губернаторъ свидѣтельствуетъ о полной благонадежности Клечковского.

10. Устройство Печорскаго края.

Во время управленія Архангельскою губерніею княземъ Гагаринымъ, обращено было вниманіе и на отдаленный Печорскій край, и съ этою цѣлію снаряжена была особая экспедиція, представившая подробный отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ.

На основаніи свѣдѣній, доставленныхъ этою экспедиціею, и другихъ соображеній, сдѣланы г. Архангельскимъ губернаторомъ два существенно важныя предложенія: 1) соединеніе всего Печорскаго края, раздѣленнаго нынѣ между тремя губерніями, въ одно административное цѣлое — особый Печорскій уѣздъ Архангельской губерніи, и 2) обращеніе Печорскаго порта, не получившаго еще до сихъ поръ юридическаго существованія, въ порто-франко.

Печорскій край составляетъ совершенно особенную мѣстность, ограниченную съ сѣвера океаномъ, съ запада обширнымъ, почти не заселеннымъ пространствомъ верстъ въ семьсотъ, съ юга также почти двухсотверстною незаселенною странюю, съ востока же обширными тундрами и Уральскимъ хребтомъ. При такой замкнутости и затруднительности сообщенія Печорскаго края съ окружающими его мѣстностями, самъ онъ прорѣзывается, во всю длину, огромною судоходною рѣкою, по которой и расположены всѣ заселенныя мѣста, что чрезвычайно облегчаетъ внутреннія сообщенія края. Такая обособленность края дѣлаетъ изъ него какъ административную, такъ и экономическую единицу: поэтому ничего не можетъ быть основательнѣе, какъ образованіе изъ него особеннаго уѣзда. Въ этомъ отношеніи, г. Данилевскій считаетъ необходимымъ сдѣлать одно только замѣчаніе. Образованіе особаго Печорскаго уѣзда необходимо должно повлечь за собою уни-

чтоженіе Мезенскаго уѣзда; ибо, за выдѣленіемъ Печорскаго края, остающаяся часть будетъ слишкомъ мала для того, чтобы составить отдѣльный уѣздъ, и ее предположено присоединить къ Пинежскому уѣзду. Но, съ обращеніемъ Мезени въ заштатный городъ, какъ Мезенскіе мѣщане, такъ и жители окрестныхъ деревень, потеряютъ не малую часть и безъ того скудныхъ средствъ къ существованію; ибо уѣздная администрація всетаки доставляла нѣкоторые заработки окрестному населенію, потребляя многіе продукты мѣстнаго производства. Выше предложенная мѣра—устройство лѣсопильнаго завода—должна оживить какъ самую Мезень такъ и весь 1-й станъ уѣзда (не выходящій въ составъ Печорскаго края) въ несравненно сильнѣйшей степени, нежели сколько мѣстность эта потерпитъ отъ упраздненія въ ней уѣзднаго центра. Въ интересахъ бѣднаго средствами населенія Мезени и его окрестностей, было бы весьма важно, чтобы упраздненіе Мезенскаго уѣзда послѣдовало не прежде, чѣмъ приступлено будетъ къ устройству Мезенскихъ лѣсопильныхъ заводовъ.

Что касается до устройства порто-франко, то беспошлинный привозъ товаровъ не можетъ ограничиваться однимъ портомъ въ низовьяхъ Печоры, куда будутъ приставать корабли, такъ какъ, какая бы мѣстность для сего ни была избрана, малолюдность ея совершенно уничтожила бы всю пользу, которой можно ожидать отъ этой мѣры для развитія торговли съ Печорою. Поэтому, въ порто-франко долженъ быть обращенъ весь Печорскій край, и притомъ безъ всякаго наблюденія за непровозомъ иностранныхъ товаровъ внутрь Россіи. По сему, эта мѣра можетъ быть приведена въ исполненіе только отчасти; ибо, какъ ни затруднительны сообщенія Печорской области съ окружающими ее частями губерній Архангельской, Вологодской, Пермской и Тобольской, многіе мануфактурные товары представляютъ столь значительную цѣнность въ маломъ объемѣ, что провозъ ихъ въ прочія мѣстности Россіи былъ бы выгоденъ, не смотря на затруднительность сообщеній. По этому, г. Данилевскій полагалъ бы возможнымъ допустить беспошлинный ввозъ на Печору только колоніальныхъ товаровъ и предметовъ продовольствія, а не продуктовъ фабричной промышленности. Кромѣ этой мѣры, для усиленія и облегченія торговыхъ сношеній Печорскаго края, необходимо озаботиться точнымъ снятіемъ и наложеніемъ на карту устьевъ Печоры; ибо, частыя крушенія кораблей, идущихъ въ Печору, показываютъ, что

мѣры, принятыя, въ этомъ отношеніи, Печорскимъ товариществомъ, совершенно недостаточны. Между тѣмъ, опасности, которымъ подвергаются суда идущія на Печору, не только увеличиваютъ фрахтъ, но могутъ совершенно отбить охоту предпринимать это плаваніе, которое, въ сущности, мало чѣмъ затруднительнѣе плаванія къ устьямъ Двины или Онеги. Совершенно необходимо было бы, также, обязать Печорское товарищество, взаменъ предоставленныхъ ему правительствомъ льготъ и привилегій, содержать на устьяхъ Печоры облегчительныя средства для прохода судовъ чрезъ баръ, для ввода ихъ въ рѣку, и обратно вывода изъ нея, какъ то: камели, или по крайней мѣрѣ разгрузныя суда, пароходы и хорошихъ лодмановъ.

Коммисія, посѣщавшая Печорскій край, указываетъ еще на важность устройства путей сообщенія между верховьями Печоры и Чердынью, такъ какъ этимъ путемъ доставляются всѣ продовольственныя средства на Печору. Для этой цѣли, почитаетъ она необходимымъ устроить зимній путь между Цидвинскимъ селеніемъ и Устьяловскою пристанью на рѣкѣ Березовкѣ, принадлежащей къ системѣ Камы, и лѣтній путь между этой пристанью и Явшинскою пристанью на Печорѣ. Такъ какъ пути эти пролегаютъ по Пермской губерніи, то г. Архангельскій губернаторъ не могъ внести устройства ихъ въ число проектовъ, имѣющихъ цѣлью усиленіе производительности Архангельской губерніи. Г. Данилевскій не высказываетъ рѣшительнаго мнѣнія по сему предмету, потому что мѣстныя потребности и нужды верховьевъ Печоры ему совершенно неизвѣстны, и полагаетъ необходимымъ войти объ этомъ предметѣ въ сношеніе съ мѣстными властями Пермской губерніи. Печорская компанія сообщаетъ, между прочимъ, что одинъ купецъ, Константинъ Юргасовъ, брался устроить на свой счетъ зимнее сообщеніе между селомъ Цидвинымъ и Устьяловскою пристанью, проведеніемъ на разстояніи 100 верстъ просѣки въ 3 сажени шириною, постройкою 22 мостовъ чрезъ ручьи и рѣчки, и казармъ съ навѣсами для остановки ямщиковъ съ лошадьми, и устройствомъ фашичника чрезъ болота въ $3\frac{1}{2}$ версты близъ самой Устьяловской пристани, обязываясь, кромѣ того, запастись фуражъ для корма лошадей. За проложеніе этой дороги онъ выговаривалъ себѣ слѣдующія условія: а) чтобы въ продолженіе 12 лѣтъ со времени устройства дороги, на которое онъ полагаетъ 3 года, торгующіе съ Печорскимъ краемъ обязаны были платить ему по 20 коп. съ

воза товаровъ, провозимыхъ изъ Чердыни на Якшу и обратно въ Чердынь; б) чтобы вырубленный съ просѣки лѣсъ былъ безошлинно предоставленъ ему, для постройки казармъ, мостовъ, трубъ и проч.; в) чтобы ему дозволено было безошлинно расчищать сѣнокосы по рѣкамъ и ручьямъ вблизи дороги, и косить на нихъ сѣно для заготовленія фуража; и г) чтобы въ теченіе этихъ 12 лѣтъ былъ запрещенъ проѣздъ и провозъ тяжестей по другимъ дорогамъ. На всѣ эти мѣры, кромѣ послѣдней, г. Данилевскій полагалъ бы возможнымъ согласиться, дабы не обременять казну расходами.

11. Добываніе минеральныхъ богатствъ.

Въ Архангельской губерніи есть руды желѣзныя, мѣдныя и даже серебряныя, а также признаки нефти. Желѣзныя руды разрабатывались нѣкогда въ Кореліи, и нынѣ жителямъ этого края разрѣшено безошлинное употребленіе лѣса для выплавки чугуна изъ тамошнихъ рудъ. Въ Кемскомъ-же уѣздѣ, а также по теченію рѣки Цильмы, находятся мѣдныя руды. На первыя являются желающіе устроить заводы для ихъ обработки. Серебряныя руды находятся на Медвѣжьемъ островѣ, лежащемъ близъ сѣвернаго берега Кандалацкаго залива. Содѣйствовать разработкѣ этихъ рудъ можетъ правительство однимъ лишь безошлиннымъ отпускомъ, какъ строеваго лѣса на устройство заводовъ, такъ и дровянаго для выплавки рудъ; а за симъ все должно быть предоставлено частной предпріимчивости.

Въ заключеніе своего отчета, г. Данилевскій замѣчаетъ, что если мѣры, въ немъ предложенныя, будутъ удостоены вниманія правительства и въ возможно-непродолжительномъ времени приведены въ исполненіе, то можно смѣло надѣяться, что жители Архангельской губерніи получатъ значительное облегченіе, и положеніе ихъ, мало по малу улучшаясь, достигнетъ со временемъ значительной степени благосостоянія; но очевидно, что на это потребуются не мало времени. До тѣхъ же поръ, нельзя не опасаться, что неблагоприятныя годы, какъ въ отношеніи урожаевъ, такъ и относительно промысловъ, могутъ поставить жителей въ бѣдственное положеніе. Посему, кажется необходимымъ улучшить бытъ крестьянъ

Архангельской губерніи немедленнымъ облегченіемъ лежащихъ на нихъ податей и повинностей, и образованіемъ особаго капитала, насчетъ котораго въ неурожайные годы могли бы быть дѣлаемы имъ ссуды хлѣбомъ, для пропитанія и для посѣва.

Относительно облегченія податей и повинностей, г. Данилевскій, соглашаясь вполне съ проектомъ г. Архангельскаго губернатора, ограничивается лишь перечисленіемъ тѣхъ изъ этихъ мѣръ, которыя кажутся ему наиболѣе существенными: 1) Привлечь къ участию въ земскихъ повинностяхъ всѣ промышленныя и торговыя заведенія. 2) Включить въ число предметовъ обложенія казенные и удѣльные лѣса, обложивъ ихъ пошдиною, напримѣръ въ 2 процента съ валоваго годоваго дохода. 3) Подвергнуть сбору на земскія повинности земли удѣльнаго и казеннаго вѣдомствъ, въ соразмѣрности съ доходностью ихъ. 4) Обложить сборомъ мѣстные крестьянскіе промыслы, какъ то: звѣриные и рыбные промыслы, смолокурение и т. п. 5) Уменьшить государственный земскій сборъ съ 40 на 10 коп. съ души. 6) Отнести содержаніе всѣхъ почтовыхъ дорогъ, пролегающихъ внѣ крестьянскаго надѣла, по казеннымъ или удѣльнымъ землямъ, на государственный земскій сборъ. (Имѣя въ виду, съ одной стороны, малонаселенность губерніи и огромное протяженіе этихъ дорогъ, простирающихся на 1.750 верстъ, а съ другой, что содержаніе ихъ въ исправности еще болѣе важно въ общегосударственномъ отношеніи, чѣмъ для нуждъ мѣстныхъ жителей, нельзя не прійти къ заключенію о необходимости и справедливости этой мѣры. Надо принять только во вниманіе, что крестьянамъ приходится иногда отправляться, для исправленія дорогъ, за 400 верстъ отъ мѣста жительства. 7) Отнести, по крайней мѣрѣ, содержаніе станцій для полицейскихъ управленій также на государственный земскій сборъ, ибо и подводная повинность, исправляемая на пространствахъ 6.000 верстъ, не подъ силу населенію губерніи.

Что касается до продовольствія губерніи, то, соглашаясь, въ принципѣ, съ мнѣніемъ губернатора, что даровое кормленіе народа вредно по своимъ послѣдствіямъ, и что оно никоимъ образомъ не можетъ лежать на обязанности правительства, Данилевскій тѣмъ не менѣе полагаетъ, что въ виду особыхъ условій, въ которыхъ находится Архангельская губернія, недовольно еще, чтобы всегда имѣлся во всѣхъ мѣстностяхъ ея достаточный, для продовольствія жителей, запасъ хлѣба, продаваемаго не по торговой, а по той

цѣнѣ, по которой ббошлась его заготовка. Неурожаи въ такой степени увеличиваютъ расходы населенія на приобрѣтеніе хлѣба, что оно становится ему не подъ силу. Посему, необходимо повсемѣстно образовать ссудныя хлѣбныя магазины, изъ которыхъ каждое общество могло бы выдавать членамъ своимъ, заимообразно, необходимое количество хлѣба, взыскивая розданный въ ссуду хлѣбъ въ тѣ годы, когда онъ дешевъ. Общественныя запашки, какъ совершенно основательно замѣчено г. Архангельскимъ губернаторомъ, могутъ имѣть мѣсто только въ южной части губерніи, и то только въ томъ случаѣ, если крестьянамъ дана будетъ для сего земля отъ казны и отъ удѣла, по $\frac{1}{8}$ десятины на душу, и разчистка этой земли произведена будетъ на общественный счетъ, преимущественно неисправными плательщиками податей. Что-же касается до сѣверныхъ частей губерніи, то общественныя запашки къ ней не примѣнимы. Всего полезнѣе было бы принять общую для губерніи мѣру—наложеніе на вино, при отпускѣ его изъ складовъ, по 50 к. съ ведра, сверхъ акциза. Получаемая отъ сего сумма должна бы идти первоначально на образованіе ссудныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, начиная съ мѣстностей наиболѣе въ семъ нуждающихся. По удовлетвореніи этой насущной потребности, этотъ сборъ можно бы продолжать взимать для образованія капитала сельской благотворительности. Если бы общественная запашка, на данной для сего казною и удѣломъ землѣ, въ южныхъ частяхъ губерніи, была введена совмѣстно съ наложеніемъ 50-ти копѣечнаго сбора съ ведра вина, то необходимый для образованія ссудныхъ хлѣбныхъ магазиновъ и сельской благотворительности капиталъ могъ бы составиться въ довольно непродолжительное время, ибо одинъ налогъ съ вина далъ бы ежегодно не менѣе 70.000 руб. Съ усиленіемъ промысловыхъ средствъ губерніи, съ усиленіемъ ея хлѣбопашества, съ удешевленіемъ хлѣба посредствомъ проведенія Вятско-Двинской желѣзной дороги, какъ общественныя запашки, такъ и сборъ съ вина, могли бы быть прекращены, и, въ случаѣ возможности, даже хлѣбъ изъ ссудныхъ магазиновъ могъ бы быть проданъ, для усиленія благотворительнаго капитала тѣхъ обществъ, для которыхъ миновала бы опасность раззоренія отъ неурожаевъ.
